

de ^{10'93} visu

ежемесячный
историко-
литературный
и библиографический
журнал

de visu 10 (11)'93

ежемесячный
историко-литературный
и библиографический
журнал

ПУБЛИКАЦИИ И РЕПУБЛИКАЦИИ	5	К истории «артели» писателей «Круг» <i>К.М.Поливанов</i>
	16	Из переписки А.В.Луначарского и П.И.Лебедева-Полянского <i>А.В.Блюм</i>
	24	М.А.Волошин. Письмо Б.М.Талю <i>А.В.Лавров</i>
	28	К истории раннего советского самиздата <i>В.И.Безъязычный,</i> <i>В.Э.Молодяков</i>
СТАТЬИ	39	<i>М.Л.Гаспаров</i> Поэт и культура: Три поэтики Осипа Мандельштама
БИБЛИОГРАФИЯ	71	<i>Н.А.Богомолов</i> Материалы к библиографии <i>А.И.Тинякова</i>
ОБЗОРЫ	80	Книги. Журналы. Газеты
ХРОНИКА	94	
POST SCRIPTUM	102	

Журнал редактируют:
Александр Галушкин и Александр Розенштром

Над номером работали:
Юрий Бин, Елена Дворецкая,
Андрей Лебедев, Сергей Путилов,
Андрей Устинов

Оформление:
Татьяна Чернова

При перепечатке ссылка на «De Visu» обязательна
Рукописи не рецензируются, но возвращаются

С №4(5) журнал издается при поддержке
Союза учредителей фондов немецкой науки (Эссен)
Stifterverband der deutschen Wissenschaft (Essen)

Писать по адресу:
Россия, 117437, Москва,
ул. Островитянова, 19 — 139.

Телефоны: 289-63-08, 335-28-84

Подписку за рубежом осуществляет
Tatiana Tchernova:
P.O. Box 1641
New York, NY 10159-1641, USA

ЛР № 070205 от 22.10.91
Формат 60x84 1/8 Печать офс. Бум. офс. № 1
Заказ 980 Тираж 1000 Ус. печ. л. 13,0
Отпечатано на Производственно-издательском
комбинате ВИНТИ, 140010, Московская обл.,
г. Люберцы, Октябрьский проспект, 403

Ежемесячный историко-литературный и библиографический журнал «De Visu» посвящен русской литературе конца XIX — первой трети XX вв. (от зарождения символизма до торжества социалистического реализма).

В каждом номере:

- Публикации и републикации неизвестных и забытых текстов русской литературы 1890-1930-х гг.*
- Статьи и исследования, посвященные литературе этого периода.*
- Книжные обзоры и рецензии*
- Ретроспективная библиография (указатели содержания журналов, тематическая библиография, Personalia и др.)*
- Текущая библиография (аннотированные тематические указатели книг, публикаций в журналах и газетах, посвященных русской литературе 1890-1930-х гг.)*
- Хроника научной жизни.*

К истории «артели» писателей «Круг»

Так называемая «артель» писателей «Круг» в истории советской литературы известна главным образом по одноименному издательству, существовавшему при ней в 1922-1929 гг. и выпустившему целый ряд книг и альманахов (в том числе — шесть томов альманаха «Круг», в которых печатались А.Малышкин, М.Горький, Б.Пильняк, А.Белый и др.) В конце 1920-х гг. «артель» писателей вошла в ФОСП (Федерацию объединений советских писателей). Декларация «артели» была опубликована в 1927 г. — в каталоге издательства, выпущенном к 5-летию «Круга». В ней заявлялось о стремлении «направить свои силы на работу по реорганизации старого и формирования нового быта» (общее место многих деклараций второй половины 1920-х гг.), об идейной приверженности «основам проводимой Советами революционной работы» и в то же время подчеркивалось, что ««Круг» не имеет в виду придать русской литературе служебное или агитационное значение <...>, но утверждает своей отправной литературно-общественной программой художественные преломления и отображения русской революции, русской деятельности, русской жизни». В декларации также подчеркивалось, что, признавая право писателей на индивидуальность, участники «артели» считают общим для себя «реалистическое мироощущение и миропонимание»¹. Под этим документом стояли подписи: Г.В.Алексеев, А.Я.Аросев, Н.Н.Асеев, И.Э.Бабель, Д.К.Богомильский, Артем Веселый, А.К.Воронский, Ф.В.Гладков, Д.А.Горбов, М.Горький, М.М.Зощенко, В.В.Иванов, В.Каверин, В.В.Казин, И.М.Касаткин, Ф.М.Кон, А.З.Лежнев, Л.М.Леонов, Н.Н.Ляшко, А.Г.Малышкин, Н.Н.Никитин, А.С.Новиков-Прибой, Н.Огнев, П.В.Орешин, Б.Л.Пастернак, Б.Пильняк, В.Саянов, М.А.Светлов, Л.Н.Сейфуллина, И.Л.Сельвинский, С.А.Семенов, М.Л.Слонимский, И.С.Соколов-Микитов, Н.С.Тихонов, К.А.Федин, А.А.Фадеев, А.П.Чапыгин, Б.Д.Четвериков, В.Я.Шишков².

Из содержательной вступительной статьи Е.А.Динерштейна к публикации «А.К.Воронский: Из переписки с советскими писателями» было ясно уже в 1983 г., что организация «Круга» стала результатом деятельности специальной комиссии Отдела агитации и пропаганды ЦК. Инициатором же образования «артели» был А.Воронский. 14 февраля 1922 г. он выступил на заседании Главполитпросвета с предложением об организации ряда объединений писателей

«советского направления»; параллельно предполагалось создать и несколько кооперативных литературно-художественных издательств. Эта инициатива была поддержана Агитпропом ЦК, созвавшим 21-23 февраля под председательством Я.А.Яковлева совещание представителей всех заинтересованных организаций (основные докладчики — А.Воронский и Н.Л.Мещеряков). Воронский, в частности, говорил о необходимости «сплочения близко стоящих к нам писателей»: «Только таким путем мы можем повести идейную борьбу на книжном рынке». В известной резолюции «О мерах объединения и поднятия работы издательств близких нам групп», принятой на этом заседании, Госиздату рекомендовалось оказывать всяческую поддержку группе пролетарских писателей, «Серапионовым братьям», «Центрифуге», группе Маяковского³. Эти рекомендации спустя всего лишь три дня, 27 февраля, были рассмотрены Оргбюро ЦК, поддержавшим их в специальном решении «О борьбе с мелкобуржуазной идеологией в области литературно-издательской», принятом по выступлению Я.Яковлева и А.Воронского. 6 июля 1922 г. Политбюро ЦК образовало под председательством Я.А.Яковлева специальную Комиссию по организации писателей и поэтов в самостоятельное общество. Таковы факты, изложенные Е.А.Динерштейном⁴.

По вполне понятным причинам исследователь в те годы был лишен возможности раскрыть все механизмы этой деятельности. Документы, ставшие ныне доступными, демонстрируют с предельной очевидностью, как и для чего создавалась «артель» писателей. С откровенностью, свойственной партийным вождям в начале 1920-х гг., собравшаяся комиссия обсуждала необходимость «конспиративного» «политического учета» писателей в новом самостоятельном объединении. Была предложена замечательная по своей незамысловатости система тайного субсидирования «лояльных» литераторов путем выплаты им в издательстве «Круга» гонораров по повышенной ставке (в отличие от тех авторов, которые не состояли в «самостоятельной артели», сконструированной на заседаниях чиновников Агитпропа).

Из публикуемых ниже протоколов становится ясно, что уже в 1922 г. ЦК РКП(б) в полной мере уяснил все «неудобства» существования многочисленных, пусть даже и вполне лояльных, литературных объединений (особо активизировавших, заметим, свою деятельность в начале 1920-х гг.) Неудивительно, что власти взялись за организацию «артели» именно в 1922 г. — в год решительного идеологи-

ческого наступления: в это время шла подготовка высылки группы русской интеллигенции, частное книгоиздание, только получившее экономическую свободу после введения нэпа, стало подвергаться государственному ограничению, закрывались культурные и просветительские организации и др. В этом контексте следует рассматривать и принятие в августе 1922 г. постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними», согласно которому все общественные организации (включая, конечно, и литературные) подлежали обязательной перерегистрации с представлением устава, сведений об учредителях и т.п. в Административный отдел НКВД⁵, который, в свою очередь, вопрос о регистрации должен был согласовывать с Агитпропом ЦК и Секретным отделом ОГПУ. Отказ в регистрации уже тогда стал одним из способов отсеять лояльные объединения от «нежелательных».

Организация «артели» писателей «Круг» стала одним из первых опытов создания подконтрольного писательского объединения. Какое внимание придавало государство этому начинанию видно хотя бы из того, что в заседаниях принимали участие: Л.Б.Каменев (в то время — фактически второе лицо в правительстве), заместитель заведующего Агитпропом ЦК, руководители тогдашнего Главлита и крупнейшего издательства страны, а также главный редактор журнала, претендовавшего на наиболее точное выражение политики партии в области литературы. Фактически тогда и были сформулированы те принципы руководства литературой и литераторами, которые спустя десять лет легли в основу организации одного из монструозных порождений большевистского режима — Союза советских писателей.

В большинстве случаев историко-литературной практики нам кажутся неубедительными утверждения, что «голые» документы, факты («материал») могут сообщить больше, чем тщательное, аналитическое исследование. Однако, в данном случае к предлагаемым читателю документам трудно, кажется, добавить что-либо, равное им по «информативности».

Исходя из специфики документов, мы позволили себе не приводить биографических справок обо всех упомянутых в них писателях, о большей части которых можно найти информацию в «Краткой

литературной энциклопедии»; за незначительными исключениями прокомментированы лишь те, которые отсутствуют в «КЛЭ».

Документы печатаются по рукописи (РЦХИДНИ, ф.17, оп.60, ед.хр.175, л.1-4); ранее частично приведены в книге: Динерштейн Е. Маяковский и книга: Из истории издания произведений поэта. М., 1987. С.97-98. Оригинал плохо сохранился, некоторые слова и фамилии разобрать не удалось; как правило, они обозначены угловыми скобками. Зачеркнутые фрагменты даются в квадратных скобках.

1. Каталог издательства «Круг». М., 1927. С.6-7. Перепечатано в сборнике: Литературные манифесты: От символизма к «Октябрю». М., 1929.

2. В «КЛЭ» Б.Л.Комановский сообщает, что в Правление издательства «Круг» входили: А.К.Воронский (председатель), Н.Н.Асеев, И.Э.Бабель, Артем Веселый, В.В.Иванов, Л.М.Леонов, Н.Н.Ляшко, А.С.Новиков-Прибой, Б.Л.Пастернак, Б.Пильняк, И.Л.Сельвинский, К.А.Федин (М., 1966. Т.3. Стлб. 842). Несколько другой список членов «артели» приводится в указателе «Московские и ленинградские издатели и издательства двадцатых годов»: А.Я.Арошев, И.Э.Бабель, Э.Г.Багрицкий, А.Белый, Д.К.Богомильский, Артем Веселый, А.К.Воронский, Е.И.Замятин, М.М.Зошенко, В.В.Иванов, В.Каверин, В.В.Казин, В.П.Катаев, В.П.Кин, А.З.Лежнев, Л.М.Леонов, Н.Н.Ляшко, А.Г.Мальшкін, П.Г.Низовой, Н.Н.Никитин, Ю.К.Олеша, Б.Пильняк, Л.Н.Сейфуллина, И.Л.Сельвинский, М.Л.Слонимский, А.Н.Тихонов, Ю.Н.Тынянов, К.А.Федин, О.Д.Форш, А.П.Чапугин (Ч.1. М., 1990. С.66-67).

3. См.: Динерштейн Е.А. Маяковский в «Круге» и «Красной нови» // Маяковский и советская литература. М., 1964. С.408; Он же. Маяковский и книга. С.96.

4. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов: Новые материалы и исследования. М., 1983 (Литературное наследство. Т.93). С.535.

5. См. подробнее: Коржихина Т.П. Законодательные источники по истории общественных организаций СССР. (1917-1936 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т.18. С.221-248.

Протокол №1
Заседания комиссии по организации писателей и поэтов
в самостоятельное общество от 11.VII.22 г.

Присутствуют: т.т. Яковлев¹, Воронский, Мещеряков².

Слушали:

1. Об учете писателей.

2. Об организации Общества.

3. Об организационном бюро.

Постановили:

1. Просить ЦК изменить свое постановление³ в п. 1 в том смысле, чтобы этот учет производился при Главном Управлении по делам печати⁴. Мотивы: а) в аппарате Госиздата работают главным образом спецы, неприспособленные для этой работы; б) при Госиздате трудно сохранить конспирацию; в) так как учет будет носить отчасти и политический характер, то «бросать тень» на Госиздат нецелесообразно.

2. При организации беспартийного Общества использовать практически существующую группу при «Красной Нови»⁵.

В Общество привлечь: а) старых писателей, примкнувших к нам в первый период революции (Брюсов, Городецкий, Горький и т.д.); б) пролетарских писателей (Ассоциация пролетарских писателей, Петербургский и Московский Пролеткульт); в) футуристов (Маяковский, Асеев, Бобров и т.д.); г) имажинистов (Мариенгоф, Есенин, Шершеневич, Кусиков и т.д.); д) Серапионовых братьев (Всеволод Иванов, Шагинян, Никитин, Тихонов, Полонская и т.д.); е) группу колеблющихся, политически неоформленных из талантливой молодежи (Борис Пильняк, Зощенко и т.д.); ж) сменовеховцев (А.Толстой, Адрианов⁶ и проч.)

3. а) Составить организационное бюро из:

1) Асеева (группа кубофутуристов);

2) Кусикова (условно, — если вернется)⁷ (группа имажинистов);

3) Ляшко (Моск<овская> Ассоц<иация> Пролет<арских> Писат<елей>);

4) Семенова (Петербургск<ая> Ассоц<иация> Пролет<арских> Писат<елей>);

5) Брюсова;

6) Ал.Толстого;

7) Вс. Иванова (Серапионовы Бр<ать>я);

8) Бор.Пильняка;

9) А.Воронского (Из публицистов?[?] критиков);

10) одного из военных журналистов Р.В.С. (поручить выяснить т.Яковлеву);

11) Плетнева (Пролеткульт);

12) Адрианова;

13) Сакулина.

б) Срок формирования Бюро и утверждения декларации Общества — 1 мес.

в) Председателем Бюро наметить условно Асеева.

- | | |
|----------------------------|---|
| 4. О формах субсидии | 4. а) Оплачивать рукописи авторов, входящих в Общество, повышенным тарифом;
б) Предоставить Обществу дом, в котором можно было бы поселить 50 человек писателей;
в) Создать в Обществе фонд для поддержки больных писателей. |
| 5. Порядок организации. | 5. Немедленно после официального формирования Бюро и принятия им декларации открыть запись членов Общества; через два месяца — общее собрание членов Общества и утверждение устава; издательство открывает свою работу немедленно по формировании Бюро. |
| 6. О названии Общества. | 6. Отложить до следующего заседания. |
| 7. О замене т. Мещерякова. | 7. Заменить т. Мещерякова на время его отсутствия т. Полянским ⁸ . |

Председатель *Я.Яковлев*.

Протокол №2

Заседания комиссии по организации писателей и поэтов от 17 июля 1922 г.

Присутствуют: т.т. Яковлев и Воронский.

Слушали:

1. Список писателей, безусловно нам сочувствующих.

2. Повестка следующего заседания.

Постановили:

1. Поручить тов. Воронскому составить список по группам и указать наиболее яркие произведения каждого писателя.

2. Поставить на повестку дня следующего заседания вопросы: 1) список писателей; 2) о формах субсидии; 3) об организации Общества. <...>

Протокол №3

Заседания комиссии по организации писателей и поэтов от 19 июля 1922 г.

Присутствуют: т.т. Каменев⁹, Яковлев, Воронский, Лебедев-Полянский.

Слушали:

1. Список писателей.

2. О формах субсидии.

3. О формах субсидии.

Постановили:

1. Список, предложенный тов. Воронским, принять в основном. Поручить тов. Полянскому дополнить список.

2. Идти к организации Общества через издательство. В инициативную группу [нового] издательства привлечь: Асеева, Вс. Иванова, Пильняка, Ляшко, Семенова, Брюсова, Воронского и одного из «Серапионовых Бр<ать>ев» по соглашению с Шагиняң. Поручить тов. Воронскому снестись с самыми надежными из этой группы.

3. Признать основной формой субсидии — субсидию издательству для повышенного гонорара и для удешевления издания; признать необходимым предоставление издательству (Обществу) дома, в котором мог бы быть устроен клуб, общежитие с обстановкой человек на 40 и при котором смог бы организоваться фонд помощи писателям.

Поручить тов. Воронскому выделить из списка писателей нуждающихся в немедленной субсидии.

Субсидия необходима в размерах, которые дали бы возможность в ближайший месяц издать 10 томов и развернуть «клуб», «общезитие». <...>

[4. О дальнейшей работе комиссии. 4. Признать работу комиссии законченной.]

[А.К.Воронский. Список предполагаемых членов общества «Круг»]

1-ая группа

Ф у т у р и с т ы

В.Маяковский

Книги стихов

Б.Пастернак

Самый талантливый из совр<еменных> поэтов, очень еще молод, влияние на молодежь очень большое, выпустил ряд сборников стихов.

Н.Асеев

Молодой, глубоко одаренный человек, напечатал ряд стихотв<орных> сб<орников:> «Стальной соловей» и др.

С.Бобров

Стихи и повести рассудочны. Энтузиаст. Желчный и едкий критик. Выпустил около полудюжины книг по теории искусства, стихи, повести.

В.Нарбут

Пишет для избранных. Есть сборники стихов.

Аксенов

Критик, в области театра работает вместе с Мейерхольдом.

Илья Эренбург

(«Хулио-Хуренито», «А все-таки вертится»¹⁰, книги стихов).

С е р а п и о н о в ы б р а т ь я

Вс. Иванов

Усиленно печатается. Один из самых активных молодых писателей.

[Ник. Никитин]

Мариэтта Шагинян

Поэтесса («Ориенталь»¹¹ и др.) Сейчас работает в «Питерской правде», а также по истории искусства. Превосходный, скромный и талантливый человек.

Конст. Федин

Молодой писатель («Бакунин в Дрездене» и др.) Работает в журнале «Книга и революция» у Ионов¹² в редакции.

Ник. Тихонов

[Восходящий] Большой поэтический талант. Очень молод. Выпустил книгу стихов, написал чудесную поэму «Сами» и др. С большим будущим.

Е.Полонская

Молодая поэтесса. Печатается в журналах.

П р о л е т а р с к и е п и с а т е л и и п о э т ы

Н.Ляшко

Сборники рассказов («Железная тишина» и др.) Очень много работает над собой. Значительное дарование. Некоторые, напр<имер> тов. Асеев, ставят его очень высоко.

М.Волков¹³

Ряд рассказов, хороших.

С.Семенов

(«Голод», <...> и др. Еще не выписался, но талантлив).

П. Низовой	(«Язычники», ряд повестей и рассказов, некоторые очень недурны).
В. Казин	Очень молод (23 года) и очень талантлив («Рабочий май» и др.) Большая литературная величина.
Герасимов	(Книги стихов, усиленно работает над формой).
Обрадович	Сборники стихов, печатается в «Правде», в журналах.
Кириллов	Стихи, хорошие стихи.
Александровский	<...>
Бердников	Печатается в журналах. Считают [очень] талантливым.
Новиков-Прибой	Морские рассказы, посредственные.
Плетнев	<...>
Анна Веснина ¹⁴	(Печатается в питерских пролетарских журналах, в Сибири, в «Красной Нови», «Крестьянке»).
Антон Пришелец	В журналах и сборниках.
Н. Полетаев	Талантлив несомненно («Песня о соловьях»).
С. Малашкин	Сборники стихов.
Филиппченко	(«Эра славы»). Есть очень хорошие стихи.
Артем Веселый	(Драматические) картины «Мы», рассказы. Очень еще молод и свеж).
Федор Гладков	Интересный писатель. Еще мало известен. <...>
И м а ж и н и с т ы	
Сергей Есенин	Книги стихов.
Мариенгоф	То же.
Кусиков	То же.
Шершеневич	То же.
Крученых	То же.
[К л а с с и к и] « С т а р ы е » п и с а т е л и	
В. В. Вересаев	Кончает превосходную большую повесть «В тупике».
А. Горький	(?)
Валерий Брюсов	
Серафимович	
А. Луначарский	
С. Городецкий	
Насимович ¹⁵	
Вяч. Шишков	
О. Мандельштам	Книги стихов.
Шенгели	То же.
Андрей Глоба	Драмы, стихи и т. д.
[П. Орешин	Книги стихов]
М. Криницкий	Книги рассказов.
А. Свирский	Книги рассказов.
Демьян Бедный	
Вас. Смирнов ¹⁶	Стихи.

Волчанецкая ¹⁷	Стихи.
Алтаева ¹⁸	Повести для юношества.
Вас. Князев	Стихи, статьи.
Ионов	

2-ая группа

Б.Пильняк	(Национал — большевик, называет себя сменовеховцем, хотя неизвестно какие «вехи» он сменял ¹⁹ . Большой, очень большой талант. Молодой, но невыровнявшийся. Выпустил «Былье», «Голый год», «Смертельное манит» и др.)
Ник. Никитин	Серапионовец. По таланту выше Вс. Иванова, но ему еще 24 года, а Иванову 28. Рассказы разбросаны. Ищет, колеблется. Работает <...>. Чрезвычайно одарен.
А. Чапыгин	С неким мистическим уклоном и ненавистью мужицкой к барам. Дал северный край. Большая сила: «Белый скит», «На лебяжьих озерах» и т.д.
Мих. Зощенко	Серапионовец. В духе Лескова (<...> «Рассказы Синебрюхова». Стилизация мещанского языка. Есть свежесть).
А.Н.Толстой	Смена вех. За рубежом.
А.Яковлев	Простой, сочный, искренний бытописатель (ст<атьи> в «Пересвете», «Красной Нови» и др. изд.) Случается есть оттенок «мистицизма», в рассказах — реалист — мистицизм сказывается редко.
Мих. Козырев ²⁰	«Морока». Сатирик советского быта.
Лидин	Хорошо отделанные рассказы («Моря и горы» и др.) Стилизация Бунина и Белого немного.
Ив. Вольнов	Воюет с местными властями, садится в Чека, рукописи <сожжены?>, в письмах настроен очень лояльно ²¹ .
Тренев	Бедствует в Крыму.
Андрей Белый (?)	За рубежом. Белым окрашено (форма) почти все художественное слово. Влияние на литер<атурные> круги совершенно исключительное.
Ходасевич (?)	Стихи.
Соколов-Микитов	Смено-веховец. В Сов. России ²² .
<...>	}
Тан	
Бибик	«На широкой дороге» и др.
Лев Лунц	}
М.Слонимский	
Марина Цветаева (?)	Талантливая поэтесса.
Волькенштейн	Драматург.

3-я группа

Максим. Волошин	Анархист. Очень большой и глубокий талант. Голодает в Крыму.
Сергеев-Ценский	Живет в Крыму, голодает.
Н.Никандров	Голодает в Крыму.

Соловьева (Allegro)	Голодает в Крыму.
Пришвин	Освещает сильно, но с душком, советский быт.
Ив. Шмелев	Расстрелян сын в Крыму ²³ . Очень тяжелое и убитое моральное состояние.
Пимен Карпов	Хлыстовец-крестьянин.
Ремизов	Стремится в Россию ²⁴ .
Ольга Форш	Талантливая писательница. Быт и освещение благодушное и обывательское.
Андрей Соболев	(«Салон-вагон» и др.)
Ю.Слезкин	
Анна Ахматова (?)	(Расстрелян муж — Гумилев).
Ив. Новиков (?)	Рассказы, повести.
Ив. Рукавишников	Стихи.
[Арцыбашев	<...>]
Крестьянские писатели и поэты:	
П.Орешин	Книги стихов. Талантлив безусловно.
А.Неверов	Повести, рассказы и др.
С.Клычков	Книги стихов.
Д.Семеновский	Печатается в сборниках.
Мих. Артамонов ²⁵	Книги стихов, работает в «Правде».
П.Радимов	Голландская школа. Книги стихов. Переводы с татарского и т.д.
И.Ерошин	Печатается в сборниках, журналах и т.д.
С.Есенин	Нужно отнести также и к этой группе.
[Молодые по преимуществу писатели]	
Молодежь, стоящая вне лит<ературных> группировок	
Сейфуллина	(См. «Сибирские огни»). Большой талант.
Катаев	Начал недавно печататься.
А.Аросев	«Красная новь».
А.Зуев	«Правда», «Красная Новь».
Анна Баркова ²⁶	Сборник стихов обещает.
Зазубрин	(Роман «Два мира»).
[Федор Гладков	«Летопись», «Новый мир», «Наши дни» №2, хорошие повести]
В.Тамарин ²⁷	(«Красная новь», «В пустыне»). Сильный рассказ.
Перегудов	Начинает печататься.
Петр Мытарь ²⁸	То же.
Шимкевич ²⁹	То же.
Клавдия Лаврова ³⁰	Стихи.
Евгений Федоров ³¹	То же.
Н.Степной ³²	Рассказы.
Юрий Либединский	Прекрасная ком<мунистическая> повесть «Неделя» печатается в №2 «Наши дни».
Жижин Иван	Стихи, бывают хорошие.
Ник. Смирнов	То же.

Эйдеман	Латышские стихи, рассказы.
Малышкин	Начинает печататься, повести.
Оксенов	Стихи.
Л.Рейснер	Художественные фельетоны.
А.Дроздов	Бывший деникинец, теперь сменовеховец, самый левый ³³ .
Зозуля	Автор малоизвестен, говорят, очень талантлив.
П.Зайцев ³⁴	Стихи.

[П.И.Лебедев-Полянский. Дополнения к списку А.К.Воронского]³⁵

К первой группе следует добавить:

Ник. Никитин	(Из 2-й группы). «Серापинец».	} Пролетар<ские> писат<ели>.
А.Самобытник	(Не включен в списки)	
И.Садофьев	(Не включен в списки)	
Н.Тихомиров	(Не включен в списки)	
В.Каменский	(Не включен в списки). Футур<ист,> советски-революц<ионный> писат<ель>.	
И.Белюсов	(Не включен в списки). Писатель из народа, вполне сочувствующий революции, поэт не большой, но имеет много связей с пролет<арскими> писателями <...>	
Н.Соколов ³⁶	(Начинающий). 2 его рассказа в «Творчестве», «Молодой гвардии».	
Касаткин	(Не включен в списки). Небольшой, старый писатель, нам вполне сочувствует, и, м<ожет> б<ыть>, даже коммун<ист> теперь.	

Ко второй группе следует добавить:

Телешев	(Не включен в списки).
В.Язвицкий	(Не включен в списки). Был большевик, в партии с 1904-905.
Никандров	(Из третьей группы). Старый писатель.
Ю.Слезкин	(Из третьей группы). Стар<ый> писатель.
Л.Остроумов ³⁷	(Не включен в списки). Настроен к нам вполне доброжелательно.
Н.Ашукин	(Не включен в списки). Доброжелателен к нам.

К третьей группе следует добавить:

Г.Чулков	(В списке пропущен). Не активен.
А.Белый	(Из второй группы).
Бибик	(Из второй группы). Очень талантливый пролетарский писатель, по определению — меньшевик, активно не выступает, но с «Чеккой» дело имеет часто за свои «неосторожные» разговоры ³⁸ .
Зозуля	Думаю, что вернее отнести к 3-ей группе.

Примечания

1. Яковлев (Эпштейн) Яков Аркадьевич (1896-1938) в 1921-1922 гг. занимал пост заместителя заведующего Агитпропа.

2. Мещеряков Николай Леонидович (1865-1942) в 1920-1924 гг. — председатель редакционной коллегии Госиздата.

3. Речь идет, очевидно, о решении Политбюро ЦК от 6 июля 1922 г. (см. подробнее во вступит. ст.)

4. Планируемый переход Общества из-под юрисдикции Госиздата под надзор Главного управления по делам печати (Главлита) закономерно вызвал замену в комиссии Н.Л.Мещерякова на П.И.Лебедева-Полянского, см. Протокол №3.

5. Подготовка списка писателей — возможных членов будущей Артели была поручена А.Воронскому, который основывался при его составлении и на собственном редакторском опыте. Многие из писателей, включенных в список, в 1918-1922 гг. уже прошли его «цензуру»: некоторые публиковались на страницах иваново-вознесенской газеты «Рабочий край», журнала «Красная новь» и альманаха «Наши дни», редактировавшихся Воронским; рукописи других уже были приняты к печати в изданиях, вышедших в 1923 г. также под редакцией Воронского (журнал «Прожектор», альманах «Круга»). В указанной публикации Е.А.Динерштейна в «Литературном наследстве» собран и проанализирован материал, относящийся к истории взаимоотношений А.Воронского и писателей, включенных в список (О.Форш, И.Вольнов, В.Брюсов, М.Зоценко, Б.Пильняк, С.Семенов, Н.Никитин, Вс.Иванов, Д.Семеновский, А.Толстой, В.Вересаев, К.Тренев, И.Эренбург, М.Артамонов, Е.Полонская, М.Пришвин, Н.Тихонов, М.Слонимский, О.Мандельштам, Ф.Гладков, А.Белый и др.), а также описаны публикации их произведений на страницах редактировавшихся Воронским изданий.

6. Очевидно, речь идет о Адрианове Сергее Александровиче (1871-1941) — историке литературы и литературном критике, сотрудничавшем в сменовеховском журнале «Новая Россия» («Россия»).

7. А.Б.Кусиков (Кусикян, 1896-1977), командированный вместе с Б.Пильняком в начале 1922 г. в Германию, в Россию не вернулся.

8. Лебедев Павел Иванович (псевд. В.Полянский, 1881/1882-1942) в это время возглавлял Комитет по делам печати.

9. Каменев Лев Борисович (1883-1936) с весны 1922 г., в связи с болезнью В.И.Ленина, занимал пост заместителя председателя Совнаркома и СТО.

10. Точное название книги И.Г.Эренбурга — «А все-таки она вертится» (1922).

11. Точное название книги М.С.Шагинян — «Orientalia» (1913).

12. Ионов (Бернштейн) Илья Ионович (1887-1942) — пролетарский поэт, издательский деятель, с 1921 г. член редколлегии журнала «Книга и революция».

13. Волков Михаил Иванович (1886-1947) — прозаик, заведующий литературным отделом московского Пролеткульта, впоследствии — член группы «Кузница».

14. Веснина Анна — автор нескольких сборников рассказов, вышедших в 1920-1922 гг.

15. Очевидно, речь идет об А.Ф.Насимовиче (1880-1947).

16. Смирнов Василий Алексеевич — поэт и журналист, с 1922 г. сотрудник «Правды»

17. Волчанецкая Екатерина Дмитриевна (Ровинская, 1881- ?) — поэтесса.

18. Речь идет о М.В.Ямщиковой (1872-1959), выступавшей под псевдонимом «Ал. Алтаев».

19. Незадолго до совещаний в Агитпропе ЦК Б.Пильняк направил «Письмо в редакцию» берлинского журнала «Новая русская книга», в котором, в частности, заявлял: «Я приветствую сменовеховство как искание. Сам я, в сущности, сменовеховец» (Новая русская книга. 1922. №5. С.43).

20. Козырев Михаил Яковлевич (1892-1941) — писатель-сатирик.

21. И.Е.Вольнов (1885-1931) с 1903 г. — член партии эсеров, боевых организаций, принимал участие в крестьянских волнениях. С 1917 г. занимался активной общественной деятельностью, член Учредительного собрания. В начале 1920-х гг. жил в родной деревне, неоднократно подвергался арестам.

22. И.С.Соколов-Микитов (1892-1975) вернулся из эмиграции в июле 1922 г. О сложности его общественной позиции, не сводимой к платформе берлинского «сменовеховства», см., напр., в книге: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин. 1921-1923. Paris, 1983. С.205.

23. Сын И.С.Шмелева (1873-1950), офицер Добровольческой армии, был расстрелян в 1921 г. по приказу Бела Куна.

24. А.М.Ремизов (1877-1957) бежал из Петрограда в августе 1921 г.

25. Артамонов Михаил Дмитриевич (1888-1958) — пролетарский поэт.

26. Баркова Анна Александровна (1901-1976) — поэтесса.

27. Тамарин Валентин — автор книги «Пустыня: История одного похода», изданной сперва в Харькове в 1922 г., а позже в серии «Дешевая библиотека «Круга»».

28. Неустановленное лицо.

29. Шимкевич Михаил Владимирович (1885-1942) — драматург, участник ряда литературных объединений 1920-х гг.

30. Лаврова Клавдия Николаевна (1892 — ?) — поэтесса.

31. Очевидно, речь идет о Е.А.Федорове (1897-1961).

32. Псевдоним прозаика Николая Александровича Афиногенова (1878-1947).

33. А.М.Дроздов (1895-1963) — участник Добровольческой армии и сотрудник Освага, эмигрировал в 1920 г. В Берлине начал сотрудничать со «сменовеховской» газетой «Накануне», в декабре 1923 г. вернулся в Россию.

34. Зайцев Петр Никанорович (1889-1970) — поэт и переводчик, с июня 1922 г. редактировал еженедельную литературную газету «Московский понедельник» («Понедельник»), официально возглавлявшуюся П.Лебедевым-Полянским.

35. Предлагаемые П.Лебедевым-Полянским перемещения писателей из группы в группу позволяют предположить, что в основе разделения на группы лежала предварительная соотнесенность с принадлежностью к соответствующим категориям на получение «академического пайка». (Материалы из архива Агитпропа ЦК, посвященные распределению пайков среди литераторов в 1922 г., готовятся нами к публикации).

36. Соколов Н. — автор вышедшей позднее в издательстве «Красной нови» брошюры «Летающие люди» (М., 1924), посвященной истории воздухоплавания и необходимости создания советского воздушного флота.

37. Остроумов Лев Евгеньевич (1892-1955) — поэт, переводчик, детский писатель.

38. А.П.Бибик (1877-1976) участвовал в социал-демократическом движении с 1895 г., в 1906 г. — делегат Стокгольмского съезда РСДРП от фракции меньшевиков-плекхановцев, в 1920 г. заявил о выходе из партии меньшевиков, что, впрочем, не избавило его впоследствии от более чем двадцатилетнего отбытия срока в лагерях и ссылки (1936-1957).

Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания К.М.Поливанова.

Из переписки А.В.Луначарского и П.И.Лебедева-Полянского

Публикуемая переписка хранится в личном фонде Павла Ивановича Лебедева-Полянского (1881-1948) в Архиве Российской Академии наук (до недавнего времени засекреченные описи 3 и 6, в которых содержатся дела по Главлиту). Старый большевик, ортодоксальный марксистский критик и историк литературы, он в 1918-1920 гг. возглавлял Пролеткульт, затем, после образования Политотдела Госиздата РСФСР, ведавшего в «доглавитовский» период предварительной цензурой (и не только для книг, готовившихся Госиздатом, но для всех без исключения издательств), стал его заведующим. Вполне логично, что именно он был «брошен» на Главлит, образованный 6 июня 1922 г., и возглавлял его до 1932 г. Затем П.И.Лебедев-Полянский перешел на спокойную «академическую» работу, возглавлял Институт русской литературы (Пушкинский Дом), хотя жил не в Ленинграде, а в Москве, и занимался благословленными сверху «ревдемократами». За два года до смерти, очевидно, по совокупности заслуг перед отечественной словесностью, был сделан полным академиком.

В письмах к Луначарскому, связанных с деятельностью Лебедева-Полянского в Главлите, по стилистике скорее напоминающих отповеди, чувствуется оттенок запугивания и даже легкого шантажа. Ирония ситуации заключается здесь в том, что это — служебные письма подчиненного своему непосредственному начальнику, ибо А.В.Луначарскому как нарком просвещения подчинялся и Госиздат РСФСР и Главлит, входивший до 1936 г. в систему наркомата. В 1920-е гг. Коллегия Наркомпроса во главе с Луначарским выступала в роли «третьейской судьбы» в тяжбах между авторами и Главлитом. Решения последнего тогда еще можно было обжаловать в Коллегии, и порой, хотя и не очень часто, она пыталась немного утихомирить цензуру в ее запретительном рвении. Как правило, Коллегия все же старалась найти «разумный компромисс», например, освобождала книгу из-под цензурного запрета, но зато резко снижала тираж, чтобы книга не получила массового распространения. Положение Наркомпроса и его главы во взаимоотношениях с Главлитом в те относительно «вегетарианские», по словам А.А.Ахматовой, годы было весьма двусмысленным: все прекрасно знали, что последнее, окончательное слово остается все же за Главлитом, а вернее — за Агитпролом ЦК и органами ОГПУ, надежным и послушным инструментом которых и были, в сущности, цензурные инстанции. Чувствуя такую мощную поддержку и защиту, главный цензор страны «ставил на место» «прекраснодушного» и «либерального наркома».

По природе своей Луначарский был человеком добрым, об этом часто вспоминали ученые и писатели, оказавшиеся позднее в эмиграции (В.Ф.Ходасевич, Н.А.Бердяев и др.): он охотно и не глядя подписывал их заявления, ходатайства и т.д., иногда заступался за них. К нему часто обращались писатели — как к «собрату по перу» — с просьбами о защите от цензурного произвола. Но положение Луначарского было крайне межеумочное. Когда заигрывание с интеллигенцией кончилось, Луначарский был отставлен от своей высокой должности (1929).

Первое столкновение Луначарского с Лебедевым-Полянским произошло в январе 1922 г. — в связи с протестом Правления Всероссийского Союза Писателей против цензурного произвола, посланным на имя Луначарского и подписанным, в частности, высланными осенью того же года Н.А.Бердяевым и Ю.И.Айхенвальдом. Апеллируя к наркому, они приводили его же собственные слова из статьи «Свобода книги и революция», опубликованной в журнале «Печать и революция» (1921. №1): «Человек <...>, который скажет “долгой все эти предрассудки о свободе слова, нашему коммунистическому строю соответствует государственное руководство литературой, цензура есть не ужасная черта переходного времени, а нечто, присущее социализированной социалистической жизни” <...>, тот покажет только, что под коммунистом у него, если немного потереть, в сущности, сидит держиморда <...>». Протестующие писатели и ученые, умышленно и, может быть, не без тайной издевки, оборвали цитирование, а между прочим, в той же статье они, конечно, прочитали и такое: «Цензура? Какое ужасное слово! Но для нас не менее ужасные слова: пушка, штык, тюрьма, даже государство. Все... Но мы считаем священными штыки и пушки, самые тюрьмы и наше государство как средство к разрушению и уничтожению всего этого. То же самое с цензурой. Да, мы несколько не испугались необходимости цензурировать изящную литературу, ибо под ее флагом, под ее изящной внешностью может быть внедряем яд еще наивной и темной душе огромной массы, ежедневно готовой пошатнуться и отбросить ведущую ее среди пустыни к земле обетованной руку из-за слишком больших испытаний пути».

К тому же «доглавитовскому» периоду относится и второе из публикуемых нами писем; конкретные поводы, ставшие причиной написания других писем, ясны из самих текстов.

Письма печатаются по рукописям из фонда П.И.Лебедева-Полянского (Архив РАН, ф.597, оп.3, д.9, л.3-5; д.11, л.1, 4, 26-28; оп. 6, д.3, л.1-4, 11, 14-15).

1. П.И.Лебедев-Полянский — А.В.Луначарскому

Народному комиссару просвещения А.В.Луначарскому

В порядке служебном на присланные жалобы Всероссийского Союза Писателей¹ мы могли бы ответить весьма кратко, <поскольку> они носят заведомо вздорный характер со значительной долей сознательной лжи. Но так как они все-таки имеют «исторический» характер и, вероятно, распространяются среди литературного мира, а может быть, уже сданы в зарубежную печать, мы считаем своим долгом осветить все существо вопроса и выявить политическую сторону дела.

Заявление Всероссийского Союза Писателей имеет несомненный характер политического выступления, определенной декларации на тему о свободе слова с добавлением истории их борьбы с Советской Властью и даже увенчавшейся победой, как они пишут. Их самовозбужденные вопли, что писатели еще не испытывали такой тяжести цензуры, как сейчас, умело подкрепленные цитатой из Вашей статьи, рассчитаны на определенный эффект в обывательской среде у нас и за границей. Ясно, что такие строки писаны не для того, кто знает, что такое пролетарская революция и диктатура пролетариата, какую бы наивную позу авторы ни принимали. Это выступление организовать было тем легче, что в Правлении, а кажется, и во всем Союзе, нет ни одного коммуниста.

Стремление их с невинным видом представить дело, что «зло» в «низших агентах», которые насаждают «полицейщину» и «аракчеевщину», скрывает в себе попытку одних работников Политотдела заменить другими, дискредитировать Советскую Власть и писать декларации о дальнейших победах. По существу, все декларации являются сознательной и злостной клеветой. Все сотрудники Отдела являются коммунистами, людьми образованными, политически воспитанными, несомненно больше жалобщиков, и к тому же, литераторами; в затруднительных случаях мы обращаемся к коммунистам-специалистам и обсуждаем вопрос коллективно, давая читать рукопись нескольким товарищам.

В своей деятельности мы руководствуемся директивами Политбюро ЦК РКП. Они определенно таковы: а) не допускать издания явно реакционных направлений, к каковым причисляются книги идеалистические, мистические, религиозные, антинаучные, политически враждебные Советской Власти; б) газеты разрешать только информационно-справочного характера; в) журналы разрешать только по вопросам литературы, искусства, техники, земледелия и специально-научные.

Естественно, и иначе быть не может, что наша коммунистическая цензура не носит механического характера, а вникает в существо дела, смотря насколько книга не вредит строительству Советской Власти. Если нас и можно в чем упрекнуть, то в том, что мы в сомнительных случаях всегда решаем в пользу автора, а не душим его творчество, как хотят представить дело. Мы, например, разрешили сборник «Закат Европы»², книгу Франка «Методология общественных наук»³ и несколько других рукописей, которые совершенно спокойно могли запретить. Заявления о аполитичности творчества, о нашем внедрении в их свободу творчества и другие старые теории давно потеряли цену и у самих жалобщиков. Пролетариат же не может примириться с той ролью, которую ему отводят. Пролетариат — хозяин жизни, а поэтому он будет не сторожем у ворот буржуазной литературы, чтобы охранять реакционные вакханалии, а заглянет внутрь дома, чтобы посмотреть, что там делается и, в случае надобности, прекратить безобразие. Рассказ Лидина «Апрель», по единогласному мнению отдела, печатать не следует, так как рассказ озлобленный против революции⁴. Рассказ Зайцева и стихи Петровского могли быть разрешены с соответствующими изменениями, но так как стали распускаться злостные анекдоты и чтобы прекратить жалобы на «вторжение в творчество», мы их не разрешили⁵. Рукописи Бердяева «Миросозерцание Достоевского» и «Конец Ренессанса» не пропущены⁶ как вещи идеалистически-мистические, согласно директивам ЦК РКП.

Вообще, надо сказать, что мы держим курс либеральный, но в данный момент целый ряд писателей не может печатать своих произведений. Причина эта кроется не в действиях Политотдела, а в общей нашей политике, диктуемой ЦК РКП, что прекрасно понимают и сами жалобщики. Наша ошибка заключается в том, что на запрос авторов — в каком направлении и как исправить, — мы в первые дни своей деятельности давали советы. Некоторые из авторов и издательств пользовались ими весьма охотно, не сочиняя анекдотов.

Не раз цензура касалась книг, издаваемых коммунистами и советскими учреждениями. И не было ни одного случая, чтобы кто из товарищей не соглашался с нами. Наоборот, некоторые из них при вторичном просмотре были строже нас. Писатели же, вроде Лидина, распускали анекдоты, искажая суть дела. Теперь мы, наученные опытом, при всех «ласковых и дружеских» просьбах указать приемлемую редакцию, упорно отвечаем: «Это ваше дело, а не наше, в свободу творчества мы не вмешиваемся».

В заключение Политотдел просит Вас дать надлежащую оценку выступлениям тех, которые засыпают Вас своими жалобами и будут засыпать впредь, потому что их может удовлетворить один момент — падение Советской Власти. Политотдел также надеется, что Ваш ответ будет решителен и тверд.

Москва, 16 января 1923 г.

Политотдел Главного управления Госиздата.

2. П.И.Лебедев-Полянский — А.В.Луначарскому

Дорогой Анатолий Васильевич!

Узнав о вашем письме к т.Мещерякову и т.Рыкову¹, я написал было ответ довольно решительный и не менее красочный, чем Ваше письмо; слишком бесцеремонно Вы обошлись с честью человека, и это может взорвать каждого. <...> Вы с легкостью даете рекомендации людям малоприятным и малодостойным. Вы не раз посылали в Политотдел отношения с Вашими неудовольствиями. «Слава богу» мною не вычеркивается². <...>

С ком. приветом

Лебедев-Полянский.

3. А.В.Луначарский — П.И.Лебедеву-Полянскому

РСФСР

Народный комиссариат просвещения
13 января 1923 г.

Главлит

Тов. Лебедеву-Полянскому

Я бы со своей стороны наставил не требовать непременно печатания по новой орфографии книг, вышедших после 1923 г. По-моему, надо не только делать исключения для книг, вообще желательных в России¹. Можно идти на то, что при взвешивании ценности книги для русской публики была в некоторой степени принята во внимание и орфография. Прямое принуждение вряд ли принудит их перейти к новой орфографии, но лишит русскую публику некоторого количества полезных книг, в орфографическом отношении, в конце концов, равных тем бесчисленным книгам, которые в наших библиотеках в обиходе еще преобладают.

А.Луначарский.

4. А.В.Луначарский — П.И.Лебедеву-Полянскому

Народный комиссар просвещения
3 декабря 1923 г.

Главлит

Лебедеву-Полянскому

По моему, таким писателям, как Пильняк, надо давать говорить целиком все, что они думают. Если он ляпнет что-нибудь неприемлемое, проберем его через критику. Надо стараться о том, чтобы дать писателям возможно большую свободу слова, ограничивая их только в самых крайних случаях, когда становится совершенно ясно, что та или иная фраза, слово или произведение, являются чуть-чуть прикрытой контрреволюционной прокламацией или наглой порнографией. Во всех остальных случаях цензура не должна быть пускаема в ход по отношению к художникам. Я имею основание думать, что так смотрят на это руководящие умы нашей партии, а не только один я.

Нарком просвещения *А.Луначарский.*

5. А.В.Луначарский — П.И.Лебедеву-Полянскому

Народный комиссар просвещения
18 декабря 1923 г.

В Главлит
Лебедеву-Полянскому

Мы говорили с Вами о повести Пильняка «Иван-да-Марья», но я не знал, что эта повесть уже выходила отдельным изданием¹. Теперь опять получается величайшая неувязка. Повесть вышла со всеми соответствующими словечками, затем словечки эти, по крайней мере, самые острые, были выброшены, и, несмотря на такую чистку, Вы не выпускаете ее повторным изданием. Это вызывает нарекания. Так, например, т.Троцкий в официальном письме ко мне за №3144 от 15.XII пишет: «Что же это творит наша милая, но слишком богомольная цензура?...»²

Я думаю, что к повторным изданиям невозможно относиться с такой строгостью. Мне самому претит пильняковская и никитинская³ манера выражаться, но все же надо быть очень осторожным с применением выражения «порнография» к писателям, заведомо обладающим художественным талантом.

Нарком просвещения *А.Луначарский*.

6. П.И.Лебедев-Полянский — А.В.Луначарскому

19.XII.1923

Дорогой Анатолий Васильевич,

должен сказать, что Главлит разрешить вторым изданием рассказ Пильняка «Иван-да-Марья» не может. Это единодушное и твердое мнение всей Коллегии, куда входит и председатель Агитпропа ЦК. Если то или иное произведение однажды было разрешено к печатанию в ограниченном количестве, то это не обязывает Главлит разрешать повторное издание, так как это привело бы к уничтожению приема сокращения тиража.

В свое время книга Пильняка с рассказом «Иван-да-Марья» была конфискована ГПУ, несмотря на разрешение. Вопрос дошел до Политбюро и не был разрешен в положительном смысле для Пильняка.

Лебедев-Полянский.

7. П.И.Лебедев-Полянский — А.В.Луначарскому

20.XII.1923

Дорогой Анатолий Васильевич.

В дополнение ко вчерашнему своему ответу сообщаю Вам следующее:

Раздраженный тон Вашего письма заставил меня во избежание каких-либо недоразумений, не дожидаясь официального ответа Агитпропа ЦК РКП, обратиться лично к тов.Бубнову¹. От него я получил следующий ответ: «Рассказ Пильняка «Иван-да-Марья» издавать не следует»².

С ком. приветом

Лебедев-Полянский.

8. П.И.Лебедев-Полянский — А.В.Луначарскому

18.XII.1924 г.

Дорогой Анатолий Васильевич.

От взора партии мы не ускользаем даже и иногда¹: представитель Отдела печати ЦК РКП принимает весьма деятельное участие в делах Главлита — всякий сомнительный принципиальный вопрос всегда согласуется с Отделом печати, отчеты в ЦК РКП посылаются ежедневно; подавляющее большинство переписки по идеологиче-

ским вопросам падает на партийные органы. Есть в статье и косвенное осуждение нашей деятельности, неоднократно проскальзывающее и ранее в Ваших статьях. К сожалению, в данный момент мы лишены возможности на нападки в прессе защищать себя в ней же.

С ком. приветом

Лебедев-Полянский.

9. А.В.Луначарский — П.И.Лебедеву-Полянскому

Народный комиссариат просвещения
9 июля 1925 г.

Спешно
Главлит. Тов. Полянскому

Дорогой Павел Иванович.

Главлит вернул издательству «Никитинские субботники» роман Жана Жироду «Зигфрид и Лимузен», который должен был выйти под моей редакцией, с надписью «Не печатать». Обращаю Ваше внимание на следующее. Жироду самый блестящий стилист современной Франции, писатель нервный, импрессионистический, очень характерный для нынешней французской литературы. Роман его во многом очень типичен, хотя носит на себе некоторые отталкивающие черты, например, немецество. Я собираюсь дать к нему предисловие, приблизительно в 1 печатный лист. Думаю, что в этом виде он будет чрезвычайно характерен и поучителен. Я не полагаю, чтобы мы должны были отказываться от всякого издания хотя бы очень талантливых вещей, если в них заметна враждебная тенденция. Таким образом мы можем создать иллюзию, будто заграничная литература вся для нас неприемлема.

Как же может развиваться культура нашей страны, если мы вовсе не будем знать отрицательные стороны буржуазии, даже в самых блестящих ее произведениях? Я думаю, что эта политика вообще была бы неправильной и идет вразрез с нашей тенденцией, преподанной ЦК. Мне кажется, польза будет большая, если роман Жироду пойдет с хорошим предисловием и, может быть, и примечаниями.

Нарком просвещения *А.В.Луначарский.*

10. П.И.Лебедев-Полянский — А.В.Луначарскому

РСФСР
Главлит
10.VII.1925

Дорогой Анатолий Васильевич!

Роман Жироду «Зигфрид и Лимузен», конечно, можно печатать, особенно с Вашим предисловием и примечаниями. Странно и удивительно, почему издательство не указало Вам истинной причины невыпуска книги. А причина в следующем: издательство «Никитинские субботники» создано для изданий, обслуживающих своих членов, издание иностранной беллетристики в программу издательства не входит. Первая книга из «Библиотеки иностранной литературы» была разрешена, как я выяснил, по недосмотру¹, а данный роман задержан как выходящий за пределы издательской программы, представленной в Главлит. А теперь курс на типизацию, как гласит последняя резолюция Оргбюро ЦК РКП².

Поскольку «Никитинские субботники» частное издательство, а не советско-партийное, Вы, согласно постановлению МК, можете работать в нем только с разрешения МК. У Вас могут быть неприятности³.

С ком. приветом

Лебедев-Полянский.

11. А.В.Луначарский — П.И.Лебедеву-Полянскому

Анатолий Васильевич Луначарский

Дорогой Павел Иванович.

У меня были соредакторы по изданию Чехова и рассказывали мне вещи, которым я отказался верить. Они говорят, будто во всех инстанциях «Огоньку» дано количество бумаги, необходимое для выполнения взятых на себя обязательств по Чехову, но Вы будто не допускаете полное издание Чехова, урезываете его на целую треть и ставите издательство даже юридически в невыносимое положение, никаких объяснений такому Вашему разрешительному действию не даете и ссылаетесь на то, что у Вас есть для этого особые «идеологические причины».

Я слишком Вас знаю, чтобы поверить в возможность подобного факта. Я просил поэтому гг.Сандомирского, Зозулю и Кольцова¹ сообщить мне эти факты в письменной форме, чтобы дать мне возможность точно запросить Вас, в чем тут дело.

Это, конечно, не запрос служебный, так как Народным Комиссаром я больше не состою, а запрос в товарищеском порядке. Как главному редактору по изданию Чехова — в том невероятном случае, если б дело обстояло действительно так — мне бы предстояло обжаловать Ваши действия в соответственные инстанции. Но это мне вовсе не хочется, так как я уверен, что нам с Вами легче договориться.

10.X.1929.

С коммунистическим приветом

А.Луначарский.

Приложение к письму 11

Анатолию Васильевичу Луначарскому

Главлитом прислано распоряжение, согласно которому оказываются запрещенными к выходу более 1/3 сочинений Чехова: рассказы, повести, все пьесы, очерки, статьи, весь «Остров Сахалин», «Записные книжки» и неоконченные произведения.

Запрещение совпало с объявленной общественными организациями «Чеховской неделей». Издательство, исходя из этого запрещения, должно немедленно опубликовать в газетах, что издание сочинений Чехова обрывается на половине 17-го тома и что разница будет выплачена деньгами. Конечно, такое объявление, помимо своего общественного скандального характера, вызовет еще десятки денежных исков к государственному издательскому предприятию, ибо подписчики, доверяя советскому издательству и высылая деньги, рассчитывали получить все собрание сочинений, и теперь остаются с 16-ю томами, не имеющими никакой ценности, так как важнейшие произведения Чехова не даны. Запрещение докончить сочинения Чехова не связано с бумажным затруднением. Оно исходит исключительно от одного Главлита и устно мотивируется его работниками «исключительно идеологическими соображениями начальника Главлита», полагающего, что на Чехова можно дать только 200, а никак не 288 листов. Выпуская Чехова в заранее намеченном размере — 288 листов — редколлегия, Госиздат и издательство «Огонек» руководствовались постановлением комиссии т.Шмидта², разрешившей издательству «Огонек» самому распределить свою бумагу в 93 миллиона листов-оттисков. Не получая этой нормы, издательство обеспечило бумагу на сочинения Чехова рядом внутренних урезок, главным образом, сокращением тиража самого Чехова с 95 до 75000 экземпляров. Еще недавно Комитет по делам печати подтвердил свое соглашение на подобное внутреннее распределение, не нарушающее общей бумажной нормы «Огонька».

5 октября 1929 г.

Члены Редколлегии

Г.Сандомирский, Мих.Кольцов, Еф.Зозуля.

12. П.И.Лебедев-Полянский — А.В.Луначарскому

Дорогой Анатолий Васильевич!

Жалобы Ваших соредкторов о моей агрессивности в отношении издания собрания сочинений Чехова абсолютно не верны. Объем издания Чехова в 200 печатных листов был установлен зам. зав. АППО ЦК ВКП(б) тов. Керженцевым¹.

На специальном совещании тов. Керженцев стоял и продолжает стоять на той точке зрения, что Чехов должен быть издан только в части социально значимых произведений, а не полностью, в связи с чем был установлен общий объем бумаги в 200 печатных листов. В отношении приложения к «Огоньку» эта установка верна.

Инициатива издательства «Огонек» была вызвана его желанием повысить сдерживаемый регулирующими органами тираж «Огонька». Издательство почему-то игнорировало данное решение, бумагу использовало, выпустило 15 томов и заявляет, что Главлит ставит его в невыносимое положение. Я полагаю, что издательство сознательно создало данные условия в целях обойти имеющееся решение, чтобы все же издать Чехова полностью. Таковы действительные факты.

Я не имею возможности в течение этих дней переговорить с тов. Керженцевым, постараюсь сделать это в ближайшие дни, изложив историю и ход вопроса².

К Чехову я отрицательно не относился, это видно хотя бы из моих статей о Чехове.

14.X.1929 г.

С коммунистическим приветом

Лебедев-Полянский.

Примечания

1

1. Идея создания профессионального писательского союза принадлежала, согласно некоторым данным, М.О.Гершензону и была высказана им в марте 1917 г. (см.: Лидин Л.Г. Воспоминания // Россия. 1925. №5. С.261-262). Создан Профессиональный союз писателей был в начале 1918 г., перерегистрирован в 1920 г. под названием Всероссийский союз писателей. В течение всех 1920-х гг. его руководство не раз подчеркивало и отстаивало его автономию. В 1932 г. Союз был ликвидирован.

Первый протест Союза против цензурных притеснений был послан Луначарскому за год до публикуемого письма, в начале 1921 г.; он был напечатан в качестве приложения к брошюре П.Витязева (Ф.И.Седенко) «Частные издательства в Советской России» (Пг., 1921), вышедшей микроскопическим тиражом и, в сущности, нелегальной. Второй протест, на который как раз и отвечает Лебедев-Полянский, сохранился в его фонде (Архив РАН, ф.597, оп.3, д.9, л.1-15) и готовится нами к публикации.

2. В 1922 г. в переводе на русский язык вышел первый том труда Освальда Шпенглера «Закат Европы» и тогда же в московском издательстве «Берг» вышел сборник «Освальд Шпенглер и “Закат Европы”», в котором приняли участие Н.А.Бердяев, Ф.А.Степун, С.Л.Франк и Я.М.Букшпан; этот сборник В.И.Ленин расценил как «литературное прикрытие белогвардейской организации» (ПСС. Т.54. С.198).

3. Полное название книги Семена Людвиговича Франка (1877-1950) — «Очерки методологии общественных наук» (М.: Берг, 1922).

4. Запрещенный цензурой рассказ Владимира Германовича Лидина (1894-1979) «Апрель» появился в 1923 г. в «Московском альманахе», изданном в Берлине.

5. Из текста не ясно, о каком рассказе Бориса Константиновича Зайцева (1881-1972) идет речь. Поэтический сборник Петра Николаевича Петровского (1864-?) «Последние песни» все-таки вышел в свет в Москве в 1922 г. с предисловием Ю.И.Айхенвальда.

6. Первая из упомянутых книг Николая Александровича Бердяева (1874-1948) вышла уже после высылки автора, в Праге в 1923 г.

2

1. Мещеряков Николай Леонидович (1895-1942) — старый большевик (с 1901 г.), публицист, член редколлегии «Правды», в 1920-е гг. — заведующий Госиздатом. Рыков Алексей Иванович (1881-1938) в то время — зам. пред. СНК и СТО. О каком письме Луначарского к ним идет речь, нам не известно.

2. Имеются в виду жалобы издателей и писателей на постоянные вычеркивания цензурой «божественных» слов и обращений в их книгах. Такая цензура приводила к настоящим курьезам.

3

1. В соответствии с циркулярными распоряжениями Главлита начала 1920-х гг., в РСФСР был запрещен ввоз эмигрантских изданий, напечатанных по старой орфографии. В дальнейшем, в 1927-1928

г. были запрещены к ввозу уже любые издания такого рода — независимо от орфографии.

4

1. Борис Андреевич Пильняк (Вогау, 1894-1938) неоднократно попадал в поле зрения Главлита. Наиболее громкий резонанс, как известно, вызвала публикация его «Повести непогашенной луны» (1926) и «Красного дерева» (1929). В связи с появлением в печати первой, например, по всем инстанциям был разослан секретный циркуляр Главлита от 27 мая 1926 г. за подписью Лебедева-Полянского: «Предлагается вам впредь до особого распоряжения не допускать помещения произведений Пильняка в толстых партийно-советских журналах и сборниках и вычеркивать фамилию названного писателя из списка сотрудников этих журналов» (ШГАЛИ г.Санкт-Петербурга, ф.31, оп.2, д.31, л.97).

5

1. Рассказ Пильняка впервые вышел отдельным изданием в 1923 г.

2. Известно, что Л.Д.Троцкий приветствовал ранние произведения писателя и посвятил ему главу в книге «Литература и революция»: «Талантлив Пильняк, но и трудности велики. Надо ему пожелать успеха» (Троцкий Л.Д. Литература и революция. [3-е изд.]. М., 1991. С.78).

3. Имеется в виду писатель Николай Николаевич Никитин (1895-1963), о творческой зависимости которого от Пильняка много писала в 1920-е гг. критика.

7

1. Бубнов Андрей Сергеевич (1884-1938) — партийный и государственный деятель, в 1923 г. зав. Отделом агитации и пропаганды ЦК. В 1929 г. сменил Луначарского на посту наркома просвещения.

2. Позднее рассказ «Иван-да-Марья» входил в состав Собраний сочинений Пильняка, выходивших в конце 1920-х — начале 1930-х гг.

8

1. Письмо написано по поводу статьи Луначарского «Не пора ли организовывать Главискусство?», опубликованной в №3 журнала «Искусство трудящимся» за 1924 г. В статье Луначарский, в частности, писал о слишком большом числе учреждений, надзирающих за искусством, — Агитпроп, Отдел культуры ЦК и др.: «<...> правят искусством органы цензуры — Главлит и Главрепертком, которые, как советские, ускользают иногда от взора партии, а, как полупартийные, оказываются забронированными от руководства советского. В самом Наркомпросе, при

таком правлении искусством, множество всяких органов, вернее, органчиков».

10

1. Первая книга из серии «Библиотека иностранной литературы» вышла в 1924 г.

2. Роман Жироду все-таки вышел на русском языке (М., 1927) «при поддержке Луначарского, который собирался написать к нему предисловие», но «этого своего намерения... не выполнил» — как сообщают комментаторы тома «А.В.Луначарский: Неизданные материалы» (Литературное наследство. Т.82. М., 1970. С.344).

3. Как видно из публикуемого документа, Луначарский отказался от своего намерения не по своей воле, а подчинившись «партийной дисциплине».

11

1. Сандомирский Герман Борисович — издательский деятель. Зозуля Ефим Давыдович (1891-1941) — писатель, член редколлегии «Огонька». Кольцов (Фридлянд) Михаил Ефимович (1898-1940) в то время — главный редактор «Огонька».

2. Шмидт Отто Юльевич (1891-1956) в то время был заведующим Госиздатом РСФСР; в дальнейшем также принимал активное участие в руководстве советским издательским делом.

12

1. Керженцев (Ледед) Платон Михайлович (1881-1940) — партийный деятель, историк, публицист. В 1930-х гг. заведовал Комитетом по делам искусств.

2. «Огоньковское» Собрание сочинений Чехова выходило «под общей редакцией А.В.Луначарского и при ближайшем участии М.Горького». Возможно, последнее обстоятельство и помогло отстоять «полного» Чехова: его Сочинения вышли в 1929 г. в неурезанном виде (во всяком случае, упоминавшиеся в письме членов редколлегии «Огонька» произведения в него вошли). Луначарский тогда же выступил в «Огоньке» со статьей «А.П.Чехов в наши дни», в которой, в частности, защищал писателя от вульгарно-социологической критики и, как нам кажется, метил и в советскую цензуру: «Враги Чехова еще живы. К сожалению, с ними приходится бороться, а потому жив Чехов не только как большой писатель, но и как борец» (Луначарский А.В. Собр. соч. В 8 т. М., 1963. Т.1. С.370).

Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания А.В.Блюма.

М.А.Волошин

Письмо Б.М.Талю

Журнал «На посту» заслуженно называли «раповской дубинкой»: более бескомпромиссного, последовательного в своей оголтелости и громогласного рупора большевистская идеология, наверное, не имела. Насаждая «диалектико-материалистический метод в литературе», «напостовцы» вели наступательный огонь по всем писательским рядам, которые находились вне ряда «пролетарской литературы», включая вполне лояльных «попутчиков». Когда же дело доходило до «непопутчиков», наступательный огонь сменялся огнем на истребление. Статья Б.Талья «Поэтическая контрреволюция в стихах М.Волошина», появившаяся в ноябрьском номере «На посту» за 1923 г., являла собой яркий образец большевистской критики именно этого сорта.

Автор этой статьи не принадлежал к числу идейных вождей «пролетарской литературы», таких, как Г.Лелевич, Л.Авербах, Б.Волин или С.Родов (в том же номере журнала его имя было указано в списке «присоединившихся» к «основному кадру сотрудников»¹), однако в иерархической системе новой власти он был фигурой весьма заметной.

Борис Маркович Криштал (Таль; 1898-1938) в 1917 г. поступил на физико-математический факультет Московского университета, однако на следующий год круто изменил свою судьбу: добровольно вступил в первые формирования Красной Армии, а также в партию большевиков; участвовал в борьбе с интервентами на Северном фронте, затем был направлен сначала строевым командиром на Южный фронт, затем — в 4-ю армию Восточного (Туркестанского) фронта в 25-ю Чапаевскую дивизию комиссаром бригады. «После трагической гибели Чапаева его назначили комиссаром дивизии. В Баку, захваченном контрреволюционерами, осталась семья Бориса Марковича. В связи с этим в 1919 г. по радио Восточного фронта было дано сообщение о смерти комиссара Криштала. Борис принял фамилию Таль»². В 1920 г. на Юго-Западном фронте, где 25-я Чапаевская дивизия в составе 12-й армии воевала с поляками, Таль, оставаясь комиссаром, одно время был и командиром Чапаевской дивизии, а позднее — комиссаром всей 12-й армии; участвовал в агитационно-пропагандистской деятельности — сначала в Политуправлении Правобережья Украины, затем в Политуправлении РККА, а после демобилизации в 1925 г. находился на руководящей работе в Агитпропе Московского, а затем Центрального Комитета партии. Впоследствии Таль публиковал статьи по экономической политике Советской власти, участвовал в «Ленинских сборниках», в 1930-1932 гг. работал членом редколлегии газеты «Правда», после этого, до мая 1935 г., — ответственным редактором газеты «За индустриализацию». 5 января 1937 г. в центральных

газетах появилась фотография: Б.Таль и Лион Фейхтвангер (именитого писателя Таль принимал как заведующий Отделом печати и издательства ЦК ВКП(б), ответственный редактор журнала «Большевик» и газеты «Известия»). Финал — типичный для поколения партийных «революционных романтиков» первого призыва: арест в конце 1937 г. и скорая гибель.

Статья Б.Талья о Волошине полностью соответствовала агитационно-пропагандистскому амплуа ее автора: возмущенный прозвучавшими в печати высокими оценками стихотворений Волошина периода революции и гражданской войны, он вознамерился показать истинное лицо поэта. Опровергая тезис о политической «нейтральности» Волошина, Таль заявлял: «...У нас очень много материала противоположного характера, отчетливо показывающего, что “нейтральность” Волошина страдает порядочным изъяном на левый бок и обнаруживает солидную приверженность к контрреволюции»³. Вся статья Талья — опыт комментированного чтения стихотворений Волошина из его книги «Демоны глухонемые» и цикла «Путями Каина», частично опубликованного в «Красной нови» (1922. №3); авторские комментарии и выводы — «по-партийному» бескомпромиссны и совершенно недвусмысленны: «Какие образы! Какой “мощный стиль!” Какой неистовый пафос оголтелого контрреволюционера! Какая иступленная ненависть к революции, к рабочим и крестьянам, твердой рукой вырвавшим власть из рук помещика и капиталиста. Да, Максимилиан Волошин несомненно “поэт-ответчик”, — он не молчит, он хорошим языком отвечает революции от имени сожженного ею мира паразитов. <...> В словах поэта нашли прекрасное и яркое воплощение стремления русской белогвардейщины, старавшейся задушить революцию с бойцом стана контрреволюции, если не телом и рукой, то во всяком случае духом и пером»; «...этот поэт-аристократ, осатаневший от ненависти к Советской власти, к России молота и серпа, всецело был с контрреволюцией, с белогвардейщиной»⁴. И так далее. Разоблачения «славянофильского», «монархического» творчества Волошина — «поэта-кликлуши» — завершаются вердиктом: «Живой, творящей, неуклонно движущейся вперед — к коммунизму — рабоче-крестьянской Советской России такое творчество не нужно»⁵.

Едва ли справедливо было бы признать гнев «напостовского» критика совершенно беспочвенным: для твердого приверженца большевистских идеологических установок такое отношение к поэзии Волошина естественно и закономерно. В конечном счете, инвективы Талья, при всей их однозначной прямолинейности и грубой обобщенности, при всех передержках и чисто риторических фиоритурах, все же более соответствуют действительности, более точно определяют подлинный смысл творчества Волошина поре-

волюционных лет, чем позднейшие фарисействования присяжных советских сочинителей, пытавшихся убедить читателя в том, что «Волошин встречает словами веры и благословения приход нового строя», и снисходительно извинявших поэту его «темноту», его дремучее сознание, неподготовленное к наступлению новой эры: «Помня о том, что революцию он не понял и оценки событий у него бывали ошибочными, следует также учитывать, что такое непонимание и такие оценки, к сожалению, были распространенным явлением среди русской интеллигенции тех лет. Только та ее часть, которая шла вплотную за Лениным, оказалась свободной от подобных заблуждений»⁶. Ни Б.Таль, ни шедшие «вплотную за Лениным» его сподвижники по журналу «На посту» подобным валяжным стилем не владели, и укорять их за это не приходится. Однако, публикуя свою статью, выведившую Волошина «на чистую воду», Таль, безусловно, предполагал, что за нею последуют определенные «оргвыводы» — а именно: что «контрреволюционеру» Волошину доступ в печать у него на родине будет закрыт наглухо. И в этом отношении он хорошо знал, что делал. В том, что Волошин стал, видимо, первым классиком отечественного самиздата, есть и определенная личная заслуга «напостовского» критика: подготовленные книги стихотворений Волошина после этого выступления окончательно утратили шансы на выход в свет, в печать с трудом пробивались лишь единичные произведения, а после 1928 г. ни одно из стихотворения поэта не было опубликовано — вплоть до 1961 г.

Промолчать после появления статьи Талья Волошин не мог. Он написал ответное «Письмо в редакцию», которое направил в газеты «Правда» и «Известия». Там его, разумеется, не поместили; «письмо» было обнародовано в журнале «Красная новь», который вел тогда с «напостовцами» резкую литературную полемику⁷. Отказываясь возражать по существу на статью Талья, Волошин заострил внимание лишь на двух моментах, в ней затронутых: пояснил, что спасенный им «белый» генерал Н.А.Маркс на самом деле пользовался заслуженной репутацией «красного» генерала, сотрудничавшего с новой властью, и, следовательно, «пренебрежительный тон» по отношению к его памяти в «советском журнале» неприемлем, — а также отмежевался от инкриминированных ему зарубежных изданий его произведений, заявив, что они в подавляющем большинстве случаев предпринимались без ведома и разрешения автора. «Письмо» завершалось фразой: «Стихи мои достаточно хорошо заряжены и далеки от современных политических и партийных идеологий: они сами сумеют себя отстоять и очиститься от нарастающих на них шлаков лже-понимания»⁸.

Волошинская отповедь стала причиной очередного «напостовского» выступления — «Письма в редакцию», озаглавленного «Кое-что о “незаслуженной славе” Максимилиана Волошина». Автор его, Б.Скуратов, развивая и совершенствуя прием жанра литературного доноса, заданного его предшественником, поделился личными воспоминаниями о том, как Волошин публично выступал в 1919-1920 гг. в Крыму при белых с чтением своих стихов, отметил успех,

который они имели у «врангелевских “молодчиков”», и в доказательство волошинской «контрреволюционности» привел по памяти два его стихотворения, в России не публиковавшихся, — «Матрос» и «Красноармеец» (у Волошина — «Красногвардеец»). «Письмо» завершалось риторическим вопросом: «Неужели успех, который имели эти “перлы” у кретинов, палачей и прочих ублюдков вырождающейся буржуазии, есть также следствие их “лжепонимания”?»⁹

История вокруг статьи Б.Талья этими обстоятельствами не исчерпывается. Одновременно с «Письмом в редакцию», предназначавшимся для опубликования, Волошин подготовил еще один текст по тому же поводу — письмо, адресованное непосредственно автору «Поэтической контрреволюции...». В этом письме позиция, которую занял поэт в годы революции и гражданской войны и которую он сумел сохранить до конца своих дней, прояснена лаконично, но со всей весомостью и решительностью. Однако не только как «исповедание веры» Волошина примечателен этот документ; он еще — и малая капля, в которой во всей своей выразительности и уникальности отражается внутренний мир его автора: «оса-таневший от ненависти» (согласно определению Талья) поэт предлагает своему гонителю, изготовителю печатного донесения, чреватого весьма серьезными, и не только «литературными», последствиями, приехать в Коктебель, познакомиться, получше узнать друг друга. Письмо к Талю — это еще и документ, конкретно знакомящий с кодексом поведения, которому Волошин оставался верен безотносительно к обстоятельствам.

Никакого ответа Волошину от Талья, естественно, не последовало.

Текст письма Волошина к Б.М.Талю печатается по авторизованной машинописи, хранящейся в архиве Волошина в ИРЛИ (ф.562, оп.3, ед.хр.121, л.2-2 об.). Там же (л.1-1 об.) хранится черновой автограф письма, фрагменты из которого приводятся в примечаниях. Выражаю признательность В.П.Купченко за ряд сведений, учтенных при подготовке публикации.

1. На посту. 1923. №4 (ноябрь). Стлб.3-4.
2. Прудников В. Красный комиссар // Московский литератор. 1987. 27 февраля. Биографические сведения о Б.Тале почерпнуты нами из этой статьи.
3. Таль Б. Поэтическая контрреволюция в стихах М.Волошина // На посту. 1923. №4. Стлб.154.
4. Там же. Стлб.155-156, 157, 160.
5. Там же. Стлб.164.
6. Наровчатов С. Максимилиан Волошин // Волошин М. Стихотворения. Л., 1977. С.27, 29 (Библиотека поэта. Малая серия).
7. См.: Шешуков С. Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов. М., 1984. С.42-74.
8. Красная новь. 1924. №1. С.132. В автографе текст «Письма в редакцию» завершается постскрип-тумом:
«Единственный способ, который я счел бы для себя достойным, бороться против злоупотребления

моим творчеством: это издать в Сов. России книгу всех моих стихов о Войне и Революции без искажений и без пропусков.

Но, к сожалению, при нынешнем «идеологическом фронте» это совершенно невозможно, и вовсе не благодаря их «контрреволюционности», а потому,

что дух мой совершенно не приемлет трех обязательных идей: партийности, политики и экономического материализма — в самом широком смысле этих понятий» (ИРЛИ, ф.562, оп.3, ед.хр. 121, л.5 об.)

9. На посту. 1924. №1(5). Стлб.300.

12 января 1924. Коктебель.
Почт<овый> адрес: Феодосия, Д<ом> Айвазовского*

Б.Талю — Максимилиан Волошин

Гражданин Таль!

Ваша статья «Поэтическая контрреволюция в стихах Максимилиана Волошина», которую я только что прочел, представляется мне не литературной критикой, а прокурорским обвинением.

Тем не менее Ваш тон по отношению ко мне, как врагу достойному уважения, более порядочен, чем статья Зноско-Боровского, которого Вы имеете неосторожность цитировать¹.

Я вынужден ответить Вам (не по предмету Вашего обвинения) письмом в редакцию, которое посылаю одновременно в «Правду» и в «Известия» с полной уверенностью, что оно напечатано не будет.

Наши силы неравны: Вы обвиняете, но обличаемый отвечать не может.

Если у Вас есть литературное мужество, предлагаю Вам напечатать прилагаемое «письмо в редакцию» в вашем журнале «На Посту». А вместе с ним мое стихотворение «Поэту Революции»² (каковым я себя считаю). Оно является моим литературным исповеданием и дает ответ на Ваши обвинения³.

Спасибо за опровержение моей «нейтральности». Я не нейтрален, а гораздо хуже: я рассматриваю буржуазию и пролетариат, белых и красных, как антиномические выявления единой сущности. Гражданскую войну — как дружное сотрудничество в едином деле. Между противниками всегда провожу знак равенства.

Понятия «России» и «Русского Царства» для меня вовсе не совпадают с понятием «Монархизм», так же как «Революция» — с «Большевизмом». Но зато «Самодержавие» и «Большевики» (понимая последний как бытовое выявление коммунистической идеологии) исторически постоянно совпадают друг с другом по закону тождества противоположностей.

Этапы текущей Революции я рассматриваю с точки зрения всей Российской и Европейской истории и думаю, что этим методом вернее нащупываю пути будущего, чем последователи предвзятых идеологий, верящие, что будет именно то, о чем они мечтают.

Вы интересуетесь (это самое стыдное место в Вашей статье, г. Прокурор!), насколько я лоялен по отношению к Советской власти?⁴ Кому нужно — тем это известно.

Только этим можно объяснить то, что, несмотря на мою открытую борьбу не только с белым, но и Красным Террором, что было несравненно опаснее, — я до сих пор не расстрелян. Очевидно, Советская власть, принимая меня таким, как я есть, находила меня полезным для Республики.

Разумеется, красных при белых и белых при красных я защищал не из нейтральности и даже не из «филантропии», а потому, что массовое взаимоистребление русских граждан в стране, где культурных работников так мало и где они так нужны, является нестерпимым идиотизмом. Правители должны уметь использовать силы, а не истреблять их по-дурацки, как велись все терроры, которых я был свидетелем⁵.

Коммунизм в его некомпromиссной форме мне очень близок, и моя личная жизнь всегда строилась в этом порядке, государственный же — враждебен, как все, что идет под знаком Государства, Политики и Партийности⁶.

* Письмо автору статьи «К<онтр>революция в стихотв<орениях> Мак<симилиана> Волошина».

Ваши домыслы о моем «монархизме» — не больше чем прокурорская подтасовка. Я пишу четко и ясно, и надобно особо предвзятое мнение, чтобы вычитать в моих стихах то, что находите в них Вы⁷.

В своем уединении я отстаиваю революционные яды несравненно сильнейшие и предназначенные не для текущей Революции.

Я предпочел бы поговорить с Вами обо всем этом лично. Но приехать в Москву я не смогу: статьи вроде Вашей наглухо закрывают для меня русские издания и окончательно лишают заработка⁸; мне к этому не привыкать стать, ибо вот уже 25 лет как меня систематически вышвыривают из русской литературы и захлопывают передо мной двери редакций.

Поэтому, если не боитесь заразиться, приезжайте ко мне сами в Коктебель. Наверное летом Вас занесет на юг? От Феодосии это 15 верст пешком горной дорогой. Узнаете, по крайней мере, кто я и каковы мои стихи в действительности⁹.

Письмо это написано лично Вам, а отнюдь не для печати и не для «цитат». Не потому, что я бы остерегался высказывать мои идеи публично, но потому, что для идей это сейчас бесполезно, а для Советской власти — вредно¹⁰.

Максимилиан Волошин.

Примечания

1. Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884-1954) — критик, драматург; в 1909-1912 гг. — секретарь журнала «Аполлон», в котором Волошин был ближайшим сотрудником. Имеется в виду его статья «Стихи о терроре» М.Волошина» (Последние новости. Париж, 1923. 20 сентября), извлечения из которой приводит Б.Таль (На посту. 1923. №4. Стлб.153-154).

2. Первоначальная редакция стихотворения «Позту», датируемая 12 октября 1923 г. (ИРЛИ, ф.562, оп.1, ед.хр.7, л.128 об.-129).

3. В черновом автографе: «Оно является моим исповеданием; и напечатать его сейчас в другом органе, кроме «На посту», — невозможно по его идеологической нецензурности».

4. Приводя цитаты из статьи Зноско-Боровского, касающиеся истории спасения генерала Маркса, Таль заключает: «У нас, к сожалению, нет другого материала, который свидетельствовал бы о «нейтралитете» поэта, или о преданности его революции, хотя бы о лояльности его по отношению к «красным»» (На посту. 1923. №4. Стлб.154).

5. В черновом автографе: «Я достаточно близко наблюдал органы террора обеих сторон, чтобы констатировать, что они есть только проявления трусости, неустойчивости власти».

6. В черновом автографе: «Государство», «политика», «партийность» для меня понятия отрицательные».

7. Первоначальный вариант абзаца в черновом автографе: «Ваши домыслы о моем «монархизме» — ерунда и прокурорска подтасовка. Вы даже прямого смысла напечатанного не хотите понять. А я ведь пишу четко и ясно. [Особенно в «Путях Каина»]».

8. В черновом автографе: «Приехать в Москву я не могу за отсутствием средств: статьи вроде Вашей закрывают для меня советские издания и возможность публичных лекций, которые могли бы окупить мне поездку; [кроме того, они ставят меня в такие обостренные отношения с «властью на местах», что я не могу оставить без себя своей библиотеки и мастерской, которыми дорожу, как орудиями работы и возможностью оставаться в России]».

9. В черновом автографе: «Если Вы не боитесь отравиться моими стихами, предлагаю Вам самому приехать ко мне в Коктебель побеседовать, послушать моих «нецензурных» стихов и посмотреть, каков я в действительности». Из Москвы — прямой вагон до Феодосии и 15 верст пешком по горам».

10. В черновом автографе — вместо этого предложения: «Умееете Вы быть корректным?»

Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания А.В.Лаврова.

К истории раннего советского самиздата

Рождение советского самиздата традиционно относят к благодатным последствиям «оттепели» и считают его творцами «шестидесятников», ссылаясь на то, что со времени прекращения свободы печати и закрытия частных издательств в России во второй половине 1920-х гг. и до XX съезда свободное слово внутри страны не могло получить сколько-нибудь организованного распространения. Однако недавнее обращение к типично самиздатскому журналу «Гермес» — органу группы молодых ученых из кругов ГАХН (А.Г.Габричевский, братья Б.В. и Л.В.Горнунги, Б.И.Ярхо и др.) во второй половине 1920-х гг.¹ — заставляет пересмотреть сложившуюся точку зрения. Настоящая публикация впервые вводит в научный оборот типично самиздатский памятник 1930-1931 гг. (обоснование датировки см. ниже) — по содержанию, внешнему виду, способам изготовления и распространения.

Сатирическое обозрение неизвестного автора (авторов) «Дом литераторов» «издано» в виде самодельной книжечки карманного формата (9×11 см) объемом 142 страницы с текстом на обеих сторонах (без пагинации). Неозаглавленное предисловие программного характера, отделенное от основного текста несколькими чистыми листами, написано от руки печатными буквами через фиолетовую копировальную бумагу. Остальной текст набран и оттиснут при помощи распространенной в России еще в начале XX в. игрушки «Домашний печатник Гутенберг». Кажется, единственный пример использования ее в «серьезном» самиздате описан Н.П.Смирновым-Сокольским («Солдатская памятка» Л.Н.Толстого примерно в 1902-1904 гг.). Приведем техническую часть его подробного и точного описания: «В коробочке находилась дощечка с продольными прорезями, заполненными каучуковыми буквами, цифрами и знаками. К этому полагалась ручка-верстатка с жестяной прорезью, пинцет и штемпельная подушка. Пинцетом можно было букву за буквой набрать какую-нибудь строчку, допустим, фамилию, и отпечатать себе визитные карточки.. В зависимости от цены количество букв набора, равно как и количество строк в верстатке, увеличивалось. Можно было уже изготовить штемпель в три, четыре, пять и более строк. Продавались и более серьезные наборы, в которых букв было уже порядочное количество, а верстатка-штемпель такова, что можно было набрать небольшие бланки. Большие верстатки изготовлялись в виде валиков строк на двадцать-тридцать набора. <...> Никак не думал, однако, что приобретаю несколько таких «Гутенбергов» (а стоили они 10-15 рублей), можно изготовить целую брошюру, тираж которой зависел лишь от трудолюбия печатника. <...> Любо-

пытно, как это полиция, столь строго следившая за настоящим типографским шрифтом, ведя учет его во всех типографиях, прохлопала возможность подобного использования детской игрушки»². Остается добавить, что подобные игрушки были распространены и в 1920-1930-е гг., когда деятели самиздата были столь же изобретательны, а гораздо более бдительные, чем при старом режиме, спецслужбы допустили такую же неосмотрительность, что и их предшественники. «Дом литераторов» отпечатан небольшой верстаткой, всего на несколько строк (в том числе, из-за формата), что потребовало немалых затрат времени и сил.

«Тираж» издания не установлен. Нам известен единственный экземпляр, полученный от неизвестного по почте выдающимся русским библиографом Богданом Степановичем Боднарским (1874-1968). Самодельная обложка книги сделана из большого конверта. На лицевой стороне надпись: «Москва, Южинский, 2, к.10. Проф. Боднарскому Б.» На обороте приклеен листок с тремя вырезанными из конверта десятикопеечными марками (выпуск: ноябрь 1929), дата на штемпеле: 23.03.1930; однако, полной уверенности в том, что именно этими марками была оплачена посылка книги, нет.

«Дом литераторов» включает предисловие декларативного характера, которым открывается наша публикация, и основной текст, построенный по образцу популярных в то время сатирических эстрадных обозрений в прозе и стихах. Основной текст открывается «Гуманистическим предисловием» и завершается «Послесловием», что свидетельствует об определенной установке на цельность. Он состоит из прозаических и драматических фрагментов (некоторые из них озаглавлены, например: «Сова бросает перчатку. Памфлет на футуристов») и многочисленных эпиграмм, сменяющих друг друга. Для большинства текстов характерен невысокий литературный уровень, отступление от правил стихосложения и т.п. Однако строгий отбор наиболее исторически значимых и художественно совершенных текстов не просто дает адекватное представление об этом своеобразном памятнике литературной борьбы и ее восприятию читателями-современниками, но и о литературном процессе эпохи в целом. Для настоящей публикации отобрана, конечно, только малая часть текстов, большинство которых написано в таком духе и на таком уровне:

Пастернаку
На древе смерти ты
Растишь свои цветы.
Цветочки вечные, как ель,
Зовутся эти иммортель.

Нескладная и не смешная эпиграмма — худший приговор автору. Лучшие образцы, к счастью, не таковы.

De Visu. 1993. №10(11).

© В.И.Безъязычный, В.Э.Молодяков.

Позиция автора (авторов) определяется решительным неприятием всех господствующих в литературе групп и течений: пролетарской литературы (РАПП, ЛАПП, «Кузница»), ЛЕФа-РЕФа, близкой к ним критики и очеркистики, марксистского вульгаризаторского литературоведения. Большая часть эпиграмм (всего их более ста) имеет абстрактные заголовки «На РАПП», «Лирику РЕФ», «Критику-импрессионисту», «На современную прозу» и даже «На всех». Персонально названы: из лагеря РАППа Н.Н.Фатов в эпиграмме «На любого Фатова» по поводу подобострастных выступлений в журнале «На литературном посту» (см. примеч. 4) и Г.Е.Горбачев (см. примеч. 12); из круга ЛЕФа В.В.Маяковский, В.Б.Шкловский, Б.Л.Пастернак; литературоведы В.Ф.Переверзев и Б.М.Эйхенбаум. Цикл «эпитафий», порой блестящих, порой невыразительных, «похоронил» также А.А.Блока, С.А.Есенина, В.М.Фриче, В.М.Инбер, Э.Г.Багрицкого, Б.А.Лавренева и М.Горького (перефразировав по отношению к последнему не вполне пристойную присказку:

Под камнем сим
Лежит Максим.
Ну и бог с ним).

Сочувствие у автора вызывают только Е.И.Замятин и Б.А.Пильняк. Из писателей старшего поколения почти никто не упомянут; практически не упомянуты и ленинградские писатели (тексты, очевидно, создавались в Москве). Примечательно, что неприятие объединило в одних скобках Блока, Есенина и Маяковского, что в массовом читательском сознании и официальной критике произошло гораздо позже. Нетипичным для интеллигентской околосредовой среды нам кажется и резкое, хотя и никак не объясненное, отрицание поэзии Пастернака:

...Я презираю вас, болтун!
Прочь маску с идола тупого!
Откроем деревянный лик!
Поэтов нет. Есть копии былого,
И вы — сквернейшая из них.

Позиция автора (авторов) в целом ясна и пространных комментариев не требует, а представленные в публикации эпиграммы наглядно иллюстрируют его (их) мнение по поводу разных лиц и явлений.

Тексты, вошедшие в «Дом литераторов», не датированы и, возможно, создавались на протяжении ряда лет (так, выступление Фатова относится еще к 1926 г.), но окончательное оформление текста произошло не ранее начала 1930 г., т.к. 1929 год — год травли Пильняка и Замятина и избрания Фриче в Академию наук, упоминающихся в сборнике. Шуточный характер «эпитафий» не позволяет счи-

таться с ними как основаниями датировки (хотя Фриче умер в том же 1929 г.). Дата на почтовом штемпеле не может быть безоговорочно признана, потому что в течение 1930 г. продолжались как травля Пильняка и Замятина (в эпиграммах идет речь о ее окончании), так и кампания по «призыву ударников в литературу», что нашло непосредственное отражение в тексте. В том же году развернулась и дискуссия о школе В.Ф.Переверзева. Поэтому наиболее корректной нам представляется датировка текста в целом 1930-1931 гг.

Неразрешенным остается и вопрос об авторстве. Насколько нам известно, ни один фрагмент «Дома литераторов» не появлялся в исследовательской литературе и не цитировался в мемуарных произведениях. Остается надеяться, что отклики на настоящую публикацию прояснят этот вопрос. Пока же можно с немалой долей уверенности предположить коллективность авторства (исходя из разности манер и просто литературного уровня различных частей и фрагментов) и то, что авторы сборника были дилетантами в литературе, проявлявшими, однако, глубокий интерес к текущему литературному процессу и понимание его особенностей и закономерностей. Возможно, авторами были люди, профессионально занимавшиеся текущей библиографией (это объясняет и то, почему сборник был послан Б.С.Боднарскому).

Присланный Б.С.Боднарскому сборник хранился у него, а затем был подарен им историку литературы В.И.Безъязычному (Москва), в собрании которого находится в настоящее время. Публикатор сгруппировал выбранные эпиграммы, определил композицию и сделал нумерацию эпиграмм «На РАПП» (такой цикл в источнике отсутствует). Сохранены авторские циклы «Эпиграммы по поводу кампании против Пильняка и Замятина» (воспроизведен полностью) и «Эпитафии» (частично). Эпиграмма на В.Б.Шкловского в оригинале не озаглавлена. Знаки препинания, как правило, отсутствующие в тексте, расставлены публикаторами, ими же осуществлена незначительная пунктуационная правка. Общий порядок следования эпиграмм в тексте не сохранен.

1. См.: Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: Машинописный журнал «Гермес» / Б.В.Горнунг, Г.А.Левинтон, М.О.Чудакова, А.Б.Устинов // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С.167-210. См. также о машинописных альманахах «Мнемозина» (1924) и «Гиперборей» (1926) публикацию К.М.Поливанова: De Visu. 1993. №6. С.46-49.

2. Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о книгах. Изд. 5-е. М., 1983. С.312-313.

Дом литераторов Обозрение

1

Пролетарская литературная школа несомненно войдет в историю русской и мировой литературы как блестящий образчик организованной шайки бездарностей и графоманов.

2

Одна и единственная причина лежит в основании такой судьбы: сотрудничество с государством.

3

Принцип искусства — свобода и незакономерность. Акт творчества, представляющий собой нарушение закономерности и восстание на канон, определяет возникновение этого принципа. Государство, тем более диктатура, угнетает всяческую свободу. Поэтому искусство никогда не служит государству.

Русская литература XIX века была революционной не из желания служить господам прогрессивным политикам будущего, а в силу вечной скифской и анархической революционности поэзии по отношению к любому государственному строю.¹

4

Пролетарской литературе предложено исполнять полицейские и вообще прислужнические функции в государстве. В своей низкой угодливости эта литература даже частичную революционность готова объявить реакцией, как оно и подобает холопу, щеголяющему своим холопством. Пролет<арская> школа никогда не откажется от государства и ради того сочиняет теорию связи между искусством и государственностью. Так порождается вторая причина бездарности пролет<арской> школы: принципиальная неграмотность. Две эти причины обрекают пролет<арскую> литературу на вечный неуспех, определяют всю ее чудовищную глупость и совершенную нелитературность. Никакие маски («Мы еще только Кантемиры!») не спасут положения.

5

Исходя из задачи сотрудничества с государством; в силу своей принципиальной неграмотности не имея никакого представления об истинных путях литературы; убивая и без того ничтожное вдохновение канцелярщиной, гипертрофией организации, кумовством, ложью, лестью и пр.; стремясь во что бы то ни стало заполнить бездну бездарности, — пролет<арская> школа канонизирует старые формы, создает художественную халтуру, словом, делает все, чтобы затруднить развитие новой литературы. Таков удел лакеев государства. Полные веры в мощь рационализма, они слишком надеются на себя и думают, что в результате написанного ими вздора появится нечто более приличное, чем Кантемир.

6

Учеба, культурная революция — недостижимые идеалы для пролет<арских> писателей: догматическая глупость и принципиальное обскурантство лежат в основании их лит<ературных> планов.

7

Однако господа пролет<арские> литераторы, верные правилу чиновников «Не унывать!», действуют. Они умудряются отыскивать правые уклоны и загнивания там, где нет никакого пути и где уже давным-давно все гнило. Едва поспешая петушком за дрожками государства, толкуют они о реконструкции, о борьбе с алкоголизмом², словом, собираются в тысячи сражений, не имея ни одного заряда в своих дедовских пищалях. Как бессильные петухи, со злобой, с истерической враждой относятся они ко всему новому. Они смело берутся разрешать задачи и, громоздя халтуру на халтуре, маскируются соображениями учебы, диалектики и пр.³.

Жизнь требует достижений. В ответ на каждом пленуме подходят они вплотную к гегемонии и свои ученические тетради объявляют достижениями и предпосылками. Они делят сами себя на группы, на самом деле представляя одно сплошное стадо бездарных баранов. Они создают тысячные литературные организации, которые будут разгромлены литературой в одно мгновение. Шайка бездарностей, составленная из истеричных

интеллигентов и дегенератов старого поколения, всегда готова к их услугам в деле проведения очередной травли или обмана общественного мнения⁴. Они загромаждают библиотеки своей стряпней, от которой через пару лет не останется и следа.

8

Старая расклевывающая, первая и вечная угнетательница искусства, критика — в наше время стала тем, к чему она стремилась во все эпохи: администрирующим канцелярским центром. Она сняла маску идейности и эстетизма, превратившись в диктаторствующего бюрократа. В своей голой откровенной бездарности она уступает только пролетарской литературе, да и то не всегда. Она слишком труслива, чтобы поумнеть, слишком глупа, чтобы прогрессировать. Она опасается даже себя, создав настроения демагогии и догматизма и удушая даже отдельных храбрых зайцев из своих рядов. Она кичится своей силой, своим упорством, настойчивостью, систематичностью, но у нее не воля, а истерика, не знание, а догма, не дело, а тектология⁵. Верный друг возомнивших графоманов, она, как и они, давно уж нуждается в пощечине.

9

Эти скопцы, эти нищие духом, эти дикари, запретившие свободу слова и, в результате, совершенно не защищенные от нее, этот корабль глупых, это сборище обскурантов — окружает себя подлизями, требует общественного внимания и спекулирует на неграмотности масс. Эти потомки Бурачка и Хвостова⁶ смеют мечтать о гегемонии. Они ждут подкреплений из народа, предварительно ориентируя его на свою бездарность и глупость⁷. На «уклоны» они отвечают усилением своего канцелярского аппарата. Враждебную им литературу они объясняют классовой борьбой в то время, как эта литература рождается как протест против их бездарности. Они требуют лестии от других литературных группировок. И успевают в этом. Дух свободы и протеста искоренен повсюду ими. Но где нет свободы, там нет и творчества. Вот почему удушающая бездарность царит повсюду.

10

Они думают, что могут продолжать это бесконечно. Мы выступаем против. Мы выступаем в обход всем литературным организациям. Потомство оправдает нас, зачинателей боя, и обвинит шайку наших врагов. Вся современная литература доказывает своей бездарностью правильность нашей теории. Мы начинаем вторую половину доказательств. Мы объявляем войну литературными фактами. Фантомы могут смеяться над нами с высоты своих канцелярских вершин. Вооруженные вы не нанесете нам смертельного удара: вы — в стихии графоманства, мы — в стихии творчества. В нашем лице литература отомстит вам, с тем чтобы впредь господу булгарину будущего не смели ставить своих хвостовых на пьедестал славы.

[На РАПП]

1

Вглядись в лицо свое —
Нажим организации,
Восторг администрации
И все!

2

Заявили ему раз:
Вы оторваны от масс.
Он вздохнул в прострации
И спросил дотации.

3

Вы ввели в литературу
Жесточайшую цензуру
Подозрительных умов,
Чтоб усилить диктатуру
Импотентов и глупцов.

4

Коль старины одеть мундиры,
Уж вы друзья не Кантемиры.
Идя вперед скалой чинов,
В том ранге вы, где граф Хвостов.

5

В войне с Европою китайцы,
Как расхрабренные зайцы,
На лицах маски надевали,
Бумажной саблею махали.
И так сражались на арапа,
Как будто родственники РАППа.

На пролетлирика

Не столько он от Пушкина идет⁸,
Сколь по запасной линии шагает,
Там, где Костров⁹ свой путь ведет,
А ЛЕФ на финиш прибегает.

[На РЕФ]

Чтоб еще кредит заначить,
В достижениях преуспев,
Не пора ль переиначить
Ваше имя в новый РЕФ¹⁰

На лирика РЕФ

Послушай, шут,
Перед тобой враги не дрогнут.
Хотя ты спереди надут,
Но сзади вогнут.

На «Кузницу»

Не будем больше чваниться!
Не будем вовсе врать!
Но что ж от вас останется,
Коль этак обещать?

На пролетлитературу

Вот она массовая,
Вот она ударная,
Не столь классовая,
Сколь бездарная.

На уклон

Докладчик подал заявление:
Есть в РАППе разложение!
Но зачем сопротивляться?
Мертвым нужно разлагаться,
А живым, зажавши нос,
Уносить их на погост.

На молодцов из «Литгазеты»

Мы скажем этому сословью:
Заслуги должно поощрять —
Вам надо место в РАППе дать
По обличительному богословью¹¹.

На творческий вечер

За эти речи Горбачева¹²
И рифм причудливый канкан
Клянущий марксизм в искусстве слова
И в эстетизме будетлян.

Раствление слова

Нажал и вдруг в один присест
Валяет прозу в анапест¹³.

На современную прозу

Я слышу русской речи ход свободный
У Ленина и в книжке переводной¹⁴.

**Эпиграммы по поводу кампании
против Пильняка и Замятина**

На «Литгазету»

Видали вы машину,
Занятная она —
Намажет медом спину
И вылижет сама...

Виновникам

Через леса и гор граниты
Мы к вам спешим, вы не забыты!
В огне построены — сражайтесь,
Не покидая знамена.
Мы шлем вам голос — не сдавайтесь,
Хотя врагов земля полна.

На окончание травли

Благодарим коней, на коих мы сидели,
И тех, кто, развлекая, песни пели.
Охотились мы ночи до зари
Под шум и визг среди густого бора.
Охота кончена. Спасибо вам, псарь
И вся нам преданная свора.

Эпитафии

Фриче

1

Сочинивший кучу дичи,
Опочил чиновник Фриче.
Умер он до смерти, ране —
В ВКП и в РАНе¹⁵.

2

Педант ушел, но волей чуда
Для назидания умов,
Он ярко светится оттуда
Блестящей з<адницей> штанов.

Есенину

Спи, дружище, коли спишь.
Смертью нас не удивишь.

ЛЕФу

Здесь лежит раб божий.
Что ты пятишься, прохожий?

Багрицкому

Вот эпитафия поэту:
Его и не было, и нету.

Блоку, Есенину, Маяковскому

Вы, друзья, живете паки
По сказаниям молвы.
Говорят, что вурдалаки
После смерти стали вы.

На лирика-натуралиста

Он и в тонкости пускается,
Он и в ломовой извоз.
В общем синтез получается
Пудренный навоз.

На всех

Я ночью был сражен кошмаром.
Мне снился тяжкий сон,
Что Маяковским Вольдемаром
Наш век неожиданно посещен.

Что всем поручено в заботу
Крутить, как белкам — карусель,
Стихов короткую икоту
Иль длинных, точно вермишель.

И как невидимая сапа,
К стенаньям спящего глухи,
Четыре тысячи поэтов РАППа¹⁶
Читали мне свои стихи.

А некий критик с головою,
Расчесанною в даль времен,
Сидел фигурой часовую
На Шипке в думу погружен.
Но вдруг мелькнула мысль-плутовка:
Я описание сна прерву!
К чему тут сном мотивировка¹⁷,
Коли все это наяву...

На продавца пера

Став эволюции поборник,
Он повышение получил.
Он раньше был всего лишь дворник —
Теперь в швейцары поступил.

На цензуру

Архангел на страже стоит
И полный старанья
Мечами грозит —
Охраняет бытие от сознания.

На Б.Эйхенбаума

Хвала, о старец! Дух болтливый
И вас, как видно, осенил.
И мемуарчик суетливый
В подарок музам предложил.
Но те хоть вас и почитают,
Но все же, хитрые, смекают:
Хоть автор смел,
Но мало расхрабрился —
В теории собаку съел,
А в жизни пылью подавился¹⁸.

[На В.Б.Шкловского]

Он был еретиком неверным,
А стал марксистом правоверным.
А в общем кто же он таковский?
Шкловский!¹⁹

Критик перед обилием школ
Стоит охотник перед лугом
И более, чем дичь, напуган.

Футуристы и Пушкин

Он был. А вы, сказать пора,
Со всем своим удельным весом —
Как будто пляшет мошкара
На фоне солнца мелким бесом

* * *

Сказать про ваше творчество финально:
Оно естественно, но не нормально.

Послесловие, адресованное литературному бюрократу

Простите! Простите, что мы идем не по готовому пути, что мы не постояли в вашей передней, что мы не предлагаем никаких оптимистических резолюций, что мы не достали вашей рекомендации. Впрочем, вам ли пятнать свою репутацию литературой?

Примечания

1. Очевидная переключка с программными заявлениями литературной группы «Скифы» 1917-1918 гг.; см., напр.: Иванов-Разумник Р. Две России // Скифы. Пг., 1918. Сб. II.

2. Возможно, имеются в виду «агитстихи» Маяковского и Асеева и их участие в журнале «Трезвость и культура».

3. Намек на рапповские лозунги «учебы у классиков» и проведение «марксистско-ленинской диалектики» в литературе, особо активно пропагандировавшиеся в журнале «На литературном посту» в конце 1920-х гг.

4. Судя по не приводимой нами эпиграмме, здесь имеется в виду выступление в журнале «На литературном посту» (1926. №2) литературоведа Н.Н.Фадеева.

това (1887-1961), начавшего научную и педагогическую деятельность еще до революции, а также работы В.М.Фриче, П.С.Когана, В.Л.Львова-Рогачевского и др.

5. Тектология («всеобщая организационная наука») — учение А.А.Богданова-Малиновского (1873-1928) о построении общества будущего; пропагандировалось Пролеткультом.

6. Бурачок Степан Онисимович (1800-1876/77) — издатель, критик, публицист; инженер-кораблестроитель. Издавал журнал «Маяк» (1840-1845), ставший символом обскурантизма и отсталости. Хвостов Дмитрий Иванович (1757-1835) — писатель, в 1799-1802 гг. обер-прокурор Синода. Его литературные произведения и общественная позиция служила темой постоянных эпиграмм и пародий современников.

7. Имеется в виду кампания РАППа по «призыву ударников в литературу» и лозунг «ударник — центральная фигура пролетарского литературного движения».

8. Намек на неоднократно декларировавшуюся РАППом во второй половине 1920-х гг. ориентацию на классическую литературу XIX в.

9. Костров Ермил Иванович (1755-1790) — поэт-одописец, пользовавшийся (не вполне заслуженно) репутацией бездарного и неудачливого литератора.

10. Иронический отклик на переформирование ЛЕФа в РЕФ в мае-июне 1929 г. и частичный отказ его от прежних позиций в сторону сближения с платформой РАППа. «Новый ЛЕФ» как печатный орган группы сменил «ЛЕФ» в январе 1927 г.

11. Эта и печатаемые ниже эпиграммы на «Литературную газету» связаны с ее ролью в травле Пильняка и Замятина в 1929 г.

12. Горбачев Георгий Ефимович (1897-1942) — критик и историк литературы, преподаватель Ленинградского университета. Один из руководителей ЛАППа, затем основатель и лидер группы «Литфронт»; исключен из РАППа «за фракционную деятельность».

13. Имеются в виду А.Белый и Ф.В.Гладков как авторы ритмизованной прозы (первый вариант «Цемент» был написан с ориентацией на искания и опыт прозы Белого).

14. Иронический выпад не только против языка и стиля Ленина и низкого качества большинства прозаических переводов 20-х годов, но и против статей В.Б.Шкловского, Б.В.Томашевского, Ю.Н.Тынянова и других авторов из круга «формалистов» о языке и стиле Ленина (см.: ЛЕФ. 1924. №1), а также работ А.Е.Крученых.

15. Фриче Владимир Максимович (1870-1929) — критик и историк литературы, член ВКП(б) с 1917 г., академик АН СССР (названной по-старому РАН) с 1929 г. Наследие Фриче активно пропагандировалось РАППом, но сам он еще при жизни стал символом посредственности, ограниченности и сухого педантизма.

16. Эту же цифру называл В.В.Маяковский в своих выступлениях, прямо или косвенно направленных против РАППа (см., напр.: Вечерняя Москва. 1928. 26 сентября).

17. «Мотивировка» — одно из основных понятий «формальной школы», введенная в оборот В.Б.Шкловским. В его работах 1921-1924 гг. по «сюжетосложению» — многочисленные примеры «мотивировки сном» в литературных произведениях.

18. Имеется в виду книга Б.М.Эйхенбаума (1886-1959) «Мой современник», содержащая тексты мемуарного характера (Л., 1929).

19. Отклик на «покаянные» статьи и выступления Виктора Борисовича Шкловского (1893-1984), сделанные после осуждения партийными идеологами «формального метода» и в обстановке травли со стороны ортодоксов РАППа (Памятник научной ошибке // Литературная газета. 1930. 27 января, и др.). Столь же недоброжелательно было встречено «покаяние» Шкловского и во враждебном ему рапповском и околорапповском лагере (см., напр.: Нусинов И.М. Запоздалые открытия, или Как В.Шкловскому надоело есть голыми формалистскими руками и он обзавелся самодельной марксистской ложкой // Литература и марксизм. 1929. №5; Гельфанд М. Декларация Царя Мидаса, или Что случилось с Виктором Шкловским? // Печать и революция. 1930. №2).

Публикация В.И.Безъязычного, вступительная статья, примечания и составление В.Э.Молодякова.

Из альбома Г.В.Алексеева

Альбом как особый жанр литературного и исторического документа давно вошел в культурный обиход. «Как любой жанр, альбомы с течением времени претерпевали изменения. Если в начале XIX века для альбомов были наиболее характерны только стихотворные записи, то в XX веке их содержание усложняется, появляются прозаические обращения, элементы воспоминаний, полемические записи, юмористические сценки... На характер каждого альбома накладывает неповторимый отпечаток личность его владельца»¹. Эта характеристика может быть отнесена и к альбому Глеба Васильевича Алексеева (1892-1938), избранные записи из которого публикуются ниже.

Г.В.Алексеев родился в Москве 6 июня 1892 г. в семье народного учителя. В июне 1909 г. в газете «Копейка» был напечатан его первый рассказ. В Первую мировую войну он воевал в Галиции, Румынии, на Украине. В 1919 г. эмигрирует и начинаются его долгие скитания: Турция, Греция, Африка, Малая Азия, Венгрия, Австрия, Югославия. В 1921 г. Алексеев перебирается в Берлин, где он и выдвинулся как прозаик: здесь в 1922 г. выходят его книги «Мертвый бег», «Живая тупь», «Живые встречи» и др. С ноября 1923 г. Г.Алексеев — в Москве. Он активно включается в литературную жизнь, много печатается. В этом же году Госиздат переиздает его книгу «Мертвый бег» — повествование о жизни белой эмиграции в одном из беженских лагерей под Берлином (оказавшее, по мнению специалистов, влияние на булгаковский «Бег»). В 1926-1928 гг. выходят в свет его сборники повестей и рассказов «Горькое яблоко», «Дунькино счастье», «Свет трех окон» и др. Г.Алексеев активно работал и в жанре очерка. Он объездил всю страну: побывал на Урале, Алтае, в Киргизии. В мае 1934 г. был принят в Союз советских писателей².

С конца 1920-х гг. творчество Г.Алексеева все чаще получает негативную оценку. Его роман «Тени стоящего впереди», повесть «Шуба» подвергаются нападкам рапповской критики. Отвечая на одно из таких выступлений³, Алексеев в черновике письма на имя Л.Авербаха от 23 марта 1928 г., в частности, писал: «При самом беглом чтении моих вещей должно броситься в глаза, что я, по существу, писатель *одной* темы, и в «Жилом доме», и в «Шубе», и в «Свете трех окон» — это тема — о конченном человеке фаустовской эры. Сами того не понимая, мы присутствуем сейчас при величайшем повороте человечества: при гибели христианства, как следствие гибели капиталистического строя, а вместе с ним гибели христианской морали»⁴.

Спустя шесть лет, 21 апреля 1934 г. писатель был вынужден обратиться с письмом к Л.М.Кагановичу: «<...> за все 11 лет работы в Советском Союзе <...> я каждый день думал, что надо сложить перо, иначе его все равно вырут группировки, любимой и испытанной мишенью которых я за все это время был. Меня били наотмашь <...>, били за то, что я посмел догадаться, и били за то, что догадаться не посмел, меня обвиняли то в правом, то в левом уклоне <...> за то, что посмел поставить проблему, а разрешить не посмел <...>»⁵.

В условиях непрекращающегося идеологического прессинга такая своеобразная форма литературного быта как альбом сохраняла некоторую независимость от партийно-государственного контроля. Хотя, конечно, независимость эта была очень относительной.

Весной 1938 г. Г.Алексеев был арестован по ложному обвинению. Он проходил по одному «делу» с Б.Пильняком и Артемом Веселым. Точных данных о дате его гибели нет⁶.

Записи из альбома Г.В.Алексеева публикуются по автографам, хранящимся в РГАЛИ (ф.2524, оп.1, ед.хр.24).

1. Коршунова В.П. Живое дыхание времени: (О литературных альбомах 1920-х — 1940-х годов) // Встречи с прошлым. М., 1984. Вып.5. С.356.

2. Биографические справки о Г.В.Алексееве см.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин. 1921-1923. Paris, 1983. С.95 (предисловие к публикации писем Г.Алексеева к А.С.Яценко и Дону Аминадо); Заграница: (Воспоминания Г.В.Алексеева и очерк Б.А.Пильняка) / Публикация Е.И.Горской // Встречи с прошлым. М., 1990. Вып.7. С.157-164 (предисловие к публикации «берлинских» воспоминаний Г.Алексеева; здесь же приведены некоторые из публикуемых ниже записей в его альбоме).

Сравнительно недавно была переиздана и приключенческая повесть Алексеева «Подземная Москва», см.: Юлия, или Встречи под Новодевичьим: Московская романтическая повесть конца XIX — начала XX века / Сост., вступит. ст. и примеч. В.Б.Муравьева. М., 1990.

3. Двусмысленность позиции Глеба Алексеева // На литературном посту. 1928. №5.

4. ИМЛИ, ф.154, оп.1, №19, л.1.

5. Цит по: Встречи с прошлым. Вып.7. С.162-163.

6. Дата его гибели указана в кн.: М.Горький и советская печать. М., 1965. Кн.2. С.386 (Архив А.М.Горького. Т.Х).

Жизнь не удалась!

Вот дожил до 33-х лет. Что самое главное в жизни? Самое главное в жизни, я полагаю, — иметь побольше всяких желаний.

В таком случае жизнь мне не удалась — так же как и тебе, надо думать, дорогой друг Глеб Васильевич!

Мих. Зоценко.

8 мая 29 г.

* * *

Дорогой Глеб Алексеев, вот Мих. Мих. Зоценко пишет на предыдущей странице, что «не удалась жизнь». Черт его знает, может и не удалась. Кажется, не удалась. А, может, это просто литературщина — говорить о жизни, которая не удалась. Не важно. Будем делать литературу, Глеб Васильевич!

Крепко приветствую тебя и жму лапу

Юрий Олеша.

Май, 29 г.

* * *

Обедать-то мы обедали в этом доме и даже очень неплохо и с изрядным шумством, — но в карты в этом доме не играйте. Один из несчастных

А.Толстой.

20 февраля 1930 г.

Насчет пальца, Глеб дорогой, не суди...!

* * *

С большим удовольствием провел вечер, слушал замечательные сообщения Глеба Алексеева.

А.Новиков-Прибой.

2/III 29.

* * *

Уважаемый Глеб Васильевич!

Пишу Вам со Ст<арой> Башиловки, прослышав о Вашем отъезде на Донбасс¹. В путешествие возьмите обыкновенной жестяной чайник и заваривайте чай на каждой станции, где есть кипятик. Чай и папиросы большое удовольствие в путешествии, которое само по себе и одно из наибольших наслаждений в жизни. Когда Вы возвратитесь, Вы напишите поэму о Венецианском стекле.

А.С.Грин.

8 мая 1929 г. Москва.

* * *

Дорогому Глебу Васильевичу в день читки пьесы «Макинтош»².

Письменное обязательство

Раскольников, Федор Федорович, 38 л<ет>, атеист, от присяги отказался, которая заменена ему письменным обязательством. Обещаюсь и клянусь перед письменным столом Глеба Алексеева и перед его животворящей чернильницей, что, не увлекаясь ни дружбою, ни родством, ни женитьбою, я по совести напишу вступительную статью

к собранию сочинений Глеба Алексеева³, где объективно изложу все мне известное о произведениях означенного писателя.

Ф.Раскольников.

26 мая 1930 г.

Автору «Макинтоша» от автора «Робеспьера»⁴.

* * *

Когда «Титаник» шел ко дну — Капитан на мостике стоял до конца и до конца играл оркестр.

Мы — оркестр; нам надо играть до конца. Что будет там — в подводном царстве — мы не знаем. Амфибиям, пресмыкающимся — перейти туда легко; другим — трудно. Но сделать это нужно — и с музыкой.

*Евг.Замятин*⁵.

7-II-1930

* * *

Старик Глеб, ты склонен к резонерству и ценишь мудрость. Высшая мудрость жизни: жить несмотря на все препоны!

*Сергей Буданцев*⁶.

17/II 29 Москва

* * *

Глеб!

Будем молоды, свежи и чисты, как эта бумага, купленная нами вместе с тобой в «Международной книге». Только не давай никому писать о себе афоризмов и экспромтов.

Вл. Лидин.

14 апреля 1929

«Я сижу у камина»

Если за Толстым Лесков не был виден,
То в какой же телескоп виден Лидин?..⁷

* * *

Глебу

Да гремит и сверкает перо твое, как меч в руках правоверного всадника!

Артем Веселый.

Январь 1934 г.

* * *

В память последнего дня Андрея Белого на земле — оставляю тут белый лист.

10.1.34

*Ник. Зарудин*⁸.

* * *

Нельзя не любить людей, знал когда любил.

После того, как ты в трусиках выжимал вино в Рагузии⁹ и звали тебя «лудый Русь» и писал ты потом о людях сибирских слова¹⁰, я узнал тебя, летчик, сделанный из < 1 нрзб. >, веселый скворец, делающий скворечницу за скворечницей и бросающий их, как кукушка яйца.

Итак, люблю тебя кукушка наоборот — по «Zoo» логической памяти¹¹.

Виктор Шкловский.

17 января 1934 год.

* * *

Вот и состоялась наша московская встреча, о которой ты, родной Глебушка, писал мне на своей книжке и о которой я мечтал три года.

Светлая память этих дней пребудет во мне всегда. Они — начало нашей личной и творческой дружбы,

Твой — ныне, и присно и во веки веков.

Аминь.

*Н.Любимов*¹².

Старая Башиловка, 7/ 1937.

* * *

Дорогой Глеб Васильевич!

С большим удовольствием вспоминаю встречи наши, «проводы» в Берлине. — Давние дела!..

Ив. Соколов-Микитов.

4 авг. 1936. Москва.

Примечания

1. Во время поездки в Донбасс Глеб Алексеев побывал в шахтерских центрах Никитовке и Горловке. Результатом этой поездки стал цикл очерков «Дела и люди соревнования» (М., 1930).

2. Автограф пьесы Г.Алексеева «Макинтош», написанной в 1930 г., хранится в РГАЛИ (ф.2524, оп.1, ед.хр.39).

3. Предполагавшееся издание Собрания сочинений Г.Алексеева в пяти томах не состоялось.

4. «Социальная трагедия» Ф.Ф.Раскольникова «Робеспьер» впервые вышла отдельным изданием в 1930 г. в Москве.

5. Эта запись Е.И.Замятина отражает его душевное состояние после критической кампании 1929 г., вызванной публикацией за рубежом его романа «Мы» и повести Б.Пильняка «Красное дерево».

6. Буданцев Сергей Федорович (1896-1940) — поэт, критик, автор романа «Мятеж».

7. Приписано рукой Г.Алексеева (у В.Г.Лидина был очень мелкий почерк).

8. Зарудин Николай Николаевич (1899-1937) — писатель, очеркист. В 1924-1932 гг. входил в состав литературной группы «Перевал».

9. От древнего латинского названия г.Дубровника (Рагуза), в окрестностях которого Г.Алексеев в 1920-1921 гг. арендовал виноградники.

10. Очевидно, имеется в виду книга Г.Алексеева «Бабы посылки», вышедшая в 1923 г. в Берлине.

11. В.Б.Шкловский перефразирует здесь название своей книги «Зоо, или Письма не о любви», также вышедшей в 1923 г. в Берлине и писавшейся в пору берлинских встреч с Г.Алексеевым.

12. Очевидно, переводчик и мемуарист Николай Михайлович Любимов (1912-1992).

Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания Е.Ю.Литвин

М.Л.Гаспаров

Поэт и культура

Три поэтики Осипа Мандельштама

1

Осип Эмильевич Мандельштам¹ родился 2(14) января 1891 г. в Варшаве, в еврейской семье, раннее детство провел в Павловске, вырос в Петербурге. Отец его был торговец кожей, мать — учительница музыки. Свое детство, свое становление он описал потом в книге «Шум времени». Описание это безотраднo. В отце его еврейская талмудическая культура прошла через фильтр уже архаичного немецкого Просвещения, в матери — через фильтр русской разночинской культуры надсоновского безвременья. Это дало пугающую смесь, которую Мандельштам озаглавил: «хаос иудейский». «У отца совсем не было языка, это было косноязычие и безъязычие... совершенно отвлеченный, придуманный язык, витиеватая и закрученная речь самоучки». У матери — «литературная великорусская речь, словарь ее беден и сжат, ее обороты однообразны, — но это язык, в нем есть что-то коренное и уверенное». «Что хотела сказать семья? Я не знаю. Она была косноязычна от рождения — а между тем у нее было что сказать». «Шум времени» писался в 1923 г. и, конечно, тенденциозно: это послереволюционное время выясняло свои отношения с дореволюционным временем.

Эта статья была написана как вступительная к новому изданию О.Мандельштама в большой серии «Библиотеки поэта». Это не столько исследование, сколько систематизация и доработка результатов, достигнутых современным мандельштамоведением. Мне казалось, что цель вступительной статьи к трудным стихам — научить читателя (а прежде того себя) языку поэта, чтобы не было соблазна вчитывать в его слова наши собственные мысли и чувства. Поэтому я писал главным образом о поэтике, часто на конкретных примерах, поневоле сжато. Биографические сведения привлекались лишь в той мере, в какой они относились к заглавной теме. Может быть, такая статья может представить интерес и отдельно от будущей книги.

De Visu. 1993. №10(11).
© М.Л.Гаспаров.

Но вряд ли здесь много передержек. Семья своей он стыдился еще в молодости, избегая что-нибудь о ней рассказывать. Из этого темного и бессловесного мира он искал выхода.

Поиски имели три направления: революция, религия, словесность. Начались они в школьной юности: в 1899-1907 гг. Мандельштам учился в Тенишевском коммерческом училище. Здесь он пережил революцию 1905 г., она воспринималась как «слава века» и дело доблести. В четырнадцать лет он с товарищами кричал «ура» поражению при Цусиме, в шестнадцать говорил речи перед рабочими и как в трансе слушал выступление Савинкова: эсеров он предпочитал эсдекам, они были романтичнее. Первые два стихотворения Мандельштама, напечатанные в училищном журнале в 1907 г., — по стилю добросовестно-народнические, по духу пламенно-революционные: «Синие пики обнимутся с вилами и обгарятся в крови...» К поэзии его толкнули уроки символиста В.В.Гиппиуса, который читал в училище русскую словесность: «желчно и любовно», с «литературной злостью», с «благородной завистью, ревностью, с шутивным неуважением, кровной несправедливостью, как водится в семье». Этому В.В.Гиппиусу он писал (через год после выпуска) и о другом: «Я издавна стремился к религии безнадежно и платонически... Первые мои религиозные переживания относятся к периоду моего детского увлечения марксистской догмой и неотделимы от этого увлечения. Но связь религии с общественностью для меня порвалась уже в детстве, [я] стал окончательно на почву индивидуализма и антиобщественности... Поклонение «Пану», т.е. несознанному Богу, и поныне является моей религией». Так революция, словесность и религия связывались воедино; главным в этом единстве сперва была революция, поэтом словесность. «Теперь стыдится своей прежней

революционной деятельности и призванием своим считает поприще лирического поэта», — записывает в 1910 г. познакомившийся с ним С.П.Каблуков, секретарь петербургского религиозно-философского общества.

После училища — три поездки по Европе, для лечения и учения. (Мандельштам всегда был слаб здоровьем — астма, стенокардия, — и знакомые даже беспокоились за его жизнь). Полгода в Париже (1907-1908), два семестра в Гейдельбергском университете (1909-1910, старофранцузская словесность и искусство Возрождения), два месяца в санатории под Берлином (1910). В промежутках он завязывает литературные знакомства, бывает на знаменитых собраниях у Вяч. Иванова («на башне»), посещает Инн. Анненского, ему осторожно протезирует З.Гиппиус. «Худошавым мальчиком с ландышем в петлице, с высоко закинутой головой, с пылающими глазами и ресницами в полщеки» запомнила его Анна Ахматова. Из-за границы он шлет Иванову частые письма со стихами. В 1910 г. появляется первая публикация его стихов в журнале «Аполлон». К этому времени семья стала разоряться, учение в Европе сделалось невозможным, в 1911 г. он поступает в Петербургский университет, тоже по романской филологии; учится безалаберно, курса так и не кончает. Чтобы поступить в университет в обход процентной нормы для иудеев, он принимает крещение — но не по православному и не по католическому, а по протестантскому, методистскому обряду. Все это — и стихи, и Европа, и филология, и крещение — связываются для него в одно: приобщение к культуре.

Полупровинциал, еврей, разночинец, он не получил достояния русской и европейской культуры по естественному наследству. Выбор культуры был для него актом личной воли, память об этом навсегда осталась в нем основой ощущения собственной личности с ее внутренней свободой. Эстетика для него сделалась носителем этики, выражением свободного выбора. Героем одной из первых его статей был Чаадаев — человек, ушедший от аморфной, бесструктурной и беспамятной русской культуры в Европу и с Европой в душе вернувшийся в Россию — героем, потому что он дважды сделал свой свободный, сознательный выбор.

Приобщение к Европе было преодолением одиночества — человеческого и исторического: синонимом культуры для Мандельштама было «единство». Христи-

анство пошло смертью смерть, поэтому христианский мир — «весь цельность, весь личность, весь спаянное единство» (пишет Мандельштам в статье «Скрябин и христианство»), поэтому он дает душе больше, чем безличный мир иудейства. В католичестве это единство осязаемое — оно воплощено в фигуре папы, воплощающей двухтысячелетнюю цельность европейского мира. Поэтому молодого Мандельштама так привлекают романская Европа, готика и Рим. Когда С.П.Каблуков, знаток церковной музыки, уверил его, что в православии тоже есть своя эстетическая традиция, Мандельштам заговорил о безблагодатности Рима («Скрябин и христианство») и написал несколько отличных стихотворений о русских соборах. Но в самом ликующем из них, «Вот дароносица, как солнце золотое...», черты православия и католичества оказываются фантастически сплавлены: «здесь должен прозвучать лишь греческий язык», как в православной церкви, — но поклонение св. дарам совершается не в алтаре, а на виду у верующих, как в католической литургии. Как применительно к Чаадаеву Мандельштам говорил о «синтетической народности» (т.е. самосозданной)², так здесь перед нами «синтетическая религия», объединяющая, а не рознящая христиан. И если Мандельштам принял крещение по методистскому обряду, то (по тонкому замечанию С.С.Аверинцева) потому, что это сохраняло ему внецерковность — равное расстояние и от католичества и от православия. Религия для Мандельштама, как и для всякого человека его поколения, значила очень много. Но религия для него всегда была лишь частью культуры, — а не культура частью религии.

Таков же путь Мандельштама и к поэзии. Поэтическую культуру он усваивает не стихийно, «из воздуха», а сознательно, по книгам и беседам. «Разночинец не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, — и биография готова», — самоиронизировал он в «Шуме времени». (Не случайна его тяга к Вяч. Иванову — такому же разночинец, с таким же книжным образованием, ставшему царственным хранителем мировой культуры и писавшему об архетипической памяти слова). Сознательно — это значит: отбирая и комбинируя разнородные элементы, отвечающие его душевному складу и творческому вкусу. Подобно синтетической народности и синтетической религии, он создавал себе синтетическую поэтику. Программу свою

он с редкой четкостью формулирует в одном из самых ранних сохранившихся своих стихотворений: прямо называя оба свои синтезируемые источника:

В непринужденности творящего обмена,
Суровость Тютчева — с ребячеством Верлена —
Скажите — кто бы мог искусно сочетать,
Соединению придав свою печать?
А русскому стиху так свойственно величие,
Где вешний поцелуй и щебетанье птичье!

«Суровость Тютчева» — это серьезность и глубина поэтических тем; «ребячество Верлена» — это легкость и непосредственность их подачи. Как сливаются эти два источника в синтезе, виднее всего по двум стихотворениям, которые считаются в числе лучших произведений раннего Манделъштама.

Первое — «Silentium» (1910)³.

Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Спокойно дышат моря груди,
Но, как безумный, светел день
И пены бледная сирень
В мутно-лазоревои сосуде.

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту —
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста.

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито.

Уже заглавие дает отсылку к знаменитому тютчевскому стихотворению: «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя?» Манделъштам отвечает: отказом от слов, возвращением к дословесной («первоначальная немота») всеобъединяющей музыке; в этой «первооснове жизни» сольются сердца, и не нужно будет любви-Афродите связывать их пониманием. Этот ответ — верленовский: он — от его возгласа «Музыки — прежде всего!», с которого начиналось его программное «Искусство поэзии», и от его самой популярной книги стихов, называвшейся «Романсы без слов». (Годом раньше, посылка Вяч. Иванову стихотворение «На темном небе, как узор...», Манделъштам писал: «Это стихотворение — хотело бы быть “romance sans paroles”...»).

Второе — без заглавия (1911):

Отчего душа так певуча,
И так мало милых имен,

И мгновенный ритм — только случай,
Неожиданный Аквилон?

Он подымет облако пыли,
Зашумит бумажной листвою
И совсем не вернется — или
Он вернется совсем другой.

О широкий ветер Орфея,
Ты уйдешь в морские края —
И, несозданный мир лелея,
Я забыл ненужное «я».

Я блуждал в игрушечной чаше
И открыл лазоревый грот...
Неужели я настоящий
И действительно смерть придет?

Здесь прямых отсылок к Тютчеву и Верлену нет. Но «суровость» темы вполне достойна Тютчева: ощущение человеком своей покинутости, хрупкости, смертности. А «ребячество» ее подачи вполне достойно Верлена: даже независимо от «игрушечной чаши», интонация «неужели я настоящий, и действительно смерть придет?» звучит с трогательно-детской наивностью. Конечно, и Тютчев и Верлен были святыми именами для всех русских символистов; но так соединить огромную трагичность темы с нежностью и хрупкостью интонации — в этом, действительно, «своя печать» молодого Манделъштама.

Этот контраст у Манделъштама — осознанный. В одном из стихотворений (менее ярком, потому что более прямолинейном) он прямо начинает: «Не говорите мне о вечности — я не могу ее вместить. Но как же вечность не простить моей любви, моей беспечности?..» (Вечность — от Тютчева, беспечность — от Верлена). А кончает: «...И тихим отголоскам шума я издали бываю рад ее пенящихся громад, — о милом и ничтожном думая». Другое стихотворение начинается тем же страхом смерти: «Мне стало страшно жизнь отжить — и с дерева, как лист, отпрыгнуть...» — а продолжается выводом: «И я слежу — со всем живым меня связующие нити...» («...И с истлевающих страниц притягиваю прах столетий», — мы узнаем тоску Манделъштама по предметности культуры). С одной стороны — вечность, смерть и рок (маятник душ, жребии в урне, чаши весов Судьбы; одно стихотворение кончается рефреном «Я не хочу моей судьбы!» — мы узнаем волю Манделъштама к свободе выбора). С другой стороны — «милое и ничтожное», необычные стихи-натюрморты о том, как «бирюзовая вуаль небрежно брошена на стуле», как «цветочная проснулась ваза»

и «напиток на столе дымится», о лилиях в стекле, о зимнем окне и о каменном Амуре, удивленном, «что в мире старость есть». Это земное и близкое настойчиво окрашивается детскостью (опять «ребячество Верлена»): «только детские книги читать», «в кустах игрушечные волки», игрушечны даже боги-пенаты, роза — искусственная, и даже весь окружающий мир — искусственный, как гобелен. Между этой далью и этой близью возникает тяжкое напряжение — смертельная усталость, бессилие, тоска щемящая, одиночество («не говори со мной — что я тебе отвечу?»); человек — тростинка в мировом омуте («мыслящий тростник» Паскаля и Тютчева), «я только петь и вспоминать умею». Самые частые эпитеты — «темный», «тяжелый», «холодный», «тихий», «нежный», «печальный», «тусклый», «туманный» (верленовское «не краски, но оттенки!»). Самое сильное чувство — страх: страх любви («там — я любить не мог, здесь — я любить боюсь»), страх Бога («страшен мне подводный камень веры», «и тебя не любить мне позволь», «укор колоколов»), страх судьбы. Самое большое желание — раствориться в пустоте, «болезненной и странной», «быть также туманным», как раковина, хранящая в себе море и ночь⁴.

Книжный путь к культуре породил в Мандельштаме обостренное чувство того, что все слова — заемные, выученные, чужие (как об этом до него в стихах писал Тютчев, а после него в прозе — Бахтин). Но для него это было не недостатком, а выгодой — помня об источнике каждого слова, он мог рассчитанно возбуждать в читателе ассоциации, связанные с употреблением этого слова в источнике. В приведенном стихотворении «Отчего душа так певуча...» северный ветер Аквилон упомянут не только ради красивого слова, но и ради одноименного стихотворения Пушкина, где он не только играет пылью, а и выворачивает дубы; а необычное словосочетание «я забыл ненужное “я”» вызывает в памяти строки Анненского «...И нет конца, и нет начала Тебе, тоскующее “я”», где тоже речь идет о растворении личности в мире. Так за легким и нежным верленовским стилем приоткрывается тоска и буря. Может быть, даже слово «...певуча» напоминает о тютчевском стихотворении «Певучесть есть в морских волнах...», где далее говорится о том, как «музыкальный шорох» пробегает в камышах («ветер Орфея!»), и о «мыслящем тростнике»: целая вереница ассоциаций. Такие реми-

нисценции, слова-памятки уводят в подтекст единой мировой поэтической культуры — того, что для Мандельштама дороже всего. Конечно, такие реминисценции встречались всегда и у всех поэтов; конечно, и Мандельштам часто пользовался ими бессознательно, интуитивно. Но он задумывался об этом и старался отдавать себе в этом отчет. Двадцать лет спустя в «Разговоре о Данте» он назовет эту систему средств «упоминательной клавиатурой» и увидит в IV песни «Ада» целую «цитатную оргию», — думая, конечно, не столько о Данте, сколько о себе⁵.

Неширокий набор образов и мотивов, неширокий диапазон отрешенно-печальных интонаций, — молодой Мандельштам искусно перетасовывает их снова и снова и скоро начинает чувствовать опасность самоповторения. Начинаются поиски выхода из этого замкнутого художественного мира: сперва на эмоциональном уровне, потом на идейном. На эмоциональном — это значит: в стихах 1910–1911 гг. усиливается экзальтация чувства, появляются непривычно-эффектные образы из расхожего символистского арсенала, — преимущественно вокруг тем Бога и рока: «под грозовыми облаками несется клекот вещей птиц», «и тело требует терний, и вера — безумных цветов», «в изголовье — Черное Распятье», на теле — «тяжелый панцирь презренья». Звучит это плохо, как на чужом языке — слишком далеко и от Тютчева, и от Верлена. На идейном уровне — это значит: Мандельштам находит решение конфликта между безличной вечностью и трепетной человечностью — смертный человек преодолевает свою смертность созданием вечного искусства. Впервые эта мысль возникает в двух стихотворениях 1909 г. (Мандельштаму 18 лет). Одно — это «На бледногубой эмали...»: вечная природа оказывается сама похожа на рисунок, который выводит художник «в сознании минутной силы, в забвении печальной смерти». Другое — это «Дыхание» («Дано мне тело...») — недаром им откроется первая книга поэта. Человек — мгновенное существо в теплице посреди холодной вселенной; но его теплое дыхание ложится на холодное стекло и застывает морозным узором: «пускай мгновения стекает муть — узора милого не зачеркнуть». Однако полного развития эта тема — завершение первой поэтики Мандельштама — достигает лишь в стихах 1912–1914 гг., написанных под знаком акмеизма.

В 1910 г. становится бесспорным «кризис символизма» — исчерпанность его

поэтической системы. В 1911 г. молодые поэты из выучеников символизма, желая искать новых путей, образуют «Цех поэтов» — пеструю аморфную организацию под председательством Н.Гумилева и С.Городецкого. В 1912 г. внутри Цеха поэтов образуется ядро из шести человек, назвавших себя «акмеистами»; название (от греч. «акмэ» — «вершина») было иронически предложено мэтром символизма Вяч. Ивановым и принято ими вызывающе всерьез. Это были Н.Гумилев, С.Городецкий, А.Ахматова, О.Мандельштам, М.Зенкевич и В.Нарбут. Более несхожих поэтов трудно было вообразить: парнасская строгость Гумилева, графоманская безудержность Городецкого, камерная конкретность Ахматовой, торжественный пафос Зенкевича, вызывающий антиэстетизм Нарбута, — все это не сводилось ни к какому общему знаменателю. Но Гумилеву хотелось быть вождем поэтической школы, и он эту школу организовал. В начале 1913 г. в журнале «Аполлон» появились статьи-манифесты «Наследие символизма и акмеизм» Гумилева и «Некоторые течения в современной русской поэзии» Городецкого (Мандельштам чуть позже тоже написал статью «Утро акмеизма», но в «Аполлон» она не попала и была напечатана лишь в 1919 г.), а потом подборка стихотворений всех шести поэтов — началась она стихотворениями Мандельштама «Айя-София» и «Notre-Dame». Группа просуществовала года два и с началом мировой войны распалась; но Ахматова и Мандельштам продолжали ощущать себя «акмеистами» до конца дней, и у историков литературы слово «акмеизм» все чаще стало означать совокупность общих творческих особенностей именно этих двух поэтов — даже если они не имели ничего общего с декларациями 1913 года.

Программа акмеизма в «Аполлоне» сводилась к двум не очень оригинальным тезисам: во-первых, конкретность, вещественность, посюсторонность; во-вторых, мастерство. В поэтике символизма все слова о земной действительности должны были служить намеками на высшую действительность — уводить а *realibus ad realiora*, от реального к реальнейшему (по только что высказанной броской формуле Вяч. Иванова). В поэтике акмеизма предлагалось помнить об этой высшей действительности постоянно, но не говорить никогда: неназываемое должно остаться неназванным. («Русский символизм так много кричал о “несказанном”, что это “несказанное” пошло по рукам, как бумажные

деньги», — презрительно писал Мандельштам). Только на этом недоступном фоне иных миров и приобретала особое значение сосредоточенность акмеистов на здешнем мире; только эта многозначительность и спланивала их в группу, хотя здешний мир у Гумилева, Ахматовой, Мандельштама и Нарбута был очень разный. Мандельштаму с его трагическим ощущением смертной хрупкости пред безликой вечностью эта апология посюстороннего была очень близка. Акмеизм для него — «сообщничество сущих в заговоре против пустоты и небытия. Любите существование вещи больше самой вещи и свое бытие больше самих себя — вот высшая заповедь акмеизма» («Утро акмеизма»). Второй тезис — мастерство — привлекал его тем, что открывал средство преодоления пустоты и небытия — создание вечного искусства. Это было способом самоутверждения не только в мироздании, но и в обществе. Оторвавшийся от домашнего мещанского уклада своего детства и юности, оказавшийся в беспочвенной богемной среде, Мандельштам чувствовал себя в современности изгоем. Игра в Цех поэтов с его мастерами и подмастерьями по средневековому образцу позволяла ему почувствовать свое мастерство как патент на место в обществе. Недаром в своих статьях он прославляет средневековые за то, что общество в нем структурно, как готическое зодчество, и умеет ценить как подвиг «абстрактное бытие, ничем не прикрашенное личное существование» — например, поэта-бродяги Франсуа Виллона, любимого героя Мандельштама, с которым он прямо сближает Верлена и скрыто — самого себя. За эстетский культ старинной сословности он очень чтит в это время К.Леонтьева.

Мандельштаму было очень важно почувствовать себя в кругу единомышленников, хотя бы и очень узком. Он мелькает в Цехе поэтов, на дискуссиях и выставках, в богемном подвале «Бродячая собака». Вскинутый хохол, закликательный распев декламации, торжественность, ребячливость, задор, бедность и постоянное житье взаимы — таким он запомнился современникам. В 1913 г. он печатает свою первую маленькую книжку стихов, в 1916 г. она переиздается, расширенная вдвое. Из ранних стихов в книгу вошла лишь малая часть — не о «вечности», а о «милом и ничтожном». Сперва сборник должен был называться «Раковина» — поэт, как шумящая раковина, доносит до людей туманный голос стихии. Но вышел он под заглавием «Камень» — поэт, как зодчий,

как вольный каменщик, умудренный веками, созидает свои произведения прочно и на века. Комментарием к заглавию были несколько фраз в статье «Утро акмеизма», неожиданно уводящие опять к Тютчеву (и еще к неназванному Ницше). У Тютчева есть шестистишие «Problème»: вот камень скатился с гор в долину, и никто не знает, почему: по закону ли природы или по произволению Божию. Этот камень есть слово. «Акмеисты с благоговением поднимают таинственный тютчевский камень и кладут его в основу своего здания». Важна не причина падения камня, а наш ответ на него: не мысль, а дело⁶. «Мироощущение для художника — орудие и средство, как молоток в руках каменщика, и единственно реальное — это само произведение».

Эта полемика с Тютчевым развергивается в трех сонетах 1913 г.; сонет — нехарактерная для Мандельштама форма, и здесь она выступает как носитель «чужого слова». Первый — «Паденье — неизменный спутник страха...»: если считать, что камень бросает Бог, а не земное притяжение, то камень — лишь мертвый булыжник, храм — гнетуще-мрачен, вечность непосильна, а мгновение ненадежно. Второй — «Пешеход»: страшна высь, страшна пропасть, страшна вечность; мы ищем для глаза опору между небом и землей в колокольне, в птице; но и в этом реальном мире смерть остается смертью, и ее не заговоришь никакой музыкой. Третий — «Казино»: да, подчас мир безотраден и «душа висит над бездною проклятой», но на мгновение можно утешиться, глядя на море из уютного окна. Мир принимается таким, как он есть, вечные вопросы отстраняются, для радости остается вино в хрустале, а для душевной опоры — колокольня, возносящаяся к небу, «Строить — значит бороться с пустотой, гипнотизировать пространство. Хорошая стрела готической колокольни — злая, потому что весь ее смысл уколоть небо, попрекнуть его тем, что оно пусто» («Утро акмеизма»; стихами об этом сказано в «Я ненавижу свет однообразных звезд...»). Храмы на земле утверждают не Божью славу, а человеческую волю.

Архитектурные стихи — сердцевина мандельштамовского «Камня». Именно там акмеистический идеал высказан, как формула:

Но чем внимательней, твердыня Notre-Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра,
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам.

Стихотворения о католическом Notre-Dame и о православной Айя-Софии писались и печатались параллельно. В обоих звучит дорогая Мандельштаму тема культурной непрерывности: Notre-Dame возник на месте римского судилища, Айя-София переживет народы и века⁷. Но интересна разнонаправленность их движений. Айя-София — от Бога, Notre-Dame от человека; купол Айя-Софии «как на цепи подвешен к небесам», Notre-Dame встает от земли, играя мышцами, как Адам. Для первой ключевое слово — «красота» («прекрасен храм»), для второго — «радость» («радостный и первый»), «сила» и «мощь»; первая статична, второй динамичен. Мандельштаму ощутимо ближе второе. Для Софии он подчеркивает, как она приняла в себя колонны эфесской Дианы, для Notre-Dame — «египетскую мощь и христианства робость»: не вера создает храм, а храм веру. («Разве, вступая под своды Notre-Dame, человек размышляет о правде католицизма и не становится католиком просто в силу своего нахождения под этими сводами?» — писал Мандельштам Вяч. Иванову еще в 1909 г.). Через год к этим двум стихотворениям добавляется «Адмиралтейство» с такой же акмеистической формулой: «красота — не прихоть полубога, а хищный глазомер простого столяра». Здесь преодоление времени переходит в преодоление пространства: раскрываются три измерения, открывается пятая стихия, не космическая, а рукотворная: красота. Еще через год маленькое стихотворение о Казанском соборе (где зодчий — «русский в Риме») добавляет еще один оттенок: для творчества благотворно скрещение культур, — именно в это время Мандельштам увлекался Чаадаевым. Наконец, к этому же циклу примыкают «Петербургские строфы», где вокруг лаконичного образа русского ампира («Над желтизной правительственных зданий...») кристаллизуется «социальная архитектура» всей России, а единство времени внутри культуры доходит до того, что сквозь современность просвечивает пушкинская эпоха, двоясь именами Евгения Онегина и Евгения из «Медного всадника».

Н.Гумилев считал началом мандельштамовского акмеизма шестистишие 1912 г. «Нет, не луна, а светлый циферблат...» (в самой середине первого «Камня»). Акмеизм предпочитал время — вечности, циферблат — романтической луне и звездам (звезды у Мандельштама всегда колючие и злые), и архитектуру — любимой символистами

музыке. На тогдашнем языке это называлось: предпочитать гармонию Аполлона экстазу Диониса. Но Мандельштам не мог забыть верленовский призыв к музыке: в «Камне» есть стихи и про Баха, и про Бетховена⁸. Если верить «Утру акмеизма», то Бах был рационалистическим зодчим музыки: «Как убедительна музыка Баха! Какая мощь доказательства!» — если же верить стихотворению, то главным был не расчет, а ликование: «Высокий спорщик, неужели, играя внукам свой хорал, опору звукам в самом деле ты в доказательстве искал?» А «Ода Бетховену» вся — апофеоз прямо названного Диониса и его огненного вдохновения, и вся построена на реминисценциях из статьи заклятого символиста Вяч. Иванова «Ницше и Дионис». Это опять-таки потому, что культура для Мандельштама (не унаследованная, а избранная) — это свобода, свобода — это «подражание Христу», «радостное богообщение», «жмурки и прятки духа», а такой свободе Дионис не страшен и не враждебен («Скрябин и христианство»). Это диалектический противовес рационализму акмеистического «мастерства», и это не дает поэзии Мандельштама стать холодной и мраморной, какой она казалась поверхностным критикам. («Мраморная муха» — дразнили Мандельштама футуристы).

В «Утре акмеизма» Мандельштам прославлял слово как строительный материал поэзии — его вещественность и его осмысленность⁹. Футуристы только что выкинули лозунг «слово как таковое» — чистый звук, освобожденный от смысла. Мандельштам его подхватывает, но пересмысливает: нет, только звук, нагруженный смыслом. Футуристы стремились через звуки слова к основам природы; Мандельштам через смысл слова — к основам культуры. Когда фонетика (и только фонетика) — «служанка серафима», например, когда вдохновенно читаются стихи на непонятном языке, то читающий кажется безумцем («Мы напряженного молчанья не выносим...»). Но утверждая в слове логос и логику, закон тождества, «А есть А» (а не что-то высшее), эту логику Мандельштам понимает скорее по-дионисийски, чем по-аполлоновски: «Логика есть царство неожиданности. Мыслить логически значит непрерывно удивляться». Именно такую логику он через двадцать лет припишет Данте, а в его лице — самому себе.

Такой парадоксализм позволяет Мандельштаму сразу расширить круг своей поэтической тематики. После строгого еди-

нообразия и однотонности ранних стихов «Камень» кажется очень пестр. Все сущее достойно стиха самим фактом своего существования: в стихи попадают «Спорт», «Футбол», «Кинематограф», «Американ-бар», «Теннис», наивная американка, потерянная камей, лютеранские похороны, прочитанная книга, пригородный быт. Чтобы они приобрели художественный смысл, поэту достаточно ввести в бытовые картинки то мимоходное высокое сравнение (теннисист — «как аттический солдат, в своего врага влюбленный», футболист над мячом — как Юдифь над головой Олоферна, дворник зевает, как овидиевский скиф, базарная площадь — «торговли скиния святая»), то лубочную гиперболу («Царское Село», «Кинематограф»), то просто серьезный и возвышенный тон («Морожено!..», «Американ-бар», «Египтянин», «Аббат» в двух его вариантах). У непривычного читателя это вызывало прежде всего улыбку — это позволяло Мандельштаму печатать иные стихи в «Новом Сатириконе» и других журналах для легкого чтения. Но когда изящные «Летние стансы» кончаются «...самоубийца молодой», это звучит уже зловеще; «Дворцовую площадь» за «...желчь двуглавого орла» запрещает военная цензура; а «Лютеранин» с его тютчевским подтекстом приобретает такую глубину, что в первом «Камне» он вместе с «Айя-Софией» и «Notre-Dame» замыкает книгу как бы триптихом о трех христианских верах.

Только одной темы нет в «Камне» — личной: «я забыл ненужное “я”». Из любовных стихов Мандельштама, ранних и робких, в книгу не попало почти ничего: слово «любовь» встречается в «Камне» один лишь раз, и то в стихотворении об «имябожцах-мужиках»: афонские еретики-имябожцы верили, что имя Христово есть сам Христос (и Мандельштаму с его культом слова это было очень близко)¹⁰, в любви же, наоборот, «безымянную мы губим вместе с именем любовь». Цель Мандельштама не в том, чтобы пропустить мир через свои чувства, — цель его в том, чтобы найти своим чувствам место в мире, в большом и едином мире культуры. Вписаться в культурную преемственность, в историческую память — остается его главной заботой. (Личная память может этому только помешать: потом он об этом с ужасом напишет: «Не говори никому, все, что ты видел, забудь, — птицу, старуху, тюрьму или еще что-нибудь...»). Писать для самого себя — безумие, обращаться к ближним — пошлость (го-

ворит он в статье «О собеседнике»); писать нужно для неизвестного дальнего читателя, какого пошлет судьба, и самому нужно быть таким дальним адресатом поэтов прошлого. Об этом — его стихи «Я не слышал рассказов Оссиана...»:

...Я получил блаженное наследство —
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет;
И снова скальд чужую песню сложит
И, как свою, ее произнесет.

И когда он хочет похвалить стихи Кузмина, он пишет: они «не только запоминаются отлично, но как бы напоминаются (впечатление припоминания при первом же чтении), выплывая из забвения (классицизм)». Классицизм здесь — поэтика вечного в противоположность поэтике личного.

Конечно, такое чувство «вечного возвращения» (ницшеанское понятие, популярное в начале века) в применении к культуре было сильным стимулом для дальнейшей разработки поэтики реминисценций. Слово, освободившись от необходимости намекать на небесные прообразы поэзии, как бы отдает свои ассоциативные способности земным ее прообразам. О том, как много значит для стихотворения «Люттеранин» его тютчевский подтекст, уже было сказано. В стихотворении «Адмиралтейство» уже само заглавие отсылает читателя и к началу XIX в., когда было выстроено это здание, и к Пушкину, и к Петру; но мало этого: когда адмиралтейская игла названа «мачта-недотрога», то это напоминает пушкинский «памятник нерукотворный»; «ладья воздушная» — лермонтовский «воздушный корабль»; «томится пыльный тополь» в первой строке точь-в-точь, как лермонтовская сосна о дальней пальме; а «циферблат» в его ветвях, наконец, отсылает к собственному мандельштамовскому «Нет, не луна, а светлый циферблат...», этому противопоставлению расчета мечте. Стихотворение «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» — отклик не только на перечень кораблей во II книге «Илиады», но и на фразу чтимого И. Анненского: «и каталог кораблей был настоящей поэзией, пока он внушал». Стихотворение «О временах простых и грубых...» кончается тем, как, «мешая в песнях Рим и снег, Овидий пел арбу воловью в походе варварских телег» — здесь имеется в виду строка из «Скорбных

элегий», III, 10, 34 «ducunt Sarmatici barbara plaustra boves», но не только по смыслу («сарматские быки везут варварские телеги»; «Рим» и «снег» были в предыдущих строках), а и по звуку: слово *barbaga* подсказывает поэту слово «арба» и этим рождает противопоставление привычной южной повозки чужим и громоздким северным. У Овидия такого противопоставления не было — стихотворение обогащено¹¹.

Поэтика реминисценций с ее вниманием к опорным ассоциативным точкам побуждала поэта сделать следующий шаг — к пропуску связующих звеньев между опорными образами. (Вспомним: поэтическая «логика есть царство неожиданностей»). Стихотворение «Домби и сын» представляет собой набор образов: свистящий язык, грязная Темза, дожди и слезы, контора и конторские книги, табачная мгла, «на шиллинги и пенсы счет», судебная интрига, железный закон, разорение и самоубийство. Все образы — диккенсовские, но к роману «Домби и сын» они не сводимы. Оливер Твист — персонаж из совсем другого романа; в конторе он никогда не работал; Домби-сын с клерками не общался; судебной интриги в «Домби и сыне» нет; банкрот в петле явился, скорее всего, из концовки третьего романа, «Николас Никльби»; но любвеобильная дочь опять возвращает нас к «Домби и сыну». Получается монтаж отрывков, дающий как бы синтетический образ диккенсовского мира, — все связи между ними новые. Читатель, воспринимая их на фоне заглавия «Домби и сын», ощущает все эти образные сдвиги с особенной остротой. «Домби и сын» — легкое стихотворение для «Нового сатирикона», но мы увидим, какое серьезное развитие получила эта поэтика пропущенных звеньев у Мандельштама в дальнейшем. И не только в стихах, но и в прозе, где у него почти невозможно уследить за сюжетом; и даже в обиходной речи: «Ему казалось, что звенья между высказываемыми положениями ясны собеседнику так же, как ему самому, и он их пропускал. Он оказывал собеседнику доверие, поднимая его до себя...» — вспоминал Георгий Адамович, один из младших поэтов-акмеистов.

Другой формой этой поэтики недоговоренности была фрагментарность. Если стихотворение держится не столько логической, сколько ассоциативной связью образов (как между собой, так и с их подтекстами в культурной традиции), то

число этих образов можно произвольно сокращать — воображение читателя дополнит недостающие, а концентрация и напряженность поэтического материала станет только сильнее. Уже четверостишие «Звук, осторожный и глухой...», открывающее «Камень», выглядит фрагментом — подлежащим без сказуемого¹². От стихотворения «Когда удар с ударами...» Мандельштам отбрасывает конец, от стихотворения «Слух чуткий парус натягает...» — начало (то одну строфу, то две), стихотворение «Как тень внезапных облаков...» он обрывает на недоговоренном полустихии, в стихотворении «О небо, небо, ты мне будешь снится...» вообще оставляет только одну осколочную строфу из четырех. Такая фрагментарность — прием, конечно, не классицистический, а романтический; Мандельштам к нему прибегает, чтобы сделать ощутимее единство стиля, которым одним держится такое усеченное и почти обесмысленное стихотворение.

2

Последние стихотворения «Камня» писались уже в начале мировой войны. Как все, Мандельштам встретил войну восторженно (пытался даже поступить на санитарную службу), как все, разочаровался через год. Для поэзии его война означала еще одно обращение к Тютчеву — на этот раз к его риторической стихотворной публицистике. Таковы его стихи к полякам, о Реймсе и Кельне, о папской энциклике в защиту мира и др.; стихотворение «В белом раю лежит богатырь...» концентрирует мотивы официального народничества почти до неправдоподобия («серьезная пародия», по выражению С.С.Аверинцева). Союз с Антантой подкрепил в нем чаадаевские мысли о синтезе европейской и русской культуры, отсюда явились «Поговорим о Риме...» и другие римские стихи. В «Камень» из этого вошло лишь немного, а теоретическое обоснование его публицистических стихов (доклад «Несколько слов о гражданской поэзии», октябрь 1914) не сохранилось. Наиболее значительное стихотворение, порожденное войной, — это «Бессонница. Гомер...», где тема движущей любви предвещает уже новое в его манере. В 1916 г. настроения его становятся антивоенными, он пишет стихи против англо-французской интервенции в Греции («Собирались эллины войною...») и «оду миру во время войны» — «Зверинец» с его геральдической символикой, «праарийским» культурным братством и дионисийским апофеозом в конце. После

этого тютчевские ноты в его стихах ступенькаются: на смену войне приходит революция и разруха, и они требуют другого стиля¹³.

«Революция была для него огромным событием», — свидетельствует Анна Ахматова. Она оживила в нем воспоминания об увлечениях молодости, когда он дружил с эсерами и с восторгом читал М.Карповичу брюсовских «Грядущих гуннов». Падение монархии представлялось ему исторически справедливым; потом, в статье «Кровавая мистерия 9 января» он оправдывает даже гибель царя. Стихотворение лета 1917 г. «Декабрист» говорит о едином порыве России и Европы из «тенет» и о том, что называлось тогда «народная самодеятельность»: «вернее — труд и постоянство»¹⁴. Октябрьский переворот, напротив, вызвал у Мандельштама понятное негодование: стихотворение «Когда октябрьский нам готовил временщик...» героизирует гибнущий режим Керенского (который потом, в «Египетской марке», он обзовет «лимонадным правительством»), в «Кассандре», обращенной к Анне Ахматовой, он восклицает: «И в декабре семнадцатого года все потеряли мы, любя...» и пророчит погибельные скифские праздники на берегах Невы¹⁵. Стихи зимы 1917 и лета 1918 г. насыщены редким для Мандельштама обилием подтекстов из повседневной печати: «гиперборейская чума» — это слухи о наступающей с юга эпидемии, а «чудовищный корабль на страшной высоте» — о налетах немецких аэропланов на Петроград. «Гимн», подводивший итоги первого года революции, начинался словами «Прославим, братья, сумерки свободы...» — рассветные сумерки весны 1917 г., закатные — весны 1918 г. Но о том, что «все потеряли мы», здесь уже нет разговора: воля обращена в будущее, в мыслях опять «труд и постоянство»:

Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий
Скрипучий поворот руля.
Земля плывет. Мужайтесь, мужи,
Как плугом, океан деля.
Мы будем помнить и в летейской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля.

В 1918 г. Мандельштам перебирается из Петрограда в Москву, пытается служить в Наркомпросе, но служба не в его характере. Современники запомнили его схватку с известным чекистом Я.Блюмкиным, когда ему удалось (с помощью Л.Рейснер) добиться у Дзержинского отмены одного расстрела. Зимой 1919 г. открывается возможность поехать на менее

голодный юг; он уезжает сперва на полтора года (1919-1920: Харьков, Киев, Феодосия, Батум, Тифлис; в Крыму его арестовывала врангелевская контрразведка, в Батуме — местные военные власти), потом еще на год (1921-1922: Киев, Кавказ, Ростов, Харьков, Киев). Промежуточную зиму он проводит в Петрограде, в знаменитом общежитии Дома Искусств на Невском («поэты, художники, ученые, странной семьей, полупомешанные на пайках, одичалые и сонные...»); к нему впервые приходит настоящая, а не узкокружковая известность и уважение, даже Блок записывает о нем в дневнике (22 октября 1920): «“жидочек” прячется, виден артист». Первой поездке он посвятил потом очерки «Феодосия». По существу именно тогда решался для него вопрос: эмигрировать или не эмигрировать. Он не стал эмигрировать: он повидал своими глазами и красную власть и белую власть, и понял, что из двух зол народ выбрал большевиков, а не белогвардейцев. О тех, кто предпочел эмиграцию, он писал в двусмысленном стихотворении «Где ночь бросает якоря...»: «Куда летите вы? Зачем От древа жизни вы отпали? Вам чужд и страшен Вифлеем, И яслей вы не увидели...» Этим же намеком кончается стихотворение «Феодосия»: «Недалеко до Смирны и Багдада, но трудно плыть, а звезды всюду те же». Отказ от эмиграции был этическим актом, подобным чаадаевскому, — свободным выбором, верностью в несчастье; об этом он сказал в проникновенном стихотворении об Исаакиевском соборе (весной кронштадтского погрома 1921 г.), прощаясь ради него с Римом и Константинополем:

...Соборы вечные Софии и Петра,
Амбары воздуха и света,
Зернохранилища вселенского добра
И риги Нового Завета,

Не к вам влечется дух в години тяжких бед,
Сюда влачится по ступеням
Широкопасмурным несчастья волчий след,
Ему ж веки не изменим:

Зане свободен раб, преодолевший страх,
И сохранилось свыше меры
В прохладных житницах, в глубоких закромах
Зерно глубокой полной веры.

Весной 1922 г. Мандельштам возвращается с юга и поселяется в Москве. С ним молодая жена, Надежда Яковлевна Хазина из Киева: она будет подругой всей его оставшейся бедственной жизни, а после его гибели героически сохранит, смертель-

но рискуя, его стихи. «Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно» (А.Ахматова). Осенью 1922 г. в Берлине выходит маленькая книжка новых стихов «Tristia» (Мандельштам хотел назвать ее «Новый камень»), в 1923 г. она в измененном виде переиздается в Москве под заглавием «Вторая книга» (и с посвящением «Н.Х.»). Почти одновременно в последний раз переиздается «Камень: первая книга стихов». После этого ему удастся только один раз собрать свои стихи в маленьком однотомнике 1928 г., и больше стихотворных книг у него не будет.

Стихи «Тристий» резко непохожи на стихи «Камня». Это новая, вторая поэтика Мандельштама. Валерий Брюсов, любитель литературных ярлыков, даже назвал эту манеру «нео-акмеизмом», определил как «поэзию парадоксов» и, конечно, осудил. Вряд ли это определение точно: вернее было бы говорить о поэтике ассоциаций. Парадокс — это линейное несоответствие причины следствию, ассоциации же у Мандельштама многомерны. Потом он скажет: «Любое слово является пучком, смысл из него торчит в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку» («Разговор о Данте»; заметим это отгаликивание от «официальной» семантики). Направления, по которым расходится смысл слов в «Тристиях», — новые для Мандельштама. Это любовь, смерть и (как фон) античность; может быть, даже можно добавить: и вера. Мы помним: в оптимистическом «Камне» любовь отсутствовала (как нечто слишком личное), смерть лишь подразумевалась (как нечто враждебное и преодолеваемое), античность мелькала только редкими оттеняющими образами, а небо было пусто. Теперь все переменялось.

«Тристии» открывались стихотворением без заглавия о царице Федре, героине трагедий Расина и Еврипида. Федра полюбила преступной любовью своего пасынка, девственника Ипполита, была им отвергнута и убила себя, но погубила и его. Уже в этом сюжете — и любовь, и смерть, и античность. Мало того: стихотворение представляет собой диалог коротких реплик Федры (наполовину переложенных из Расина) и комментирующих строф хора (как в трагедии Еврипида) — перед нами столь важная для Мандельштама связь времен, единство культуры. Но это единство разрушено: величавый расиновский стиль Федры и нервно-античный стиль хора резко непохожи друг на друга, а параллельное стихотворение (вокруг тех же расиновских строк) прямо декларирует:

«Я не увижу знаменитой “Федры”... Я опоздал на празднество Расина... Когда бы грек увидел наши игры...» Мало и этого: в статье «Скрябин и христианство» есть загадочные слова «Федра-Россия...» — фраза обрывается, и мы можем только догадываться, что это значило для Манделштама. Мало даже этого: речь идет о кровосмесительной любви мачехи к пасынку, а кровосмешение было для Манделштама признаком замкнувшейся в себе иудейской культуры (об этом — стихи «Вернись в смесительное лоно...»), стало быть, отвергший Федру Ипполит здесь отождествлялся с ушедшим в русскую культуру самим поэтом. Все эти значения скрещиваются в центральном образе стихотворения: «черное солнце». Здесь оно символизирует гибельную страсть, в стихотворении «Эта ночь непоправима...» — иудейскую смерть («черное солнце» рядом с «желтым солнцем»), а близкое словосочетание «ночное солнце» в стихотворениях «Когда в черной ночи замирает...» и «В Петербурге мы сойдемся снова...» означает искусство — потому что театральные представления кончаются ночью и потому что они сохраняют «в черном бархате советской ночи» свет закатившейся культуры. Судя по «Скрябину и христианству», Манделштам был уверен, что образ этот восходит к Еврипиду; но это не так, у Еврипида его нет, сложился он у Манделштама из расиновских оборотов вроде «черное пламя», а подтексты его уводят к таким разнообразным источникам, как Гораций, пророк Иоиль, Нерваль, Вяч. Иванов, Апокалипсис, Валерий Брюсов и Гейне в переводе Тютчева.

Заглавное стихотворение сборника «Tristia» — «Я изучил науку расставанья...» — тоже объединяет и любовь, и смерть, и античность, но в иной, более светлой эмоциональной окраске¹⁷. Заглавие «Tristia» — из Овидия («Скорбные элегии», 1, 3, прощание с Римом перед изгнанием). Но это — ложная отсылка, главный подтекст стихотворения — не Овидий, а Тибулл, элегия 1, 3 в вольном переводе Батюшкова. Здесь — разлука с милой, ее гадание о новой встрече, мысль о смерти вдали от нее (за упоминанием о «греческом Эребе» — целая картина подземного царства у Тибулла) и мечта о неожиданном возвращении — она из-за прялки бросается ему навстречу, «власы развезаны... и ноги обнажены». Овидиевское прощание становится у Манделштама лишь подступом к этой тибулловской встрече и соответственно переосмыслиется:

слова «наука расставанья» напоминают о «науке любви», петуший крик приходит не из «Скорбных элегий», а из «Любовных элегий», и означает этот крик не утреннюю разлуку, а зарю «какой-то новой жизни»: эти (дантовские) слова «...новой жизни» завороченно повторяются в тавтологической рифме. Это — середина стихотворения, за смертной разлукой — новая жизнь; тотчас за этим следует символический образ вечного возвращения — снует челнок, вращается веретено; а затем — встреча с Делией и ключевая сентенция, в которой весь смысл стихотворения: «Все было встарь, все повторится снова, и сладок нам лишь узнаванья миг». В соответствии с этой мыслью — прекрасно лишь узнавание того, что уже было, — строится и поэтика стихотворения: оно насквозь пронизано реминисценциями. Кроме древних поэтов и Данте, Овидий напоминает в нем о южном Пушкине, гадание по воску — о «Светлане» Жуковского, «вигилии» — о Брюсове, «веретено» — о собственном раннем стихотворении Манделштама, а слова «И чту обряд...» переключаются сразу с Блоком («На островах») и Ахматовой («...И чтим обряды наших горьких встреч»). В довершение всего, в последнюю строфу вставлена запоминающаяся строчка «...Как беличья распластанная шкурка», почти дословно процитированная из Ахматовой, с которой в это время расставался поэт, переезжая в Москву («Высоко в небе облачко серело, как беличья расстеленная шкурка...», стихи о расставании), и это — ответ на такую же цитату у Ахматовой, которая вставила строчку раннего Манделштама «Я только петь и вспоминать умею» в свое недавнее стихотворение «А ты теперь тяжелый и унылый...» (тоже стихи о расставании).

Мы видим: по сравнению с «Камнем» строение образной ткани стихов Манделштама стало неизмеримо сложнее. В рассмотренных двух стихотворениях читателю легче разобраться, если он помнит, хотя бы смутно, миф о Федре и стихи Овидия и Тибулла — Батюшкова. Но когда в основе стихотворения лежит биографический эпизод, о котором читатель ничего не знает, то сплетение поэтических ассоциаций становится для него еще более загадочным.

Таково, например, стихотворение «На розвальнях, уложенных соломой...» Возникло оно, по-видимому, приблизительно так. Манделштам в это время был влюблен в Марину Цветаеву. Они познакомились в 1915 г. в Коктебеле, виделись

зимой в Петербурге, а в феврале 1916 г. он приехал в Москву, они ездили по городу, и она «дарила ему Москву»; память об этом у нее остались несколько стихотворений к нему («Ты запрокидываешь голову...» и др.). Цветаева любила отождествлять себя со своей тезкой Мариной Мнишек — Мандельштам оказывался в роли Самозванца, принявшего имя царевича Димитрия, убитого в Угличе. Цветаева вводила его в московское православие, как Мнишек вводила Лжедмитрия в римское католичество, — тема, близкая Мандельштаму по Чаадаеву. Цветаева быстро меняла свои увлечения, и Мандельштам предвидел себе скорый конец (так оно и оказалось: следующий его визит, летом 1916 г. в городок Александров, оказался неуместен и краток, о нем написано стихотворение «Не веря воскресенья чуду...»¹⁸). Отсюда вереница ассоциаций: по Москве везут то ли убитого царевича для погребения, то ли связанного самозванца на казнь; над покойником горят три свечи, а над Русью занимается пожар Смуты, рыжий, как волосы Самозванца. Три свечи — реминисценция из Цветаевой 1911 г.: «...Где-то пленнику приснились палачи, Там, в ночи, кого-то душат, где-то там Зажигаются кому-то три свечи». Три свечи ассоциируются с тремя встречами: Коктебель, Петербург, Москва, четвертой не бывать. Эти последние слова сразу напоминают старую идеологическую формулу: «Москва — третий Рим, а четвертому не бывать», и отсюда мысль переносится на тягу и вражду к Риму, общую для самозванца, Чаадаева и самого Мандельштама. Эта быстрая скачка мыслей — от свеч до Рима — вся вмещается в центральную строфу стихотворения: «Не три свечи горели, а три встречи — одну из них сам Бог благословил, четвертой не бывать, а Рим далече — и никогда он Рима не любил». Для читателя, который ничего не знает о Цветаевой и о поездках с нею по Москве, эта строфа загадочнее всего. Без нее перед нами — синтетическая картина Москвы Смутного времени, сложенная приблизительно так же, как картина Лондона в «Домби и сыне». Но три встречи — это могут быть и встречи трех Лжедмитриев с Москвой (и только одного «Бог благословил» поцарствовать), и встречи человечества с Богом (Рим, Византия, Москва, или: иудейство, католичество, православие, или: православие, католичество, протестантство), и, вероятно, многое другое. Мандельштам сознательно не дает читателю ключа в руки: чем шире расхо-

дятся смыслы из образного пучка стихотворения, тем это лучше для него.

Тему любви открыла Мандельштаму именно Цветаева. Для него это было сильным душевным потрясением, он даже советовался с Каблуковым, не спастись ли ему от «эротического безумия» переходом в православие. Он был целомудрен, влюбленности его были по большей части платоничны, а любовные стихи — немногочисленны («Легче тяжесть поднять, чем вымолвить слово: любить»). Однако когда они возникали, они по большей части сопровождались тревожной темой смерти (и никогда — темой песни). Мы видели, что в «На розвальнях...» тема смерти даже вовсе вытеснила тему любви. В стихах о любимом голосе в телефоне («Твое чудесное произношение...») являются неожиданные строки «пусть говорят: любовь крылата, — смерть окрыленное стократ», в стихах о растапливаемой вдвоем печке — «зубами мыши точат жизни тоненькое дно»; в стихах «За то, что я руки твои...» смертные мученья уподобляются гибели Трои. То же будет и в редких позднейших стихах — таких, как «Мастерица виноватых взоров...» Даже в одном из последних стихотворений Мандельштама, в удивительно светлом «К пустой земле неволью припадая...», говорится о «гробовом входе», о смерти и о воскресении.

Тема смерти пришла к Мандельштаму тоже из собственного душевного опыта: в 1916 г. умерла его мать. Стихотворение «Эта ночь непоправима...» насыщено тяжелыми религиозными мотивами: эта смерть напомнила Мандельштаму о его принадлежности к родолюбивому иудейству, от которого он так отстранялся. Другая смерть, добровольная, как этический выбор, мелькает в загадочном стихотворении «Телефон». Просветляющий вывод приносит лишь стихотворение «Сестры — тяжесть и нежность...»: жизнь и смерть — круговорот, роза рождается из земли и уходит в землю, а память о своем единичном существовании она оставляет в искусстве («двойные венки»: мы помним, как тяжесть и нежность сливались для Мандельштама в готическом искусстве).

Но гораздо чаще и тревожнее пишет Мандельштам не о смерти человека, а о смерти государства, потому что этим рвется преемственность культурного единства, которое для него важнее всего¹⁹. В «На розвальнях...» мы видели смутные сумерки допетровской Москвы. В предреволюционном «В Петрополе прозрачном мы умрем...» и пореволюционном апока-

липтическом «На страшной высоте блуждающий огонь...» умирает Петербург, названный антично-пушкинским именем Петрополь. В «Когда в теплой ночи замирает...» Москва, сменившая Петербург, тоже похожа на Геркуланум, обреченный Везувию. Стихи к «Кассандре» и об «октябрьском временщике», оплакивающие всю Россию, дополняются еще двумя, значительными своей религиозной темой. Одно — «Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...», где погибающий поэт сравнивает себя с патриархом: «...Как Тихон, ставленник последнего собора». Другое — к А.В.Карташеву, министру вероисповеданий Временного правительства: «Среди священников левитом молодым...» — адресат (и поэт) сравнивается здесь с Иосифом Аримафейским²⁰, а сумерки русского православия — с сумерками иудейства после прихода Христа; перспектива Воскресения и торжества новой веры придает мрачному стихотворению странную двусмысленность. В уже упоминавшемся «гимне» «Сумерки свободы» к речи Тихона на соборе восходит, может быть, центральный образ бремени, которое «в слезах» народный вождь берет, а к докладу Карташева — заключительный образ корабля²¹. Мы видели, что этот гимн неожиданно кончался нотой жертвенного жизнеутверждения: «десяти небес нам стоила земля». Так же неожиданно кончается и еще одно сумрачное стихотворение этих лет, о смерти уже не русской, а европейской, то есть мировой культуры: «Венецкой жизни мрачной и бесплодной для меня значение светло»: начинается оно сном и смертью, «на театре и на праздном вече умирает человек», а кончается тем, что «все проходит», в том числе и смерть, «человек родится», и в зеркале мерцает Веспер, двулика звезда, как вечерняя, так и утренняя. Так мысль о круговороте «вечного возвращения» вновь и вновь оказывается для Мандельштама последней опорой против хаоса смутного времени.

В центре этого круговорота — вневременная точка, «где время не бежит», место вожделенного покоя и равновесия. Для Мандельштама оно ассоциируется с золотым веком, греческими островами блаженных, и античные декорации его напоминают Крым, древнюю Тавриду, стык России и эллинского Средиземноморья. Во главе этих «крымско-эллинских» стихотворений стоят два. Первое — «Золотистого меда струя из бутылки текла так тягуче и долго...», начинающееся этим символом останавливающегося времени, а кончаю-

щееся широко распахнутым кадром «...Одиссей возвратился, пространством и временем полный»²². Второе — «На каменных отрогах Пиэрии...» — набор реминисценций из раннегреческих поэтов-лириков, сгруппированный вокруг центрального образа «черепахи-лиры» (в древней Греции резонаторы лир делались из черепашого панциря), и завершающийся словами:

...О, где же вы, святые острова,
Где не едят надломленного хлеба,
Где только мед, вино и молоко,
Скрипучий труд не омрачает неба
И колесо вращается легко.

У этого райского места есть две параллельные проекции. Одна — посясторонняя, две причудливые картинки южных городов, «Мне Тифлис горбатый снится...» и «Феодосия» («...Идем туда, где разные науки И ремесло — шашлык и чебуреки, Где вывеска, изображая брюки, Дает понятие нам о человеке...»), — потом из этого разовьется импрессионистическая поэтика московских стихов Мандельштама. Другая — потусторонняя, прозрачный асфodelевый луг царства теней, сперва неожиданно вещественный («Когда Психея-жизнь...», мотив из Апулея), потом болезненно-противоестественный («Я слово позабыл...»)²³, и наконец, эти два образа сливаются в один, опять-таки замкнутый круговым движением («Я в хоровод теней...»). Именно здесь, среди теней подсознания, рождаются — или не рождаются — слова поэзии, чтобы их узнавали люди: «имя — серафим», «и только слабый звук в туманной памяти остался», «я слово позабыл, что я хотел сказать», и оно, неузнанное, оборачивается то храмом, то безумицей, то слепой ласточкой: «туман, звон и зиянье». Это совсем непохоже на то слово-камень, из которого поэт по отвесу строил архитектуру своих прежних стихов. Перед нами новая поэтика.

Эта поэтика была откликом на катастрофические события войны и революции. Она сложилась у Мандельштама в развернутую программу, начинавшуюся социальной утопией и кончавшуюся музыкальной фантазией. Двадцать лет назад он входил в жизнь маргиналом, осваивающим извне мировую культуру; теперь он чувствует ее своей и напряженно думает о том, как передать ее остальному миру, который в этом нуждается больше, чем когда-нибудь. В акмеистические годы он мог со скороспелым аристократизмом презирать «свое родство и скучное соседство» («есть... рабы,

чтобы молчать, и камни, чтобы строить»), — теперь он видит, что не имеет на это права. Новая программа его — редкий случай — нашла у него теоретическое изложение в серии лирических статей 1921-1922 гг.: «Слово и культура», «О природе слова», «Гуманизм и современность», «Пшеница человеческая», «Деятельный век» и др.

Он пишет: выродившемуся рационализму XIX в. настал конец. Из войны и революции встает новая культура, огромная, нетерпимая, бесчеловечная, как египетская или ассирийская. «В отношении к этому новому веку, огромному и жестокому, мы являемся колонизаторами. Европеизировать и гуманизировать двадцатое столетие, согреть его теплом — вот задача потерпевших крушение выходцев девятнадцатого века, волею судеб заброшенных на новый исторический материк». Для этого нужны традиции не политики, а «существенной культурно-экономической жизни народов». «Благословенна экономика с ее пафосом всемирной домашности, благословен кремневый топор классовой борьбы, — все, что поглощено великой заботой об устройстве мирового хозяйства, ...всяческая тревога за вселенский очаг» ...«на потребу человеку, расширяя круг его домашней заботы до пределов всемирных». «Добро в значении этическом и добро в значении хозяйственном... — сейчас одно и то же».

Надежду на успех такой гуманистической колонизации нового мира дает то, что государство преходяще, а культура вечна. «Люди голодны. Еще голоднее государство. Но есть нечто более голодное: время. Время хочет пожрать государство... Сострадание к государству, отрицающему слово, — общественный путь и подвиг современного поэта». «Отделение культуры от государства — наиболее значительное событие нашей революции... Государство ныне проявляет к культуре то своеобразное отношение, которое лучше всего передает термин терпимость. Но в то же время намечается и органический тип новых взаимоотношений, связывающих государство с культурой наподобие того, как удельные князья были связаны с монастырями. Князья держали монастыри для СОВЕТА. Этим все сказано. Внеположность государства по отношению к культурным ценностям ставит его в полную зависимость от культуры».

Причастность к культуре в новые времена стала трудной долей. Свободно выбрав эту трудную долю, «мы обрели

внутреннюю свободу, настоящее внутреннее веселье». «Теперь всякий культурный человек — христианин», «для него и слово — плоть, и простой хлеб — веселье и тайна». «Да, старый мир — “не от мира сего”, но он жив более, чем когда-либо. Культура стала церковью».

«Как комната умирающего открыта для всех, так дверь старого мира настежь распахнута перед толпой. Внезапно все стало достоянием общим. Идите и берите...» Гуманистическая традиция простирается от трезвой практичности XVIII в. до стихийной домашности эллинизма. (Этот необычный апофеоз эллинской домашности у Манделштама — по-видимому, по впечатлению от Гомера с его любовной подробностью описаний всякого бытового действия). «Эллинизм — это печной горшок, ухват, крынка с молоком... Эллинизм — это сознательное окружение человека утварью вместо безразличных предметов... очеловечивание окружающего мира, согревание его тончайшим телеологическим теплом... В эллинистическом понимании символ есть утварь, а потому всякий предмет, втянутый в священный круг человека, может стать утварью, а следовательно и символом». Поэтому «сугубый, нарочитый символизм» излишен: в нем «восприятие деморализовано. Ничего настоящего, подлинного. Страшный контраст “соответствий”, кивающих друг на друга...» и т.д. Наоборот, акмеизм был «органической школой русской лирики», «с ним вместе в русской поэзии возродилась хозяйственная сила» и сила нравственная, учащая человека быть не гражданином, но мужем.

«Поэзия — плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозем, оказываются сверху»: старина оказывается современностью. «Революция в искусстве неизбежно приводит к классицизму», потому что классицизм — поэзия вечного. «Она воспринимается как то, что должно быть, а не как то, что уже было». «Вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему... Мы свободны от груза воспоминаний. Зато сколько редкостных предчувствий: Пушкин, Овидий, Гомер. Когда любовник в тишине путается в нежных волосах и вдруг вспоминает, что это уже было: и слова, и волосы, и петух, который прокричал за окном, кричал уже в Овидиевых тристиях, — глубокая радость повторенья охватывает его...»

Еще в акмеистическую эпоху Манделштам колебался между двумя концепция-

ми слова — технической и органической. Тогда ему ближе была техническая концепция: слово — камень. Теперь он решительно провозглашает органическую концепцию: слово — плоть, слово — душа, в нем есть своя внутренняя свобода. Особенно в русском языке: на Западе язык подчинен государственности и церковности, русскому свободному языку служение практике ли, мистике ли чуждо. Роднит людей, превращает их в культурное единство именно язык, а не организованная литература: литература — это лекция, улица, филология — это семинарий, семья, «потому что всякая семья держится на интонации и на цитате, на кавычках». (Вот она, поэтика реминисценций).

«Не требуйте от поэзии сугубой вещности, конкретности, материальности... Зачем отождествлять слово с вещью, ...с предметом, который она обозначает? Разве вещь хозяин слова? Слово — Психея. Живое слово не обозначает предметы, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело. И вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела» (характерная реминисценция из Тютчева).

А пока слово перелетает с предмета на предмет, в нем остается только звук, но звук, говорящий сознанию. «Стихотворение живо внутренним образом, тем звучащим слепком формы, который предваряет написанное стихотворение. Ни одного слова еще нет, а стихотворение уже звучит. Это звучит внутренний образ, это его осязает слух поэта». (Это к его «звону и зиянью» вызывает он слова из мира теней. «Узнавание» у Манделштама вписывается не только в концепцию «вечного возвращения», но и в концепцию платоновского «припоминания» потустороннего мира).

Слова из звуков без смысла — это глоссолалия: человек говорит на заушном, несуществующем языке — как экстатики, как дети. «Ныне происходит как бы явление глоссолалии. В священном исступлении поэты говорят на языке всех времен, всех культур... Говорящий не знает языка, на котором говорит... — и всем и ему кажется, что он говорит по-гречески или по-халдейски. Нечто совершенно обратное эрудиции. Современная поэзия при всей своей сложности и внутренней исхищенности, наивна: "Ecoutez la chanson grise..." ["Послушайте легкую песенку..." — контаминация двух строчек из Верлена]. Синтетический поэт современности пред-

ставляется мне не Верхарном, а каким-то Верленом культуры. Для него вся сложность старого мира та же пушкинская цевница. В нем поют идеи, научные системы, государственные теории так же точно, как в его предшественниках пели соловьи и розы».

Так, начав протестом против политического рационализма, оборачивающегося войнами и революциями, Манделштам приходит к апологии иррационального, органического слова и его певца — «Верлена культуры», поэта непосредственности и интуиции, одного из двух ориентиров своей молодости. И как для Чаадаева он говорил о «синтетической народности», так сейчас о «синтетической поэзии». Легко видеть, что многие из процитированных (и не процитированных) фраз Манделштама являются вариациями его собственных стихов или комментариями к ним.

Психологическая основа этих построек понятна. Революция отняла у людей все материальное. Стало быть, нужно было закрепить за собой хотя бы все нематериальное, чтобы его нельзя было отнять. Поэтому слово отделяется от предмета и превращается в самодовлеющую абсолютную ценность. Оно развеществляется, выполняется давний призыв: «И, слово, в музыку вернись». «Логос», которым гордился Манделштам-акмеист, превращается в «блаженное, бессмысленное слово»²⁴.

Семантика выветривается; современники вспоминали, как, сочинив на слух строчки «Я так боюсь рыданья Аонид — тумана, звона и зиянья», Манделштам спрашивал соседей по Дому Искусств: «а кто такие Аониды?» (Аониды — это Музы; имя это понадобилось Манделштаму потому, что стык гласных «ао» производил впечатление зияния в точном риторическом смысле термина «зияние», — но, конечно, другое, буквальное и страшное значение этого слова было здесь Манделштаму не менее важно). Реалии для него не существенны — например, что Одиссей не плывал за золотым руном, что черепаха не может лежать на спине, или что греческий стих называется не тоническим, а метрическим. У него появляются строчки из бессвязных слов, соединенных только звуками и семантической эмоцией: «Россия, Лета, Лорелея», «Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита», «Все ласточка, подружка, Антигона». Еще чаще бессвязных слов — бессвязные фразы (поэтика пропущенных звеньев): почти сплошь из бессвязных фраз состоит «Сестры — т:

жесть и нежность...» и даже «Я изучил науку расставанья...» Некоторые полюбоившиеся слова начинают повторяться с навязчивой частотой: таковы прилагательные «тяжелый», «прозрачный», «нежный», «сухой» и др.²⁵ Из них вырастают новые, нетрадиционные символы — так сказать, не субстанциональные (как «роза»), а функциональные (как «слепая ласточка»: в «Когда Психея-жизнь...» это — лишь примета мира теней, а в «Я слово позабыл...» это — символ потерянного слова). Все это сливается в возвышенной интонации, подкрепляемой композиционными оборотами пушкинских времен, тоже давно десемантизированными: «Блажен, кто...», «Прими ж...», «А ныне...», «Скажу ль...» «Классическая заушь» — удачно назвал этот стиль Мандельштама один из критиков²⁶. Действительно, в своем обращении со «словом как таковым» Мандельштам нередко сближался с футуристами, дружил с Бенедиктом Лившицем и высочайше ценил работу Велимира Хлебникова.

Замечательный образец такой поэзии «блаженного, бессмысленного слова» — стихотворение «Соломинка», написанное еще в 1916 г.²⁷ Оно обращено к красавице Саломее Андрониковой; из ее имени Мандельштам сделал ласкательное прозвище «Соломинка», и чтобы уничтожить в этом слове остатки прозаичности («солома», «пить через соломинку»), написал это стихотворение. Слово здесь десемантизируется повторением и нанизыванием созвучных слов: «солóмка», «сломалась», «смерть», «смертный», «спишь», «спальня», «спокойный», «бессонный», «омут», «комната» и наконец, «слова». Имя «Саломея» он раздваивает на «Соломинку» и «Лигейю» (героиня Эдгара По, умирающая и воскресающая в чужом теле), из этого намечается смутный сюжет: «Саломея» жалуется на смертную бессонницу, «Соломинка» действительно умирает, а «Лигейя» остается жить в поэте. Настойчивые повторения представлены как подыскивание слов: все текуче, подбираются не прилагательные к существительным, а существительные к прилагательным (струится голубой лед — струится голубая кровь), из мысли «жалостью убиты все слова (к Соломинке)» рождается мысль «убита жалостью (сама) Соломинка». После того, как слова найдены («Я научился вам, блаженные слова»), начинается вторая часть стихотворения: интонация становится твердой, строки и полустроичия перестраиваются в новом, зеркальном порядке, но

логика их следования от этого теряется еще более. Смысл настолько размыт, что первая строчка дважды печаталась с опечаткой, и это не замечалось (вместо «Когда, Соломинка, не спишь...» — «Когда... ты спишь», как будто все дальнейшее — во сне). Для звуков Мандельштам не щадит даже очень дорогое и глубокое: «соломинка» «в круглом омуте» зеркала и кровати напоминает «тростинку» («стебель») «в омуте» трех ранних стихотворений Мандельштама, одно из которых («Неумолимые слова...») изображало не что иное, как Христа на кресте.

Однако не случайно, что этот самый яркий пример второй, верленовской поэтики Мандельштама, «музыки без слов» («звучащих слепков формы»), относится к уже отступившему в прошлое 1916 г. Пока Мандельштам подводил итоги и намечал программу в статьях 1921–1922 гг., собственная его практика стала иной. Стихи 1922 г. очень непохожи на стихи 1920 г. Из четырех пунктов программы «Слова и культуры» и смежных статей — культура как советник государства, эллинистическое обживание мира, слово-Психея и классицизм — первый и последний раньше всего показали свою несостоятельность, а два других приобрели существование иной вид.

Если первые свои три года большевистское государство действительно держалось на грани гибели, то к 1922 г. оно уже утвердилось прочно и не боялось того, что Мандельштам называл пожирющим временем. Соответственно и отношение его к культуре осталось лишь «терпимостью», и терпимостью в очень строгих рамках: это было продемонстрировано высылкой интеллигентской элиты в 1922 г. То, что для государства было терпимостью, для культуры было претерпеванием. Еще в 1913 г., варьируя образ камня, Мандельштам написал строки, которые могли теперь казаться пророческими: «Россия, ты, на камне и крови, участвовать в твоей железной каре хоть тяжестью меня благослови!» Участвовать в каре — разумеется, только в качестве жертвы: образ священной соли, очищающей жертву перед заклинанием, именно в это время, как мы увидим, появляется у Мандельштама с навязчивой настойчивостью. Историческая необходимость этой кары, этой революции оставалась для него вне сомнений. В 1924 г. он ходил прощаться к гробу Ленина, которого называл когда-то «октябрьский временщик». Свое отношение к пролетариату он называл «присяга чудная четвертому сословию и клятвы круп-

ные до слез»²⁸ (и точно датировал их: «двадцатый вспоминая год»). Н.Я.Мандельштам недовольно вспоминала, что эта присяга обязывала его к примирению с советской действительностью — «но без смертной казни». (Кровопролития он не принимал ни с одной стороны: когда Л.Каннегиссер, эсер и поэт, застрелил Урицкого, Мандельштам сказал: «Кто поставил его судьей?»). Отличать высокий идеал от безобразных форм его воплощения он умел: учителем его был Андре Шенье, который одою прославил присягу третьему сословию и ямбами бичевал его вождей; Шенье привлекал его внимание еще с 1914 г. совмещением гражданственности и ностальгии по эллинскому золотому веку. Другой формулировкой его отношения к новому миру была строка: «Тянуться с нежностью бессмысленно к чужому», несмотря на «жестоких звезд соленые приказы» (кантовский императив или современная эмблема?) — в противоположность загадочным заговорщикам, стилизованным под декабристов с пуншем и араком, которые еще не знают, что «вернее — труд и постоянство».

Он по-прежнему верит, что «опара» новой жизни может взойти лишь на закваске старой культуры, но пишет об этом в стихах гораздо менее торжественно, чем в статьях: «И свое находит место черствый пасынок веков — усыхающий довесок прежде вынутых хлебов». Он не гнушается откликами в стихах на современность и даже злободневность. Еще в 1920 г. (в Феодосии, при Врангеле) он писал для публичного исполнения «Актера и рабочего»; теперь он перелагает в стихи свою статью «Пшеница человеческая» — то обличая «власть немногих» в ответ на угрозу авиационной войны («Опять войны разноголосица...»), то изображая спасение Европы для вселенского интернационала («С розовой пеной усталости у мягких губ...»). Но сложность стиля его такова, что вряд ли кто в широкой публике понял первое стихотворение, и вряд ли кто из любителей увидел во втором что-то большее, чем аллегорию, списанную с картины Серова.

Что касается классицизма, то он оказался недостаточно глубоким слоем культуры, чтобы, опираясь на него, цивилизовать «жестокый век». В «О природе слова» Мандельштаму думалось, что страницы культуры раскрылись современному читателю на Гомере, Расине, Гофмане и Шенье. Оказалось, что они раскрылись на Гомере и народном эпосе — таком, как

«Гоготур и Апшина» Важа Пшавелы или как «Песнь о Роланде» и другие старофранцузские героические поэмы. «Гоготура» Мандельштам перевел в 1921 г. по заказу Табидзе и Яшвили, отрывки из французского эпоса он безуспешно предлагал в печать в 1922 г.; и в том и в другом у него усилены черты архаической простоты и неловкой мощи. Недаром Мандельштам заявлял, что не литература, а живой язык организует общество. В поэзии важна не «тема», а «прием», потому что тема — от литературы, а прием — от языка («Буря и натиск»). В критических статьях 1922-1923 гг., говоря об «изобретении» и «воспоминании» в поэзии, он отдает предпочтение «воспоминанию», но героями его считает не неклассиков, а Хлебникова и Пастернака. Мандельштам отстраняется даже от ближайших ему лиц: стихи Ахматовой — это «паркетное столпничество», а стихи Цветаевой — «богородичное рукоделие». Молодому поэту он пишет: «Ощущенье времени меняется. Акмеизм 1923 г. — не тот, что в 1913 году. Вернее, акмеизма нет совсем. Он хотел быть лишь «совестью» поэзии. Он суд над поэзией, а не сама поэзия», — рациональное мастерство заменяется иррациональной совестью. На иррациональности Мандельштам настаивает: только «естественная иррациональная поэзия» дает накопление и приращение энергии в культуре («Литературная Москва»).

Все иррациональнее он становится даже в собственной работе над стихом: не подчиняет слово, а подчиняется слову. Начиная стихи о сеновале и комариной песенке, связующей человека с древним хаосом (тютчевский образ), он как будто сам не знает, хочет он соединить или разъединить «связь крови» со «звоном трав», примеривает и то и другое и получает два стихотворения с противоположно направленными концовками («Я не знаю, с каких пор...» и «Я по лесенке приставной...»)²⁹. Такая работа наощупь у поэтов не редкость; редкость то, что оба стихотворения он печатает подряд, не смущаясь их смысловой разнонаправленностью. Впоследствии такие «двойчатки» и «тройчатки» станут у Мандельштама обычными.

Прощанием с классицизмом становится для него стихотворение «Концерт на вокзале» 1921 (1922?) года — о тех концертах детских лет в Павловске, которые он поминает в «Шуме времени». Здесь сталкиваются культура и современность, «же-

лезный мир» и завораживающее «пенье Аонид»: но победа не совершается, с одной стороны — «скрипичный строй в смятении и слезах», с другой — «железный мир так нищенски дрожит»; и «запах роз в гниющих парниках» ничуть не лучше, чем червивый небосвод (образ из стихов Д. Бурлюка). В «пенье Аонид» слово вернулось в музыку, как призывал он когда-то в «Silentium», но гармонии из этого не произошло. Воспоминания начала века невозродимы, стихотворение кончается реминисценцией из Тютчева: «на тризне милой тени в последний раз нам музыка звучит» — в тютчевском «Лютеранине», так много значившем для Мандельштама, говорилось: «в последний раз вам вера предстоит и «в последний раз вы молитесь теперь». Это прощание словами Тютчева с музыкой Верлена.

«Классическая заумь» перестает быть классической. На смену словам изящным и античным приходят слова основоположные, простые и тяжелые: соль, совесть, холст, правда, земля, вода, беда, смерть. Это из стихотворения конца 1921 г. «Умывался ночью на дворе...», написанного после вести о расстреле Гумилева; в рифмующей строчке — «звездный луч, как соль на топоре»³⁰. В следующем стихотворении появляются «немного теплого куриного помета и бестолокового овечьего тепла», «глиняная кринка», «теплота суглинка» и т.д. «Глиняная кринка» здесь — из того домашнего эллинизма, о котором Мандельштам писал в статьях, но «соль» с ее многозначительной символикой пришла из другой, иудейской культуры, — от Числ. 18, 19, до Марк. 9, 49 («ибо всякий огнем осолится, и всякая жертва кровью осолится»): соль и совесть становятся соседями. Музыка стиха, которой держались интонации «Тристий», исчезает из новых произведений Мандельштама. Рифмы его становятся нарочито небрежными (вызывая попреки Брюсова), а наряду с привычными классическими размерами появляются и угловатый ритм стихов о Европе, и свободный стих «Нашедшего подкову», и хаотические эксперименты в переводах со старофранцузского.

Три произведения подводят итог этому революционному периоду творчества Мандельштама — три и еще одно. Прологом служит маленькое стихотворение «Век»: «Век мой, зверь мой, кто сумеет заглянуть в твои зрачки и своею кровью склеит двух столетий позвонки?...» Веку перебили спинной хребет, связь времен прервана, и это грозит гибелью не только старому веку,

но и новорожденному: «снова в жертву, как ягненка, темя жизни принесли». Вернуть ему жизнь может только искусство — «узловатых дней колена нужно флейтой связать», привести его к «мере века золотой» — человеку. В подтексте здесь и «Флейта-позвоночник» Маяковского, и Орфей, просветитель человечества, теряющий Евридику от укуса гадюки³¹.

Большая элегия «1 января 1924» тоже начинается образом умирающего века с глиняным ртом, который просит у измученного сына спасительного «потерянного слова»³². («Глиняный рот» — от символического истукана в книге Даниила, 2, 31 и у Данте; для Мандельштама это образ «голодного государства» XX в., которое заслуживает жалости). Сын века, поэт, сам умирает с веком и уже чувствует «известь в крови» (в «Тристиях» это называлось «сухая кровь»). Он пускается в болезненный поиск: «с известью в крови для племени чужого ночные травы собирать». Путь его — по ночной современной Москве, мимо малинового света аптек («аптечная малина», нынешний аналог целебных «ночных трав»). Вокруг — шум тракторов и канцелярский стук пишущих машинок. «Случайная сытость» нэпа заставляла Мандельштама вспоминать «суровую и прекрасную зиму» 1920 г. (очерк «Шуба»), канцелярский стук означал хищный «щучий суд» голодного государства. И все же эту современность нужно не отвергать, а принимать: «пишущих машин простая сонатина — лишь тень сонат могучих тех», которые в революционные годы звучали «присягой чудною четвертому сословью». Возникает причудливый символ: косточка-клавиш ундервуда — это «щучья косточка», талисман, часть, спасающая от целого, от бесчеловечности нового века, гибельной для него самого. Если найти ее — то «известковый слой в крови больного сына растает, и блаженный брызнет смех». Мы видим: стихотворение построено связано, даже сюжетно, но символические образы, сцепляющиеся в сюжет, выглядят настолько странно, что смысл почти ускользает от читателя.

В «Нашедшем подкову», самом длинном стихотворении раннего Мандельштама, наоборот, каждый образ представлен естественно, зримо и выпукло, но связь между ними затушевана до предела: это знакомая нам поэтика разорванных звеньев³³. Она мотивирована подзаголовком «пиндарический отрывок»: к Пиндару, возвышенно-безудержному греческому лирику V в. до н.э., восходит и отрывистая композиция,

и свободный стих, и формула «С чего начать?..», и центральный образ мчащегося и рухнувшего коня, память о котором — подкова. Девять строф стихотворения связаны вечной темой Мандельштама — преемственность и разрыв. В стволах леса мы видим будущие корабли, в кораблях — бывший лес. Песню спасает от забвения имя прославляемого адресата, но у нынешней песни адресат — лишь грядущий, дальний и неведомый (вспомним давнюю статью «О собеседнике»). Стихии слились в хаос «воздух — вода — земля», он вспахивается поэзией (вспомним статью «Слово и культура»), но слишком часто, чтобы из него что-то могло взойти. Золотая эра прошлого отзвонела, вместо голоса остались лишь очертания губ, которым больше нечего сказать. Так от бега коня остается подкова: она приносит счастье, но сама уже ничто. Так и я, поэт, — лишь след прошлого, и меня уже нет: я — как старинная монета, которой можно любоваться, но на которую ничего нельзя купить. В «1 января 1924» поэт смотрел с надеждой в будущее — здесь он видит себя только в прошлом. Образ рухнувшего коня становится символом старой России (через «Медного всадника» и державинскую «Колесницу»); строка о разрыве времени «Дети играют в бабки позвонками умерших животных» уводит не только к собственному «веку» и к последнему царевичу-рюриковичу в Угличе, но и к Гамлету и к Гераклиту; а загадочное имя Нееры в центральной строфе (пришедшее из античности через Шенье и Мореаса) заново осмысливается как «новая эра».

Если прошлое с будущим можно связать только поэзией, то какую должна быть эта поэзия? На это Мандельштам отвечает самым сложным из своих итоговых стихотворений — «Грифельной одой»³⁴. В 1816 г. умирающий Державин начертил на своей грифельной доске последние свои строки о бренности всего земного: «Река времен в своем стремленьи Уносит все дела людей И топит в пропасти забвенья Народы, царства и царей...» Мандельштам выходит на спор против этого: нет, время не только рушит, а и творит — хотя бы вот эти державинские стихи. Исходным образом для него становится известный портрет Державина: в меховой шапке он сидит в позе патриарха под огромной скалой в ущелье, видимо, проточенной водой. Мандельштам называет этот горный кремень «учеником воды проточной» и пишет, как «под теплой шапкою овечьей» в горных недрах созревает черновик крем-

невой поэзии. Бушующий день разрушителен («голодная вода» реки времен и — знакомый символ — «в бабки нежная игра»); но бушующая ночь восстанавливает стихийную память («твои ли, память, голоса неистовствуют, ночь ломая?») — и в творческом напряжении рождается равновесие, «кремня и воздуха язык, с прослойкой тьмы, с прослойкой света». Так сочетаются день и ночь, твердый кремень и аспидный сланец, символ порыва — подкова и символ вечного возвращения — перстень. Поэзия одолевает время, когда корни ее не в культуре, а в природе. Эта и без того сложная картина дополнительно зашифровывается. Удаляются намеки на Державина («патриарх» со сланцевой дощечкой остается лишь в черновиках), вместо них вводится в зачине ложная отсылка к Лермонтову («кремнистый путь...»). Перифразы усложняются до вычурности: о реке, отражающей деревья, говорится: «изнанка образов зеленых»; о том, что в горных недрах пение стихий превращается в связный язык: «обратно в крепь родник журчит цепочкой, пеночкой и речью» (в «пеночке» здесь — и птица, и пение, и та пена музыки, из которой в «Silentium» рождалась Афродита). Шероховатая затемненность отпугивала от этого глубокого произведения даже опытных ценителей: «тускляя мозаика из колючежестких, как рыба чешуя, слов», — писал Георгий Иванов, друживший когда-то с Мандельштамом в его акмеистические годы.

Сведя этот расчет с временем, Мандельштам замолкает: после «1 января 1924» — за два года четыре стихотворения, а потом пятилетнее молчание. Он переходит на прозу: в 1925 г. появляются воспоминания «Шум времени» и «Феодосия» (тоже сведение счетов с временем), в 1928 г. — повесть «Египетская марка» («наша жизнь — это повесть без фабулы и героя, сделанная из пустоты и стекла, из горячего лепета одних отступлений, из петербургского инфлуэнзного бреда...»). Стиль этой прозы продолжает стиль стихов: такая же краткость, такая же предельная образная нагрузка каждого слова — метафоры в крупных образах, метонимии в мелких, — такая же отрывистость пропущенных звеньев, такой же монтаж фрагментов, как в «Домби и сыне» или в «Нашедшем подкову», такое же «остранение», как в бытовых стихах «Камня» («формальная школа» в поэтике, выдуманная этот термин, была близка Мандельштаму³⁵. Такова же и жадная обращен-

ность к культурной традиции («каждую пташу он должен положить обратно в культурное гнездо, из которого она выпала»³⁶), таково же и болезненное столкновение большого и грозного с маленьким и хрупким — во всем, от сюжета до метафор. Герой повести Парнок, маленький человек, потомок Башмачкина и Голядкина, несет явные автопортретные черты, от походки до музыкальных вкусов: это как бы сам Мандельштам, из которого вынута только самое главное — творчество; и повесть разрывается восклицанием: «Господи! Не сделай меня похожим на Парнока! Дай мне силы отличить себя от него!»

3

С 1924 г. Мандельштам живет в Ленинграде и Детском Селе, с 1928 г. в Москве. На жизнь приходится зарабатывать переводами: 19 книг за 6 лет, не считая редактур. Пытаясь спастись от этой обесиливающей работы, он уходит работать в газету «Московский комсомолец», но это оказывается еще тяжелее. Внешне ему живется не хуже, чем многим: его поддерживает Н.И. Бухарин, в 1928 г. ему удается напечатать целых три книжки («Стихотворения», «Египетская марка» и «О поэзии»). Но внутренне его все больше мучит душевный разлад. В новый мир он не вписывается и ощущает себя в нем таким же маргиналом, каким он был когда-то на первых жизненных шагах (о которых вспоминал в «Шуме времени»). Тогда он искал самоутверждения через приобщение к мировой культуре и находил его в литературных кружках. Теперь он ищет самоутверждения, стараясь поделить миром культуру с новым обществом, и делает это вполне искренне. Он сам новый человек в культуре и сочувствует тем массам новых людей, которым доступ к ней открыла революция. Он отстаивает интересы рабочих и молодежных читателей («О переводах»), ищет в литературе «героическую ласку к человеку толпы» («Жюль Ромэн»). Себя он ценит именно как работника на этом фронте (как тогда говорили) и не желает донанивать свою старую и узкую известность («фигурять Мандельштамом», как он пишет жене). В 1928 г., отвечая на анкету, он пишет: «Октябрьская революция не могла не повлиять на мою работу, так как отняла у меня “биографию”, ощущение личной значимости. Я благодарен ей за то, что она раз навсегда положила конец духовной обеспеченности и существованию на культу-

турную ренту. Подобно многим другим, чувствую себя должником революции, но приношу ей дары, в которых она не нуждается». Литература уже была частью политики, и культурные ценности определялись централизованно. Отказавшись от «личной значимости» по старым критериям и лишаемый «личной значимости» по новым критериям, Мандельштам оказывался в кричащем одиночестве: все больше чувствовал себя человеком, «который потерял себя» («1 января 1924»). Отсюда нервные срывы, отсюда бурные скандалы; его начинали травить, и он мучительно раздувал каждую свою обиду. «Задиристый», «хорохорящийся» — все чаще рисуют его современники; «ярость ветхозаветного пророка» вспоминает в нем Ахматова. Первый из таких скандалов оказался толчком к возобновлению и новой мощной волне поэтического творчества; второй — косвенным поводом к аресту, ссылке и в конечном счете гибели.

В 1928 г. произошло издательское недоразумение: вышла книга, отредактированная Мандельштамом, где он по ошибке был назван не редактором, а переводчиком. Мандельштам принес извинения, но через полгода «Литературная газета» прямо обвинила его в плагиате, халтуре и эксплуатации чужого труда. Завязалась жесткая полемика, дело перешло в конфликтную комиссию, Мандельштама допрашивали о его прошлом, особенно о белом Крыме («мы знаем все про... других — должны и про вас все знать»). Обвинение было признано безосновательным, но «морально ответственным» за случившееся был объявлен Мандельштам. Возбешенный, он ответил письмом в Федерацию объединений советских писателей: «...я запрещаю себе отныне быть писателем, потому что я морально ответствен за то, что делаете вы». Из этого письма в 1930 г. выросла «Четвертая проза», яростный памфлет, в котором скрестились впечатления от литературной травли и от «Московского комсомольца». «Мы... правим свою китайщину, зашифровывая в живоотно-трусливые формулы великое, могучее, запретное понятие класса...» «Литература везде и всюду выполняет одно назначение: помогает начальникам держать в повиновении солдат и помогает судьям чинить расправу над обреченными...» «Все произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые — это мразь, вторые — ворованный воздух. Писателям, которые пишут заведомо разрешенные вещи, я хочу

плевать в лицо...» и т.д. Н.И.Бухарин выхлопотал ему командировку на Кавказ — в Армению и Тифлис. Здесь в октябре 1930 г. он снова начинает писать стихи. Два побуждения были этому причиной. Во-первых — душевный опыт разрыва с официальной литературой: перестав быть писателем, он вновь стал поэтом. Во-вторых, впечатления от древней горной страны на стыке Запада и Востока, которая по памяти была аванпостом эллинского христианства, а по виду «младшей сестрой земли иудейской». Мандельштам нашел здесь ту культуру, вырастающую не из книги, а из кремней, которую он искал еще в «Грифельной оде».

«Разрыв — богатство. Надо его сохранить. Не расплескать...» — писал Мандельштам жене. Разрыв с литературой был этическим выбором, который оплодотворял поэзию. «Ты в каком времени хочешь жить? — Я хочу жить в повелительном причастии будущего, в залоге страдательном: в “долженствующем быть”» — начинается одна из глав «Путешествия в Армению». Волевой порыв притягивает его внимание во всех областях. Он увлекается биологией Ламарка, потому что в ней организм откликается на среду усилием воли, а не простым выживанием или вымиранием: растение — «это событие, происшествие, стрела, а не скучное бордатовое развитие». Он переносит эмбриологическую концепцию силового поля на заветно близкое ему ощущение культурной памяти: «ведь процесс узнавания, увенчанный победой усилия памяти, удивительно схож с феноменом роста». Он пишет большой «Разговор о Данте», настаивая: стихи — это не форма, а формообразование, и не формообразование, а порывообразование.

Этот разрыв был так важен для Мандельштама, потому что он порывал с самым дорогим, что у него было: не с государством, а с культурой. Та культура, к которой он стремился, которой служил всю жизнь, оказалась присвоена государством: в этом его убедили годы переводческой работы. Писавший о филологической домашности культуры, теперь он пишет: «Чем была матушка-филология и чем стала? Была вся кровь, вся нетерпимость, а стала пся-кровь, стала все-терпимость...» («Четвертая проза»). В стихотворении о Ламарке он называет жизнь на земле «выморочной», не имеющей наследников; такова же для него и культура в обществе³⁷. Разрывая с культурной традицией, он как бы берет на себя создание

новой культуры, от нуля, из кремня, не опирающейся ни на Тютчева, ни на Верлена. Это будет третья его поэтика.

Внешним знаком этой культурной переориентировки стала перемена в отношении Мандельштама к иудейству³⁸. Раньше оно претило ему замкнутостью, отторгнутостью от мирового единства, — теперь, когда он сам противопоставляет себя официальным наследникам мировой культуры, именно это в иудействе и становится для него привлекательным. «Я настаиваю на том, что писательство в том виде, как оно сложилось в Европе и особенно в России, несовместимо с почетным званием иудея, которым я горжусь. Моя кровь, отягощенная наследством овцеводов, патриархов и царей, бунтует против вороватой цыганщины писательского отродья» («Четвертая проза»). В стихотворении «Канцона», рисуя геологический рай первородной культуры (на который смотрит Зевс-краснодеревец в цейсовский бинокль царя Давида — мимоходный образ синтеза культур), он видит над ней «начальника евреев» и хочет там сказать «села» («аминь») в конце своей судьбы. Речь здесь, как всегда, о культуре, а не о религии или расе (хотя в подтексте здесь присутствуют, конечно, и сионизм и Озет): араатское небо «выдуманно в духе древнейшего атеизма», и Библия для Данте не святяня, а «предмет, обыгрываемый при помощи горячего репортажа и страстного экспериментирования».

Разрыв с официальной культурой не означал для Мандельштама разрыва с временем, он означал разорванность времени. Не он один, а все современники потеряли общность: «Мы живем, под собою не чуя страны, наши речи на десять шагов не слышны», — будет сказано в эпиграмме на Сталина. Все несут за это общую вину: «Я и сам ведь такой же, кума», — говорит герой Мандельштама, против воли принимаемая людоедское угощение от шестипалой Неправды (шестипалость — тоже намек на Сталина). Избранная им роль отщепенца — не уникальна: такими же изгоями были разночинцы середины прошлого века, начиная со «старейшего комсомольца, Акакия Акакиевича» (и таким же разночинцем в своем веке был Данте, утверждает Мандельштам). Он чувствует себя их наследником и говорит с ними «мы»: «Чур, не просить, не жаловаться! Цыц! Не хныкать — для того ли разночинцы рассохлые топтали сапоги, чтоб я теперь их предал? Мы умрем, как пехотинцы, но не прославим ни хищи, ни поденщины,

ни лжи» (в подтексте здесь — свое собственное «Прославим, братья, сумерки свободы...»).

Выпаив из одной традиции, хозяев культуры, Мандельштам попадает в другую традицию, хранителей чести и совести. Он вынужден объясниться, и делает это в двух программных стихотворениях, очень ясным и очень темном. Первое — «С миром державным я был лишь ребячески связан...» Поначалу это — почти парафраз «Шума времени»: «Я не буржуа, я маргинал старого мира: принадлежать его культуре — не значит принадлежать его привилегированному классу». Но последняя строфа (над которой Мандельштам долго колебался) переосмысливает сказанное. В ней вспоминается теннисоновская «лэди Годива» на детской картинке — чтобы избавить свой народ от невыносимой подати, она по уговору проехала нагая через целый город: вот так и поэт отдает себя в жертву за людей, к которым он не принадлежит. Второе стихотворение³⁹:

Сохрани мою речь навсегда
 за привкус несчастья и дыма,
 За смолу кругового терпенья,
 за совестный деготь труда.
 Как вода в новгородских колодцах
 должна быть черна и сладима,
 Чтобы в ней к Рождеству отразилась
 семью плавниками звезда.

И за это, отец мой, мой друг
 и помощник мой грубый,
 Я — непризнанный брат,
 отщепенец в народной семье, —
 Обещаю построить такие дремучие срубы,
 Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.

Лишь бы только любили меня
 эти мерзлые плахи —
 Как прицелясь на смерть
 городки зашибают в саду, —
 Я за это всю жизнь прохожу
 хоть в железной рубахе
 И для казни петровской в лесу топорище найду.

Обращено стихотворение, вероятнее всего, к русскому языку. Сквозной образ стихотворения — колодезные срубы: в первой строфе на дне их светится звезда совести (образ из Бодлера), во второй расовые враги топят в них классовых врагов, в третьей они похожи на сложенные городки, по которым бьют. Это значит: если в предыдущем стихотворении поэт жертвовал себя за класс, которому он чужой, то в этом он принимает на себя смертные грехи народа, которому он чужой. Кончается оно двусмысленно: поэт обещает найти топорище (не обух!) то ли

на казнь врагу, то ли самому себе. Мы видим, что отношение поэта к отвергнутому современному миру сложнее, чем кажется с первого взгляда.

То же относится даже к такому знаменитому стихотворению, как «За гремучую доблесть грядущих веков...», где старый век — волк, новый — волкодав, и герой как бы говорит веку-волкодаву: «ради общего будущего я лишился и прошлого и настоящего, однако я не волк старого века, и меня не убить». Дело в том, что эти слова принадлежат «чужому голосу». Осознанный ритмический подтекст стихотворения — Надсон («Пусть неправда и зло полновластно царят...»); в черновиках оно было вложено в уста то ли вождю революции, то ли его антагонисту и перебивалось другим голосом, «Я — трамвайная вишенка страшной поры и не знаю, зачем я живу...» (потом второй голос выделился в самостоятельное стихотворение); а последняя строчка в нем четыре года звучала «...и неправдой искривлен мой рот» — шестипалой надсоновской неправдой. Это было бы неважно, если бы сам Мандельштам не настаивал на том, что в тексте сохраняется «энергетика» черновиков — их лавирование между противоположными направлениями мысли («Разговор о Данте»). Революционный фон многоголосья опирается здесь на поэму Хлебникова «Настоящее», образ волкодава пришел из 1 песни Данте, а слова «шапку в рукав» — спор с Пастернаком, у которого упоминается «рифма — ...гардеробный номерок» как бы не для участника, а для постороннего зрителя истории. Техника реминисценций и подтекстов в новой поэтике Мандельштама ничуть не менее искусна и сложна, чем в старой.

Стихи о веке-волкодаве — это как бы отпор собственному стихотворению «Век»: в «Веке» новый век был нежным жертвенным ягненок, теперь он стал хищным волкодавом. Такой спор со своим же прошлым звучит у Мандельштама на каждом шагу. Акмеистическая вещьность комфортного мира превращается в иронический каталог «Я пью за военные астры, за все, чем корили меня...»⁴⁰. Вместо «Нет, никогда ничей я не был современник...» (и далее — аллегорические образы) он пишет: «Пора вам знать, я тоже современник, я человек эпохи Москвошвея — ...попробуйте меня от века оторвать!» Камень в первой книге был мертвой твердостью и тяжестью — теперь это сгусток динамики, «импрессионистический дневник погоды, накопленный миллионами

лихолетий». А на смену бесплотной музыкальности «Тристий» приходят вещественные, ощутимые, часто грубые образы, наметившиеся еще в стихах про соль и совесть, холст и правду. Вместо «слово» он говорит теперь «губы» или «рот», вместо «туман и тишина» — «земля и глина», вместо «человек» — «люди» и «страна»; вместо «блаженный» — «хороший», вместо «тяжелый» и «прозрачный» — «жирный» и «кривой». Являются научные слова и понятия, обычно из геологии и биологии («Вас, держатели могучих акций гнейса...», «Иль ящерицы теменной глазок»). Целое стихотворение «Канцона» посвящено остроте зрения («покуда глаз — хрусталик кравчей птицы»), а другое, «Нет, не мигрень...» — всем пяти чувствам: «мокрая шепоть», «мягкая копоть», «сиреневый пожар», «рыжая земля», «пахнет... смолою да... ворвань», «свист разрываемой марли да рокот гитары карболовой». Как бы программой эта новая чувственность выплескивается в прозе на последней странице «Путешествия в Армению», где пленному царю в темнице перед смертью дают в дар один день, «полный слышания, вкуса и обоняния». Вместо общечеловеческого — человеческое, вместо абстрактного — конкретное, вместо духовного — телесное, — так определяет новую образность Мандельштама современный исследователь⁴¹. А носителем этого ощущения и осмысления мира становится четко выраженное авторское «я». Само местоимение «я» выступает в московских стихах вдвое чаще, чем когда-то в «Камне». Притом в «Камне» это «я» — стороннее и зрительское («рассеянный прохожий...»), в «Тристиях» — условное и робкое, с начала 1920-х гг. оно приобретает внутреннюю отчетливость и глубину, а в московских стихах получает адрес, окружение и биографию. Только такое «я» может активно противостоять действительности.

Через это «я» в новых стихах распаивается расширяющийся мир с очень четкой структурой. Стихи начались с цикла «Армения» — и она остается в них стойкой точкой отсчета. Армения — вечная: ей противопоставляется Ленинград как прошлое («Петербург! я еще не хочу умирать...») и Москва как настоящее (белые стихи 1931 г., постепенно переходящие от «буддийской» застойности к молодежной стремительности)⁴². За ними — огромная русская культура, милая домашностью и страшная стихийностью: «Стихи о русской поэзии», легко и сложно варьирующие сон онегинской Татьяны. Русской поэзии про-

тивопоставляются немецкая и итальянская⁴³. Немецкая — «родная», потому что выходцами из Германии были предки Мандельштама и потому что центральный образ стихов «К немецкой речи», бог-Нахтигаль — образ жертвенный, это соловей, свою кровью примиряющий всех птиц в ироническом стихотворении Гейне⁴⁴. Итальянская — «чужая», потому что нововыученный язык непривычен губам и небу «мыслящего рта» («Не искушай чужих наречий...»): в новом мире Мандельштама культура стала вещественной и труднее образует единство. Тем не менее, Мандельштам продолжает мечтать о синтезе культур «в одно широкое и братское лазорье» (но ироничен к официальному интернационалу, в котором в это же время «меня на турецкий язык японец какой переводит»). Синтез этот дается трудно: четыре стихотворения Петрарки, вошедшие в «Новые стихи», — это перевод не только с языка на язык, но и со стиля на стиль, с бесплотного — на вещественный. Таково разворачивание мандельштамовского мира вширь; глубину же ему придает цикл философских «Восьмистиший», отколовшихся от разных стихотворений. Их сквозная тема — творческое познание действительности, а их сгущенный метафорический язык до сих пор удовлетворительно не расшифрован.

Все эти черты новой поэтики Мандельштама складываются в две основные установки: культ творческого порыва и культ метафорического шифра. Обе они биографически обусловлены. Мандельштам стал поэтом непечатающимся, он пишет только для себя, ощущает себя наедине с языком, а не с собеседником. (Редкие публикации его продолжали появляться, но это были исключения из правила. Молодому поэту, попробовавшему пожаловаться, что его не хотят печатать, Мандельштам кричал вслед: «А Андрея Шенье печатали?.. А Иисуса Христа печатали?»). Он пишет много, как будто ведет стихотворный дневник, хотя и с большими перерывами. Он пишет связно: надиктованные им строфы размножаются метафорическими ассоциациями, и из них подчас составляются по два и по три стихотворения, развивающие один и тот же замысел (как еще в «Соломинке» и в «Сеновале»). Чтобы понимать Мандельштама, все важнее становится знать не только подтекст его реминисценций из прежней поэзии, но и контекст его переключек с собственными стихами и даже с собственной жизнью. Без этого стихи его все чаще могут

показаться читателю загадкой без разгадки. Он твердо говорит: «Я — смысловик» (споря с собственной формулой «блаженное бессмысленное слово»), однако этот смысл все реже выражается прямо: московские стихи все-таки яснее «Грифельной оды», но воронежские подчас едва ли не темнее. Если в первой его поэтике больше чувствовался Тютчев, а во второй Верлен, то в этой третьей — великий «колебатель смысла» Рембо. В «Разговоре о Данте» он прямо говорит, что дальше всего от дорогой ему динамической поэтики парнасцы (столь чтимые когда-то акмеистами), «гораздо ближе Бодлэр, еще ближе Верлен, и наиболее близок... Артур Рембо»⁴⁵.

«Разговор о Данте» (1933) может считаться таким же программным изложением для третьей поэтики Мандельштама, каким для второй его поэтики были статьи 1921-1922 гг. Все наблюдения, импрессионистически-яркие, относятся здесь к «Комедии» Данте, но все обобщения — только к тем стихам, которые пишет и хочет писать сам Мандельштам. Ключевое понятие этой поэтики — «порыв»: философия Бергсона, близкая Мандельштаму смолоду, здесь слышней, чем когда-либо раньше⁴⁶.

«Говоря о Данте, правильнее иметь в виду порообразование, а не формобразование». «В поэзии, в пластике и вообще в искусстве нет готовых вещей». «Готовая вещь есть не что иное, как каллиграфический продукт, неизбежно остающийся в результате исполнительского порыва». Поэтический труд — это «непрерывное превращение материально-поэтического субстрата, сохраняющего свое единство и стремящегося проникнуть внутрь себя самого, формобразование, посредством которого пространство как бы выходит из себя самого». «Вещь возникает как целокупность в результате единого дифференцирующего порыва, которым она пронизана», это «“силовой поток” вспыхивающих и гаснущих частных в стремящейся между смыслами и омывающей их материи»: вещь создается не накоплением частей, а дифференциацией целого — как мандельштамовские «двойчатки» из единого замысла.

В порыве становления вещи меняется не только словесная ткань, но и сами поэтические орудия, ткущие эту ткань. Образы, готовые результаты, все, что поддается в поэзии пересказу, — ничто для поэта. Сравнение у Данте «никогда не диктуется нищей логической необходимостью». «Все машинальное ему чуждо. К

каузальной причинности он брезглив». Вместо причинных связей действуют синхронные, ассоциативные, на ходу претерпевающие великолепные метаморфозы. «Представьте себе самолет, ...который на полном ходу конструирует и спускает другую машину. Эта летательная машина так же точно, будучи поглощена собственным ходом, все же успевает собрать и выпустить еще третью. ...Разумеется, только с большой натяжкой можно назвать развитием эту серию снарядов, конструирующихся на ходу и выпархивающих один из другого во имя сохранения цельности самого движения». Мы видели по таким ассоциативным стихотворениям, как «На развальнях...» или «Грифельная ода», насколько далеко могут залетать эти самолеты.

Поэт сам есть лишь звено в динамической цепи метаморфоз, а не часть статичной культуры. Он существует лишь в своем стремлении выйти из себя, утвердиться иным. Данте — «внутренний разnochинец XIV века», у него «чисто-пушкинская камер-юнкерская борьба за социальное достоинство и общественное положение поэта». «Хочется указать... на его страх перед прямыми ответами, быть может, обусловленного политической ситуацией опаснейшего, запутаннейшего и разбойнейшего века... Каждое прямое высказывание у Данта буквально вымучивается... При этом у самого Данта после отчаянного усилия дергается подбородок и запрокидывается голова: ...Cosi gridai colla faccia levata [Так вскричал я, вскинув лицо]. Мандельштам приписывает своему герою даже тот характерный собственный жест — вскинутую голову, — который отмечали в Мандельштаме буквально все мемуаристы.

Обе части этой последней поэтики Мандельштама — и порыв, и уклон от прямоты — с наибольшей полнотой выразились в последних его стихах, написанных в Воронеже. Путь к ним лежал через подвиг и катастрофу.

С возвращением к стихам Мандельштам вернул себе чувство личной значимости. Зимой 1932-1933 г. прошло несколько его авторских вечеров, «старая интеллигенция» его сверстников принимала его с почетом, Пастернак говорил: «Я завидую вашей свободе». Это здесь на непреходящий вопрос об акмеизме Мандельштам ответил: «Это была тоска по мировой культуре». За десять лет он очень постарел и молодым слушателям казался «седобородым патриархом». С помощью Бухарина он получает

пенсию (в 41 год!), с ним заключают договор на двухтомное собрание сочинений (так и не вышедшее).

Но это только подчеркивало его несовместность с тоталитарным режимом в литературе. Редкая удача — получение квартиры — вызывает у него порыв к некрасовскому бунту, потому что квартиры дают только приспособленцам. Нервы его все напряженнее, в стихах сталкиваются «до смерти хочется жить» и «я не знаю, зачем я живу», он говорит: «теперь каждое стихотворение пишется так, будто завтра смерть». Но он помнит: смерть художника есть «высший акт его творчества», об этом он писал когда-то в «Скрябине и христианстве». Толчком послужило стечение трех обстоятельств 1933 г. Летом в Старом Крыму он видел моровой голод, последствие коллективизации, и это всколыхнуло в нем эсеровское народолюбие (стихотворение «Холодная весна...»). Осенью «Правда» публикует разгромную статью против только что напечатанного «Путешествия в Армению», начинается новая литературная травля. Писательский товарищеский суд, разбирая очередной скандал — драку Мандельштама с С.Бородиным (Саргиджаном) — признает виновными обоих, Мандельштам выходит из писательской организации и потом дает пощечину председателю суда А.Н.Толстому. Теперь, в ноябре 1933 г. Мандельштам в обмен на все это сочиняет лютую эпиграмму на Сталина и под великим секретом читает ее не менее, чем четырнадцати лицам. «Это самоубийство», — сказал ему Пастернак, и был прав. Это был этический акт, добровольный выбор смерти. Анна Ахматова на всю жизнь запомнила, как Мандельштам вскоре после этого сказал ей: «Я к смерти готов». Справедливо было замечено⁴⁷, что даже эти предельно искренние слова для обоих звучали как цитата из «Гондлы» Гумилева: «...Я вином благодати Опьянился и к смерти готов. Я монета, которой Создатель Покупает спасенье волков». В эти дни Мандельштам сочинял стихи памяти Андрея Белого, где умерший предстает жертвой за свое поколение, и другие, к «Мастерице виноватых взоров», где говорится: «Надо смерть предупредить — уснуть».

Эпиграмма Мандельштама на Сталина замечательна тем, что полностью выпадает из основного направления его поэтики — она ближе не к «главным» стихам Мандельштама, а к побочным, шуточным или детским, с их угловато стилизованным юмором. Если сравнить ее с такими

гражданскими стихами 1917 г., как «Кас-сандрю» и «Когда октябрьский нам...», то особенно видно: она направлена не против режима, а против личности, даже политическая деятельность Сталина представлена как сведение личных счетов: «кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз». Это — скрещение традиции ямбов даже не Шенье, а Архилоха с традицией карикатурного лубка или детской дразнилки, причем — на фоне цитатных ритмов гражданского Надсона. Шестнадцать строк трудно подчинить одному пуанту, и Мандельштам строит эпиграмму на искусной последовательности кульминаций: сперва идейная («...под собою не чужа страны»), потом образная («как черви... как гири...»), потом лексическая (великолепный несуществующий глагол «бабачит» на фоне реминисценций из сна Татьяны), потом ритмическая («кому в пах, кому в лоб...»); после этого концовка самому Мандельштаму казалась слишком слабой, и он думал ее отбросить. При всем сказанном совершенно ясно: именно такая эпиграмма не против режима, а против личности Сталина должна была вернее всего привести поэта к подвижнической гибели.

В мае 1934 г. Мандельштам был арестован. Следствие длилось две недели, ему не давали пить и спать, он бредил и галлюцинировал. Приговор был фантастически мягок: три года ссылки в Чердынь на северном Урале. Жене поэта сообщили резолюцию Сталина: «изолировать, но сохранить». Несомненно, Сталин не хотел привлечь внимания к этой расправе и ее причине, а хотел отложить ее до поры более массовых репрессий. В Чердынь Мандельштам приехал душевнобольным, мучился манией преследования, в первую же ночь выбросился из окна и сломал руку. Через две недели последними стараниями Бухарина приговор был еще более смягчен: разрешено было выбрать другое место ссылки. Мандельштам с женой почти наудачу выбрали Воронеж. Здесь он живет с июля 1934 по май 1937 г.: сперва пытается писать очерки на местные темы, потом зарабатывает по мелочам в газете, на радио, в театре, потом существует лишь на скудную помощь, с трудом собираемую женой по родственникам и знакомым. Его мучит постоянное нервное истощение, астма, сердце; приступы творческой активности (апрель-июнь 1935 — I «воронежская тетрадь», декабрь 1936 — май 1937 — II и III «тетради») сменяются полосами прострации, доходящей до бреда. В начале

1937 г. он пишет К. Чуковскому: «Я сказал — правы меня осудившие. Нашел во всем исторический смысл... Я работал очертя голову. Меня за это били. Отталкивали. Создали нравственную пытку. Я все-таки работал. Отказался от самолюбия. Считал чудом, что меня допускают работать. Считал чудом всю нашу жизнь. Через полтора года я стал инвалидом... Я тень. Меня нет». И немногим раньше (в пушкинские дни) — Ю. Тынянову: «Пожалуйста, не считайте меня тенью. Я еще отбрасываю тень... Вот уже четверть века, как я, мешая важное с пустяками, наплываю на русскую поэзию; но вскоре стихи мои сольются с ней, кое-что изменив в ее строении и составе». В эти дни Мандельштам работал над одой Сталину.

«Правы меня осудившие» — это утверждение означало глубокий душевный переворот. Несостоявшаяся смерть ставила Мандельштама перед новым этическим выбором, а благодарность за жизнь предопределяла направление этого выбора. Опять, как в 1920 г., Мандельштам выбрал остаться с Россией. Мы помним: добровольное отщепенство от литературы невольно стало для него слиянием с народом. А народ принимал режим и принимал Сталина: кто по памяти о революции, кто под влиянием гипнотизирующей пропаганды, кто из отупелого долготерпения. Разночленная традиция не позволяла Мандельштаму думать, будто все идет не в ногу, а он один в ногу. Ключевые стихи Мандельштама воронежских лет — это стихи о приятии: сперва режима, потом вождя. В центре первой группы стихов — «Стансы» 1935 г., напоминающие о пушкинских «Стансах» 1826 г. В центре второй группы — так называемая ода Сталину 1937 г., напоминающая о славословиях Овидия Августу в «Tristia».

Для приятия действительности в стихах 1935 г. предпосылкой было признание истории. До сих пор Мандельштам предпочитал представлять себе лишь «вечное возвращение» или синхронный «веер прошлых лет». Теперь он представил себе прошлое, настоящее и будущее, взглянул на настоящее как на прошлое — «Мне кажется, мы говорить должны о будущем советской старины...» — и это стало оправданием настоящего. Открылась перспектива: в дальнем прошлом — угольные «пласты боли» страшного мира и «родовое железо» борьбы, в них берет начало каменноугольный мозг большевиков и слезная железа поэзии (Мандельштам верен своей геологической и биологической

образности); вывод: «Ты должен мной полевывать, а я обязан быть послушным...» Эти строки и получают разработку в «Стансах». Прежнее, острожничье «...до смерти хочется жить» превращается в «Я должен жить, дыша и большевея, ...еще побыть и поиграть с людьми!» (в этом «поиграть с людьми» — реминисценция не только из тютчевского «Играй, покуда над тобою...», но и из собственных стихов о евхаристии: «все причащаются, играют и поют»). Преступная эпиграмма, оторвавшая его от народа, — «нелепая затея»; «славных ребят из железных ворот ГПУ» он вспоминает без иронии (в черновике об этих «пушкиноведах с наганами» было сказано: «как хорошо!»; жене поэт объяснил: «все хорошо, что жизнь»). Теперь смертный прыжок вернул ему разум, он возмужал, страна ему мирволит, и в нем горит ее луч. Тема «железа», борьбы за народное дело, продолжается в «Стансах» словами о немецких братьях, гнущих шею под Гитлером, а также в смежных стихах о гражданской войне по фильму «Чапаев»; потом к ним примкнет и стихотворение 1937 г. «Как по улицам Киева-Вия...», где к собственным воспоминаниям прибавлена, видимо, реминисценция из Н. Островского⁴⁸.

Если в «Стансах» было настоящее, а в окрестных стихах — прошлое, то в сталинской оде 1937 г. — будущее: «Само грядущее — дружина мудреца...» Главная строфа в оде — центральная: вертикаль — трибуна-гора, горизонталь — бугры голов, «готовых жить и умереть», крупный план лица и ключевые слова «должник сильнее иска». Иск Сталину предъявляет прошлое за все злое, что было в революции и после нее, Сталин пересиливает это настоящим и будущим; несчастья — это случайный чад вокруг большого плана. Предшествующие строфы — сближение между художником и его героем в акте творчества, Сталин поэту — «отец» и «близнец». Последующие строфы — отдаление героя от художника, герой остается исполином над обновленным миром, а поэт, искупая вину своего неверия, сливается с массой человечества и теряется в ней: «Уходят вдаль людских голов бугры: я уменьшаюсь там, меня уж не заметят, но в книгах ласковых и в играх детворы воскресну я сказать, что солнце светит». Бессмертие поэзии, мотив «памятника», становится производным от бессмертия обновленной жизни⁴⁹. «на земле, что избежит тленья», «где смерть уснет, как днем сова»: искупление завершается воскресени-

ем, стихотворение приобретает религиозную окраску. Заметим, что в деле Сталина подчеркивается не столько классовый его аспект, сколько межнациональный: не разъединяющий («рабу не быть рабом...» в стихотворении, отколовшемся от оды), а объединяющий (от «ста сорока народов чья обычай» до «...и таянок робкие корзины» в одном из сопровождающих стихотворений) — Мандельштам продолжает мечтать о единстве человечества, на этот раз — во всемирной пракультуре. Ода окружена стихами, в том же размере варьирующими ее образы и мысли (в них и «воздушно-каменный театр времен растущих», и «мученик Рембрандт», и «ось земная», которую сосут божественные осы)⁵⁰. Над одой Мандельштам работал долго и сосредоточенно; справедливо было сказано, что это такая же индивидуальная стилизация официального громоздкого сталинского классицизма, как когда-то стихи 1914 г. были сгущенной стилизацией тютчевской риторики. Как бы прологом к оде служит стихотворение «Средь народного шума и спеха...», написанное гораздо более просто; как бы эпилогом — стихотворение «Если б меня наши враги взяли...», написанное гораздо более страстно, с его финалом «...Будет будить разум и жизнь Сталин» (вариант «губить» противоречит всему строю стихотворения и, по-видимому, апокрифичен).

Вокруг этой темы притягивается художественное пространство воронежских стихов. В московских стихах мир был детализирован: Ленинград, Москва, Германия, Италия, — в воронежских он гораздо более обобщен: земля, небо. Земля эта — местная, воронежская: Воронеж для поэта одновременно и место заточения, и место спасения через приобщение к земле. Место заточения — это прежде всего город, он крут и крив, гора и яма: «и переулков лающих чулки, и улиц перекошенных чуланы...» Место приобщения — черноземное поле, рабочая земля, жирный пласт, «комочки влажные моей земли и воли» (намек на воронежский съезд народников 1879 г.), вокруг — равнина, простор, зимние снега и прозрачные леса; весна и почва радостны, зимняя одышка равнин тяжела, от ранних к поздним воронежским стихам радость убывает, тягость нарастает. За пределами этой просторной тюрьмы по контрасту воображаются холмы (памятные, крымские и всечеловеческие, тосканские) и горы (свой Урал и всенародный Эльбрус). Еще дальше — море («на вершок бы мне синего моря, на игольное только

ушко!»): памятное, коктебельское, и древнее, с nereидами, о котором заставляет тосковать греческий кувшин в воронежском музее. Москва стала потусторонней и звучит лишь в радио: «язык пространства, сжатого до точки». Европа мелькает стихами о Реймсе и Риме, причем оба стихотворения разительно непохожи на старые архитектурные или римские стихи Мандельштама: собор из триумфа культуры превращается в фантазмагорическую игру природы («башнею скала вздохнула вдруг», надпортальной розой встало отвесное озеро и т.д.), вместо Рима — «места человека во вселенной» является «медленный Рим-человек», мучающийся под диктатором. Франция с ее народным фронтом и расстрелянным собором и Италия с ее фашизмом оказываются помянуты не ради прошлого их культуры, а ради будущего — грозящей новой войны: они служат лишь приступом к «Стихам о неизвестном солдате», в которых кончается земля и начинается небо.

«Стихи о неизвестном солдате» (март 1937, тотчас вслед за стихами о вожде) — самое большое и самое трудное из произведений Мандельштама. Дальними подступами к нему были «Война. Опять разногласица...» (1923), против воздушной войны; «Нет, не мигрень...» (1931), глазами падающего летчика; «Не мучнистой бабочкою белой...» (1935), о пухорнах летчиков. «Стихи о неизвестном солдате» печатаются обычно восьмью отрывками, смысл которых скорее угадывается, чем понимается. Раньше всех сочинен был второй из них, о враждебном небе: «Шевелящимися виноградинами угрожают нам эти миры... золотые созвездий жиры» — мысль о бомбах и ядовитых газах сразу расширяется до космического ужаса. Вокруг нее вырастают картина минувшей мировой войны («Этот воздух пусть будет свидетелем... как лесистые крестики метели океан или клин боевой...») и картина стремительного сверхсветового приближения новой мировой войны («Сквозь эфир десятичноозначенный... весть летит светопыльной обновой...»). Обе темы скрещиваются в следующем отрывке («Аравийское месиво, крошево, свет размолотых в луч скоростей... Неподкупное небо окопное, небо крупных оптовых смертей...»). Их замыкает пятый отрывок, гротескный парад калек («Хорошо умирает пехота...»). А затем начинается протест: для того ль развивался разум, чтоб превратиться в череп? для того ль прекрасно мироздание, чтобы белые звезды окрашивались в кровь?

(«Красное смещение» спектра разбегающихся галактик становится здесь символом: еще один знак интереса Мандельштама к точным наукам). Наконец, «я ль без выбора пью это варево», принимаю эту самоубийственную долю? И перекличкой сверстников, которые «на роковой стоят очереди» и должны выбирать, быть ли им жертвами или борцами, стихотворение заканчивается.

Все черты поэтики Мандельштама, старые и новые, собраны в этом стихотворении и доведены до предела. О поэтике реминисценций и подтекстов здесь нет возможности говорить: только за двумя четверостишиями в середине («А за полем полей поле новое треугольным летит журавлем...») можно увидеть и «журавлиный клин» из собственной «Бессонницы» 1915 г., и хищного «Журавля» В.Хлебникова, и картину зрения на сверхсветовых скоростях из научной фантазии К.Фламариона, и наполеоновскую тему в изображении Байрона, Лермонтова, Пушкина, причем перед безликим светопреставлением будущего наполеоновские войны кажутся едва ли не культурной ценностью. Поэтика ассоциаций остается основой композиции: только через ассоциации входят в стихотворение и Наполеон (через «битву»), и Лермонтов (через «воздушный океан»), и Шекспир (через йориковский «череп»). По-прежнему в этих ассоциациях смело пропускаются связующие звенья (опускаются строфы о Наполеоне в Египте, и непонятным делается «аравийское месиво»; опускаются слова про «яд Вердена», и непонятны становятся звезды — «ядовитого холода ягоды»). Как обычно у позднего Мандельштама, образы его вещественны и грубы: не сердце, а «аорта», год рождения зажат в кулак, череп пенится мыслью (и пена встает куполом), гармония ньютоновского пространства — «тара обаянья», затовариваемая сбитым звездным спектром, война — «оптовые смерти», выживание — «прожиточный воздух». Образы сдвигаются: «безымянная манна» дождя над безымянной могилой, «лесистые крестики», частые, как лес (кресты на могилах или самолеты в небе?). Образы переосмысляются на ходу: «океан без окна, вещество» сперва означал воздух, а потом, по-видимому, человека (закрытого, как лейбницевская монада); слова «от меня будет веку светло» изолированно звучат евангельской радостью, а в контексте — огненным светопреставлением. Наконец, смысловая связь образов все чаще подкрепляется или подменяется звуковой

связью; «впереди не провал, а промер» (не конец, а продолжение), «ясность ясеневая, зоркость яворовая», эфирное поле опзрачено «светлой болью и молю нолей».

Таков, в большей или меньшей степени, весь поздний Мандельштам. У него появляются стихи, сплошь построенные на перекличке звуков («...Воронеж — ворон, еж»; «Это какая улица?..» — с игрой звуков и смыслов «лилейный — Линейная — Ленин»), у него не редкость такие строки, как «недуги — недруги других нескрытых дуг» (в портале собора). Он сосредоточивается на поиске неожиданных слов, а когда это не дается, то жалуется, «что все обмелело, есть только квитанции, а не смысловые слова». Когда ему случайно попадает в руки его старый сборник, он, чтобы показать, как надо было бы написать, исправляет в стихотворении 1912 г. «...длинной булавкой» на «булавкой заржавленной» и точную рифму на неточную (доставляя такими правками много трудностей текстологам). В 1916 г. он писал: «Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем», в 1937 г. он пишет: «И, спотыкаясь, мертвый воздух ем». Образы перетасовываются с небывалой легкостью: в одном только (не очень трудном) последнем четверостишии из «День стоял о пяти головах...» мы видим «открытые рты» не у персонажей звукового фильма, а у зрителей; «лентой» назван экран, а не фильм; слово «тын» подменено словом «тыл»; а финальное «утонуть и вскочить на коня своего» соизмеримо только с вергилиевским «умрем и бросимся в бой». Даже в несложных стихотворениях при ближайшем рассмотрении смысл оказывается ускользающе зыбок⁵¹.

Творческий процесс целиком держится на ассоциациях. «Сказал “я лежу”, сказал “в земле” — развивай тему “лежу”, “земля”... Сказал реальное, перекрой более реальным, его — реальнейшим, потом сверхреальным. Каждый зародыш должен обрести своим словарем, ...перекрывая одно движение другим», — объяснял Мандельштам ссыльному собеседнику. Такой процесс, не ведя к публикации, становится непрерывным и бесконечным. Даже «Стихи о неизвестном солдате» в том виде, в каком мы их читаем, — не окончательный текст: Мандельштам колебался и над серединой его, и над концовкой. «Двойчатки» и «тройчатки» («одна тема и два развития») из исключения становятся почти правилом. Поэта поразила улыбка грудного ребенка воронежской писательницы — и он пишет стихотворение «Когда

заулыбается дитя...» о том, как на радостную готовность к познанию встает из хаоса мир, желая быть познанным. Но улыбка эта еще бессмысленна — и ребенок превращается в ненавистно-пассивного Будду, улыбающегося в сонном окаменении («Внутри горы бездействует кумир...»). И происходит этот сдвиг настолько стихийно, что Мандельштам сам не понимает, о ком он пишет стихи, и подозревает, что это то ли его петербургский знакомый В.Шилейко, поэт и востоковед, то ли Сталин, затворившийся в Кремле. Мы говорили, что в стихотворении «Соломинка» образы становились текучими, — теперь, в воронежских стихах этот поток переливается уже из стихотворения в стихотворение. Мы отмечали, что два стихотворения 1922 г. о сеновале были по смыслу разнонаправленными — теперь в один день пишутся стихи о том, что снежные равнины чудесны и безгрешны, и о том, что по ним к нам ползет «народов будущих Иуда». Мандельштам не выравнивает эти мысли: он пишет так, потому что жизни свойственно «убивать и сейчас же ласкать». Одновременно со «Стансами» у него является четверостишие противоположного смысла, и читатель волен рассматривать это четверостишие как главное, а «Стансы» и оду как второстепенное⁵²:

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета —
Губ шевелящихся отнять вы не могли.

Все это не только стилистика — это мироощущение. Мандельштам последних лет разрывается между волей к жизни и волей к смерти. Внутреннее решение, принятое в год самоубийственной эпиграммы, остается непоколебленным, повторяющиеся восклицания «Я должен жить, хотя я дважды умер...» звучат напрасными самозаклинаниями. В то же время он действительно любит жизнь и хватается за жизнь — на фоне смерти эти переживания делаются особенно острыми. Сама смерть, вписываясь в его теперешнее приятие мира, становится иной — просветляющей: это смерть не от врагов, а от неведающих друзей. Об этом говорит небольшой цикл визионерски напряженных стихов о небесах, сложившийся в марте 1937 г., тотчас за «Неизвестным солдатом».

У «Солдата» были два эпилога. Один — земной, гражданственный: «становлюсь рядовым той страны, у которой попросят совета все, кто жить и воскреснуть долж-

ны»; он отбрасывается. Другой — заоблачный: «и под временным небом чистилища забываем мы часто о том, что счастливое небохранилище раздвижной и прижизненный дом» — апокалиптическое небо «Солдата» объявляется временным, за чистилищем следует рай, причем — это замечательно — здесь не земля вписывается в небесный мир, а небеса в земной мир: акмеистическое недоверие к мирам иным в Мандельштаме неизменно. Этот эпилог получает дальнейшую разработку. Уже в стихах о картине, сопровождавших сталинскую оду («Как светотени мученик Рембрандт...»), мелькнуло отождествление себя с распинаемым Христом — теперь оно, еще осторожнее, повторяется в стихах о терзаемой фреске («Небо вечери в стену влюбилось...»). Поэт видит себя Дантом, восходящим через ад к раю («Заблудился я в небе — что делать?...»); обращается к Богу («Ты, который стоишь надо мной...»); хочет себе не земной награды за верность жизни, а небесного созвучия («Лучше сердце мое разорвите вы на синего звона куски...»). Причем опять-таки это небо не перестает быть земным, с облаками и голубятнями — головокругением «рукопашной лазури шальной». Кульминация этого вознесения, момент просветления описывается словами:

Может быть, это точка безумия,
Может быть, это совесть твоя —
Узел жизни, в котором мы узнаны
И развязаны для бытия...

И опять-таки эта точка вещественна: это перекрестье стрельчатых сводов в готическом куполе, похожее на паучка (образ из романа Гюисманса «Собор»). Отсюда, как по ребрам колонн, начинается нисхождение обратно на землю — уже спасенную, проясненную:

Чистых линий пучки благодарные,
Направляемы тихим лучом,
Соберутся, сойдутся когда-нибудь,
Словно гости с открытым челом, —

Только здесь, на земле, а не на небе,
Как в наполненный музыкой дом, —
Только их не спугнуть, не изранить бы —
Хорошо, если мы доживем...

Об этом «тихом луче» — последнее стихотворение цикла: «О, как же я хочу, не чуемый никем, лететь вослед лучу, где нет меня совсем. А ты в кругу лучись — другого счастья нет — и у звезды учись тому, что значит свет...» О проясненной земле, с которой вновь срастается поэт, — написанное через месяц «Я к губам

подношу эту зелень — эту клейкую клятву листов — эту клятвопреступную землю...» «Клейкая клятва» (реминисценция, конечно, из Достоевского) — это клятва весны на верность жизни, преступаемая осенью: снова «вечное возвращение» жизни и смерти. В то же время это и любовная клятва: в эти дни собиралась выходить замуж Н.Штемпель, ближайшая воронежская знакомая Мандельштамов. Ей посвящено последнее из воронежских стихотворений Мандельштама, целомудренно-любовное; оно — опять о «вечном возвращении» умирания и воскресения, «о том, что эта вешняя погода для нас — праматерь гробового свода, и это будет вечно начинаться. Есть женщины, сырой земле родные, и каждый шаг их — гулкое рыданье; сопровождать воскресших и впервые приветствовать умерших — их призванье...» (Заметим это «сопровождать воскресших и впервые приветствовать умерших»: точка зрения поэта — из-под земли). Эти стихи он назвал своим «завещанием»: «Это лучшее, что я написал».

Обстановка, в которой писались эти стихи, была ужасна. Продолжалась нищета и вновь угрожало политическое преследование. Воронежская газета уже напечатала статью, где Мандельштам упоминался среди «троцкистов и прочих классовых врагов». Мучась ощущением безысходного тупика, доведенный до отчаяния, Мандельштам был на грани душевной болезни. Расправа помедлила ровно на год. В мае 1937 г. кончился срок ссылки, ему позволили покинуть Воронеж. Лето он прожил под Москвой в Савелове, зиму — в Калининне, часто наезжая в Москву, дважды — в Ленинград. «У Мандельштамов не было денег. Жить им было совершенно негде. Осип плохо дышал, ловил воздух губами... Все было, как в страшном сне» (А.Ахматова). Он то надеялся, что ода Сталину спасет его, посылал ее в журналы и читал встречным, то говорил: «это была болезнь» и просил ее уничтожить.

В мае 1938 г. в санатории Саматихе близ Шатуры его арестуют вторично. В августе объявлен приговор: пять лет лагерей за контрреволюционную деятельность. В сентябре — этап на Дальний Восток, путь продлился месяц. Последняя фотография его — в судебном деле: все та же вскинутая голова. Последнее письмо — из пересыльного лагеря на Второй речке под Владивостоком, в конце октября: «Здоровье очень слабое, истощен до крайности, исхудал... Здесь транзитный лагерь. В Колыму меня не взяли. Возможна зимо-

вка». Первое время он держался, читал свои стихи тем, кто знал его имя. Потом все глубже стал впадать в манию преследования. «На наших глазах он сходил с ума», — пишет очевидец. Смерть пришла 27 декабря 1938 г. в больнице пересыльного лагеря — по официальному заключению, от паралича сердца. Затем наступили двадцать лет официального забвения, а затем — постепенное возвращение его поэзии читателям.

Мандельштам утверждал, что настоящий читатель поэзии — потомок: потому что он не знает того, что знают современники, и от этого поэзия прошлого для него нова и неожиданна. «Поэзия как целое всегда направляется к более или менее далекому, неизвестному адресату, в существовании которого поэт не может сомневаться, не усумнившись в себе», — писал он в начале своего пути в статье «О собеседнике». Но он не обольщался тем, каков будет этот будущий читатель. «Легче провести в России электрификацию, чем научить всех грамотных читателей читать Пушкина так, как он написан, а не так, как того требуют их душевные потребности и позволяют их умственные способности», — продолжал он десять лет спустя в статье «Выпад». Особенно это относится к «интеллигентской массе, зараженной снобизмом, потерявшей чувство языка, в сущности уже безъязычной». «Быть может, самое утешительное во всем положении русской поэзии — это глубокое и чистое неведение, незнание народа о своей поэзии. Массы, сохранившие здоровое филологическое чутье, те слои, где прорастает, крепнет и развивается морфология языка, просто-напросто еще не вошли в соприкосновение с индивидуалистической русской поэзией. Она еще не дошла до своих читателей и, быть может, дойдет до них только тогда, когда погаснут поэтические светила, погасившие свои лучи к этой отдаленной и пока недостижимой цели».

Примечания

1. Полная библиография всего, напечатанного Мандельштамом и о Мандельштаме на русском языке по 1988 год, издана А.Г.Мецем: Русские советские писатели: Поэты. Биобиблиографический указатель. М., 1990. Т.13. С.116-203. Нижеследующие примечания предлагают лишь некоторые дополнения к этой библиографии, никак не притязая на полноту. На русском языке появились два общих очерка жизни и творчества Мандельштама: Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Собр. соч. В 2-х т. М., 1990. Т.1. С.5-64; Ронен О.

- Осип Мандельштам // Мандельштам О. Собрание произведений: Стихотворения. М., 1992. С.495-538. См. также сборники статей и материалов: Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама. Воронеж, 1990; Слово и судьба: Осип Мандельштам. М., 1991. Из зарубежных изданий сохраняет значение первая монография о Мандельштаме: Brown C. Mandelstam. Cambridge, 1973. О поэтике Мандельштама: Taranovsky K. Essays on Mandelstam. Cambridge (Mass.), 1973 («Концерт на вокзале», «Сеновал», иудейская тема, «Что поют часы-кузнечик», образы пчел и ос, «На розвальнях...», «Silentium», «Да, я лежу в земле...» и др.); Nilsson N.A. Osip Mandelstam: Five poems. Stockholm, 1974 («Адмиралтейство», «Есть иволги в лесах...», «Бессонница...», «Сумерки свободы», «Возьми на радость...»). Более общие вопросы: Freidin G. A coat of many colors: O.Mandelstam and his mythologies of self-presentation. Berkeley etc., 1987; Przybylski R. An essay on the poetry of Osip Mandelstam: God's grateful guest. Ann Arbor, 1987; Марголина С.М. Мировоззрение О.Мандельштама. Marburg, 1989. См. также: Dutil R. Osip Mandelstam: «Als riefte man mich bei meinem Namen»: Dialog mit Frankreich. Zürich, 1985. Незаменимое пособие — Koubourlis D.J. A Concordance to the poems of O.Mandelstam. Ithaca, 1974. Ссылки на эти книги далее не повторяются.
2. Cavanagh C. Synthetic Nationality: Mandelstam and Chaadaev // Slavic Review. 1990. №49. P.597-610.
 3. Malmstad J. Mandelstam's «Silentium»: a poet's response to Ivanov // Viacheslav Ivanov: Poet, critic and philosopher. New Haven, 1986. С.236-252.
 4. Meijer J.M. The early Mandelstam and symbolism // Russian Literature. 1979. №7. P.521-536; Топоров В.Н. О «психофизиологическом» компоненте поэзии Мандельштама // Осип Мандельштам: К 100-летию со дня рождения. М., 1991. С.7-27.
 5. Фрейдин Ю. Статус цитаты в произведениях О.Мандельштама // Semantic analyses of literary texts. Amsterdam, 1990. P.195-200.
 6. Thomson R.D.B. Mandelstam's Kamen': The evolution of an image // Russian Literature. 1991. №30. P.501-530.
 7. Freidin G. Osip Mandelstam: The poetry of time (1908-1916) // California Slavic Studies. 1980. №11. P.141-186; Steiner P. Poem as manifesto: Mandelstam's «Notre-Dame» // Russian Literature. 1977. №5. P.239-256; Кантор Е. В толпокрылатом воздухе картин: Искусство и архитектура в творчестве О.Э.Мандельштама // Литературное обозрение. 1991. №1. С.59-68.
 8. Кац Б.А. Защитник и подзащитный музыки // О.Мандельштам. «Полон музыки, музы и муки». Л., 1991. С. 7-54, 110-139.
 9. Meyer H. Der Akmeismus Mandelstams als eine modernistische Neoklassik // Wiener Slawistischer Almanach. 1991. №28. S.107-147.
 10. Паперно И. О природе поэтического слова: Богословские источники спора Мандельштама с символизмом // Литературное обозрение. 1991. №1. С.29-36.
 11. Ораич Д. Цитатность // Russian Literature. 1988. №23. P.113-132.
 12. Pollak N. Mandelstam's «first» poem // Slavic and East European Journal. 1988. №32. P.98-108.
 13. Broyde S. Mandelstam and his age: A commentary on the themes of war and revolution in his poetry, 1913-1923. Cambridge (Mass.), 1975; Nilsson N.A. Mandelstam and the revolution // Art, society, revolution: Russia 1917-1921. Stockholm, 1979. P.165-178.
 14. Rothe H. Mandelstam, «Der Dekabrist» // Archiv f.d.Studium der neuen Sprachen und Literaturen. 1975. №212. S.95-115.
 15. Nilsson N.A. «To Cassandra»: A poem by O.Mandelstam from December 1917 // Poetica Slavica. Ottawa, 1981. P.105-113.
 16. Nilsson N.A. Mandelstam's «Sumerki» poems // Russian Literature. 1991. №30. P.467-480; Парнис А.Е. Мандельштам: «Весь корабль сколочен из чужих досок» (О хлебниковском подтексте стихотворения «Сумерки свободы» // Осип Мандельштам: К 100-летию... М., 1991. С.86-93.
 17. Broyde S. Osip Mandelstam's «Tristia» // Russian poetics. Columbus, 1982. P.73-88.
 18. Taubman J.A. A life through poetry: M.Tsvetaeva's lyric poetry. Columbus, 1989. P.71-87; Vitins I. Mandelstam's farewell to Marina Tsvetaeva: «Ne veria voskresenia chudu» // Slavic Review. 1989. №48. P.266-280; Фрейдин Г. «Сидя на санях» // Вопросы литературы. 1991. №1. С.9-31.
 19. Terras V. The Time philosophy of Osip Mandelstam // Slavonic and East European Review. 1969. №47. P.344-354; Freidin G. The whisper of history and the noise of time in the writings of Osip Mandelstam // Russian Review. 1978. №37. P.421-437.
 20. Bodin P.A. Understanding the signs: An analysis of Osip Mandelstam's poem «Sredi sviashchennikov» // Scando-Slavica. 1985. №31. P.31-39.
 21. Ронен О. Указ. соч. С.525.
 22. Фарыно Е. «Золотистого меда струя...» Мандельштам // Text and context: Essays to honor N.Å.Nilsson. Stockholm, 1987. P.111-121; Henry H. Étude de fonctionnement d'une poeme de Mandelstam // L'action poétique. 1975. №63. P.21-31.
 23. Terras V. Classical motives in the poetry of Osip Mandelstam // Slavic and East European Journal. 1965. №10. P.251-267; Schlott W. Zur Funktion antiker Goettermythen in der Lyrik Osip Mandelstams. Frankfurt a.M. — Bern, 1986; Hesse P. Mythologie in moderner Lyrik: O.E.Mandelstam vor dem Hintergrund des Silbernen Zeitalters. Bern etc. 1989; Gillis D.C. The Persephone myth in Mandelstam's Tristia // California Slavic Studies. 1976. №9. P.139-159; Hope A.D. The blind swallow // Melbourne Slavonic Studies. 1975. №9/10. P.12-29; Ronen O. The dry river and the black ice: Anamnesis and amnesia in Mandelstam's poem // Slavica Hierosolymitana. 1977. №1. P.77-184; Burnett L. Contours of the creative word: Mandelstam's «Voz'mi na radost'» in perspective // Slavonic and East European Review. 1992. №70. P.18-52; Hansen-Lowe A.A.

Mandelstam's Thanatopoetics // Readings in Russian modernism: To honor V.F.Markov. Moscow, 1993. P.121-157.

24. Van der Eng-Liedmejer. Mandelstam's poem «V Peterburge my sojdemsia snova» // Russian Literature. 1974. №7/8. P.181-201; Ivask G. Osip Mandelstam's «We shall gather again in Petersburg» // Slavic and East European Journal. 1976. №20. P.253-260; Malmstad J. A note on Mandelstam's «V Peterburge my sojdemsia snova» // Russian Literature. 1977. №5. P.193-199.

25. Foster L.A. Некоторые лексические и семантические особенности сборника «Tristia» Осипа Мандельштама // Slavic poetics. The Hague, 1973. P.125-133.

26. Бухштаб Б.Я. Поэзия Мандельштама (1929) // Вопросы литературы. 1989. №1. С.123-148.

27. Semmler-Vakareliyska C.V. Mandelstam's «Solominka» // Slavic and East European Journal. 1985. №29. P.405-421.

28. Ronen O. Chetvertoe soslovie: Vierter Stand or fourth estate? // Slavica Hierosolymitana. 1981. №5/6. P.319-323.

29. Фарыно Е. «Сеновал» Мандельштама // Text, Symbol, Weltmodell. München, 1984. S.147-158.

30. Левин Ю.И. Разбор одного стихотворения Мандельштама // Slavic poetics. The Hague, 1973. P.267-276; Ronen O. A beam upon the axe // Slavica Hierosolymitana. 1977. №1. P.158-176; Lator L. I was washing outsides in the darkness // Acta literaria Academiae Scientiarum Hungaricae. 1983. №25. P.297-301.

31. Turner C.J.G. On Osip Mandelstam's poem «Vek» // Slavic and East European Journal. 1976. №20. P.148-154.

32. Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983 (о «Грифельной оде» и «1 января 1925»).

33. Myers D. The hum of metaphors and the cast of voice: Observations on Mandelstam's «The Horse-shoe Finder» // Slavonic and East European Review. 1991. №69. P.1-39.

34. Meijer J.M. Metaphor and syntax, in particular in Mandelstam's poem «Grifelnaja oda» // Russian poetics, Columbus, 1982. P.263-283.

35. Sola A. Mandelstam, poéticien formaliste? // Revue des Etudes Slaves. 1977. №50. P.37-54.

36. Берковский Н.Я. О прозе Мандельштама // Звезда. 1929. №5. С.160-168.

37. Гаспаров Б.М. Тридцатые годы — железный век: К анализу мотивов столетнего возвращения у Мандельштама // Cultural mythologies of Russian modernism. Berkeley etc. 1984. P.150-179; Иванов Вяч. Вс. Мандельштам и биология // Осип Мандельштам: К 100-летию... М., 1991. С.4-7; Корецкая И. К интерпретации стихотворения Мандельштама «Ламарк» // Известия АН СССР, серия лит. и языка. 1991. Т.50. №3. С.258-262; West D. Mandelstam and the evolutionists // Journal of Russian Studies. 1981. №42. P.30-38.

38. Cavanagh C. The poetics of Jewishness: Mandelstam, Dante and the «honorable calling of Jew» // Slavic and East European Journal. 1991. №35. P.317-338.

39. Crone A.L. Woods and trees: Mandelstam and Dante in «Preserve my speech» // Studies in Russian Literature in honor of Vs.Setchkarev. Columbus, 1986. P.87-101.

40. Жолковский А.К. «Я пью за военные астры...» — поэтический автопортрет Мандельштама // Жолковский А.К., Шеллов Ю.К. Мир автора и структура текста. Тенефлай, 1986. С.204-227.

41. Левин Ю.И. О частотном словаре языка поэта // Russian Literature. 1972. №2. P.5-36; О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1969. №12. P.106-164.

42. Leiter S. Mandelstam's Moscow: Eclipse of the holy city // Russian Literature. 1980. №8. P.167-197.

43. Франция входит в этот кругозор не поэзией, а живописью: Флаккер А. Путешествие в страну живописи: Мандельштам о французской живописи // Wiener Slawistischer Almanach. 1984. №14. S.167-178; Langerak T. Mandelstam's «Impressionism» // Voz'mi na radost': To honour J.v.d.Eng-Liedmeier. Amsterdam, 1980. P.139-147.

44. Ronen O. Осип Мандельштам. С.535.

45. Zeemann P. The later poetry of Osip Mandelstam: Text and context. Amsterdam, 1988; Baines J. Mandelstam's later poetry. Cambridge, 1976.

46. Nethercott F. Elements of H.Bergson's «Creative Evolution» in the critical prose of Osip Mandelstam // Russian Literature. 1991. №30. P.455-466; Rusinko E. Acmeism, Post-symbolism and Henri Bergson // Slavic Review. 1982. №41. P.494-510; Harris J.G. Mandelstam's zlost', Bergson and the new acmeist aesthetics // Uibandus Review. 1982. №2. P.112-120.

47. Ronen O. An approach to Mandelstam. P.303.

48. A.De Jonge. How a poem was hardened: Mandelstam and Ostrovsky // Stanford Slavic Studies. 1992. Vol.4: 2. P.82-96.

49. Живов В.М. Космологические утопии в восприятии большевистской революции и антикосмологические мотивы в русской поэзии 1920-1930-х гг. («Стихи о неизвестном солдате» О.Мандельштама) // Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М.Лотмана. Тарту, 1992. С.411-433.

50. Freidin G. Mandelstam's Ode to Stalin: History and myth // Russian Review. 1982. №41. P.400-426; Гаспаров М.Л. Метрическое соседство Оды Сталину О.Мандельштама // Здесь и теперь. 1992. №1. С.63-73.

51. Ronen O. Mandelstam's «Кашей» // Studies presented to prof. R.Jakobson by his students. Cambridge (Mass.), 1968. P.252-264.

52. Кацис Л.Ф. Поэт и палач: Опыт прочтения сталинских стихов // Литературное обозрение. 1991. №1. С.46-54; Месс-Бейер И. Эзопов язык в поэзии Мандельштама тридцатых годов // Russian Literature. 1991. №29. P.243-394.

Н.А.Богомолов

Материалы к библиографии А.И.Тинякова

Имя Александра Ивановича Тинякова (1886-1934) за последние годы приобрело неожиданно бурную популярность в узких кругах литературоведов-профессионалов, занимающихся русской поэзией начала XX века. Если ранее он был полностью забыт, то ныне его стихи, а еще более сама личность рассматриваются как примечательное явление в русском символизме, где многие его черты доведены до предела и тем самым до прямой пародии. Прежде это осознавалось мемуаристами (более всего — посвятившими немало страниц личности Тинякова Вл.Ходасевичем и Георгием Ивановым), но ускользало от внимания исследователей, лишь несколько лет назад увидевших симптоматичность этой фигуры и начавших внимательно присматриваться к его наследию. Однако наиболее последовательно этот путь прошел не литературовед, а писатель В.Варжапетян, собравший массу материалов о жизни и творчестве Тинякова и частично их опубликовавший (см.: Варжапетян Вардван. «Исповедь антисемита», или К истории одной статьи: Повесть в документах // Литературное обозрение. 1992, №1. С.12-37).

Сам Тиняков, при том, что жилось ему чрезвычайно трудно (он не просто бедствовал, как многие, но и сидел в полицейских участках, регулярно на почве белой горячки попадал в психиатрические лечебницы, а в последние годы профессионально нищенствовал), всю жизнь собирал разные литературные материалы, попавшие ему в руки, и прежде всего — обращенные к нему самому письма, а также тщательно следил за своей библиографией. В примечаниях к книгам он часто называет, где публиковались те или иные стихотворения, в разного рода автобиографических документах тщательно перечисляет издания, в которых сотрудничал, и круг этих изданий оказывается настолько широк, что охватить его единым взглядом бывает практически невозможно. Это тем более существенно, что газеты и журналы, с которыми Тиняков был связан, нередко не принадлежали к числу самых популярных. Он печатался не только в «Весах», «Перевале», альманахе «Гриф», но и в совершенно затерянных провинциальных изданиях, а между тем именно это систематическое сотрудничество дает возможность по-настоящему увидеть те стороны личности Тинякова, которые составляют ее ядро, определяют все ее строение.

Давно занимаясь биографией и творчеством Тинякова, я собрал известное количество библиографи-

ческих записей, которые, как мне думается, сами по себе представляют интерес, ибо по ним, даже не заглядывая в тексты, можно представить себе масштаб и направление работы писателя. Наиболее значительны с этой точки зрения первые пореволюционные годы, когда Тиняков работал сначала в провинциальных коммунистических газетах, а затем перебрался обратно в Петроград.

Он, травимый всей «прогрессивной» печатью и бойкотируемый практически всеми сколько-нибудь солидными изданиями после истории разоблачения его сотрудничества в погромной «Земщине» (подробно об этом рассказано в указанной публикации В.Варжапетяна), 25 октября 1917 г. уезжает в родную Орловскую губернию и с мая 1918 г. начинает сотрудничать с крупнейшей орловской газетой того времени. На первых порах он чаще пишет о вопросах культуры (в том своеобразном преломлении, которое эти темы получают в его несколько более поздних книгах, изданных в Казани и в Орле, — в них, кстати сказать, вошли и фрагменты из статей, опубликованных в газетах), сводит счеты с религией и церковью, печатает свои стихи. Однако постепенно все большее и большее место начинает занимать политическая публицистика, печатавшаяся под псевдонимом, причем тон этой публицистики становился постепенно все более и более ортодоксальным: голос заметного писателя подчиняется законам бешеного большевистского текста.

С приближением денкинских войск Тиняковым явно начинает овладевать беспокойство, и внимательный читатель библиографии обратит внимание, что с июля 1919 г. и его подлинное имя, и широко известный псевдоним исчезают со страниц «Известий». Это дает, как мне кажется, право предположить, что в эти месяцы он берет новый псевдоним — Антип Хлыстов. Статьи этого нового автора «Известий» и по тематике, и по некоторым моментам стилистическим близки к статьям Александра Тинякова и Герасима Чудакова. Может быть, наиболее точным указанием на принадлежность псевдонима являются выпады в двух статьях «Антипа Хлыстова» в адрес Ивана Максимовича Тинякова — отца А.И., названного «богачейшим местным кулаком-эксплуататором» и «миллионером». Желание обратить внимание ЧК на своего отца очень хорошо вписывается в тот психологический облик Тинякова, который рисуется при чтении документов, с ним связанных.

13 октября 1919 г. Добровольческая армия заняла Орел, но Тинякова там уже не было. Какими путями

он попал в Казань, мне неизвестно, но уже с 17 октября он начинает печататься в казанском аналоге орловской газеты, и там уже ни разу не выступает под настоящей фамилией, а только под псевдонимами. Кстати сказать, и стихи свои, и отдельные книги он также печатает под вымышленными именами (отмечу, кстати, две рецензии на его книги, помещенные в казанских «Известиях»: Н.Иванович рецензировал «Пролетарскую революцию и буржуазную культуру» в номере от 11 июля, а В.Бурчарский «Кое-что про Бога» — 11 октября 1920 г.) Характерно и то, что стихи казанского периода, по большей части чисто агитационные, Тиняков никогда больше не перепечатывал (помимо газетных публикаций, назову также стихи из примечательного сборника «Красный горнист», изданного в Казани в 1920 г.)

Как кажется, интенсивность сотрудничества Тинякова в казанской печати опровергает мнение Ходасевича о том, что он служил там в ЧК: вряд ли для деятельного сотрудника тайной полиции было возможно так регулярно печататься.

По всей видимости, в середине августа Тиняков едет на реконгносцировку в Петроград (с 12 августа по 5 сентября публикации прерываются, а одно из стихотворений этого времени датировано «23 августа. Петроград»), и в конце октября окончательно перебирается туда. О его жизни в заброшенных помещениях Дома искусств вспоминал Ходасевич, а жизнь литературная была связана с журналом «Красный балтиец» и уже под самый конец попыток как-то устроиться в литературе — с газетой «Новости» (позже — «Последние новости»). Сотрудничество Тинякова с ней началось после того, как в первом же номере «Новостей» появилась рецензия на его сборник «Треугольник», подписанная «Квазимодо» (кто скрывался под этим именем — я не знаю), выразительно наименованная «Человек с провалившимся носом». Тиняков отвечал на нее оскорбленным «Письмом в редакцию», и с этого момента началось его двухгодичное сотрудничество с этой газетой, ставшее, кажется, последней его регулярной литературной работой. Именно там были опубликованы отрывки его воспоминаний о Блоке и Брюсове; была заметна серия статей «Критические раздумья» (на

самое первое «раздумье» хотел было откликнуться Кузмин размышлением о смысле слова «абраксас», но по какой-то причине его «Письмо в редакцию» тогда опубликовано не было, и лишь недавно А.В.Лавров и Р.Д.Тименчик привели из него отрывок, комментируя стихотворения Кузмина); примечателен и масштаб рецензирования, пусть самого беглого: не только художественная литература, но и история, и искусствознание, и политика, и история религии и атеизма, и естествознание...

В 1924 г. газета прекращается; Тинякову удается еще издать последнюю книгу стихов, а затем с литературой оказывается покончено: он сидит на углу Невского и Литейного (так рассказывали современники; в одном из писем Иванова-Разумника я нашел упоминание о том, как он видел Тинякова у дверей книжного кооператива «Колос» на Литейном) с табличкой на шею: «Подайте бывшему поэту». Но если у кого-нибудь из литературной среды возникала идея Тинякову помочь, сразу же следовало предупреждение — нельзя давать деньги, потому что он их сразу же пропьет. Время его смерти было столь прочно забыто, что лишь в семидесятые годы ветераны Пушкинского Дома совместными усилиями припомнили, как собирали деньги на венок в 1934 году (точная дата установлена В.Варжапетяном: 17 августа 1934 г. в ленинградской больнице Жертв Революции).

В предлагаемых вниманию читателей «Материалах к библиографии» расписаны публикации Тинякова в орловских и казанских «Известиях», также в «Новостях» и «Последних новостях». Если в записи не означена подпись, — это обычное «Александр Тиняков» или «А. Тиняков», все же остальные варианты сохранены в том виде, в каком они стоят под текстом.

Совершенно очевидно, что далеко не все материалы Тинякова были подписаны: многие рецензии и хроникальные заметки просятся быть приписанными ему, однако при отсутствии уверенности я не включал их в библиографию. Для составления списка мною были использованы комплекты газет в РНБ и РГБ, что, однако, не позволило ликвидировать все лакуны «Известий» — как орловских, так и казанских.

Известия совета рабочих и солдатских депутатов (Орел)*

Два праздника // 1918. — 1 мая. — Подп.: Герасим Чудаков.

О ценности культуры // 1918. — 12 июня. — Подп.: Григорий Чудаков.

Печальные чудеса // 1918. — 20 июня. — Подп.: Герасим Чудаков.

О статье В.Брюсова «Эпохи чудес».

* Газета издавалась также под заглавиями: «Орловские известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»; «Известия Орловского губернского и городского Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов».

Крестьянская война // 1918. — 28 июня. — Подп.: Герасим Чудаков.

Два слова о свободе // 1918. — 29 июня. — Подп.: Герасим Чудаков.

I. На мотив «Веданты»; II. Последняя любовь: [Стихотв.] // 1918. — 30 июня.

К характеристике личности Льва Толстого: [Рец. на кн.: Булгаков В. Лев Толстой в последний год его жизни] // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.

Властолюбцы // 1918. — 6 июля. — Подп.: Герасим Чудаков.

Тщетное ожидание: Стихотв. // 1918. — 7 июля.

- Размечтавшиеся холопы // 1918. — 17 июля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- В Австралии: Стихотв. // 1918. — 21 июля.
- О борьбе до конца // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Низости высоких: К характеристике личности И.С.Тургенева // 1918. — 21 июля; 23 июля: — Подп.: Герасим Чудаков.
- Искусство и пролетариат // 1918. — 27 июля. — Подп.: Герасим Чудаков.
Отклик на статью С.З. в газете «Коммунист» (Орел) по поводу стихотворения «В Австралии».
- Памятники // 1918. — 31 июля. — Подп.: Герасим Чудаков.
О смысле предложения установить памятники различным людям, в том числе — Ф.И.Тютчеву.
- Купец Вахрамеев // 1918. — 2 августа. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Несколько слов о пролетарском искусстве: Прочитано на латышском празднике в Народном Саду 4 августа // 1918. — 6 августа. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Из цикла «Пролетарии всех стран». I. Индия. Шудра: Стихотв. // 1918. — 11 августа.
- Во власти классового бешенства: [Рец. на кн.: К.Бальмонт. Революционер я или нет] // Там же. — Подп.: А.Т.
- [Рец. на кн.:] В.Фриче. Пролетарская поэзия // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Из цикла «Пролетарии всех стран». II. Египет. Египетский раб: Стихотв. // 1918. — 18 августа.
- «Честная» Англия и православный предатель // 1918. — 8 сентября. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Новые «тайны православия» // 1918. — 3 октября. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Свершилось! // 1918. — 5 ноября. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Революция: Стихотв. // 1918. — 7 ноября.
- Советская власть и церковь // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.
- В надежных руках // 1918. — 17 ноября. — Подп.: Герасим Чудаков.
- В Яссах // 1918. — 20 ноября. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Дорогой привет // 1918. — 22 ноября. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Английские палачи // 1918. — 24 ноября. — Подп.: Герасим Чудаков.
- О националистической чепухе // 1918. — 27 ноября. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Рано пташечка запела! // 1918. — 30 ноября. — Подп.: Герасим Чудаков.
- На трудном пути // 1918. — 1 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Напрасная тревога: К вопросу о библиотеках // 1918. — 4 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.
О конфискации личных библиотек.
- Ни туда, ни сюда // 1918. — 8 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Революция, поэзия и Христос: По поводу поэмы Александра Блока — «Двенадцать» // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.
- [Рец. на кн.:] И.Эренбург. Молитва о России // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Китайцы у Ленина // 1918. — 10 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Содрогаются // 1918. — 11 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Восковое чудо // 1918. — 14 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Вечер Пролетарского Университета // 1918. — 17 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Чудеса продолжают // 1918. — 19 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Роковые тучки // 1918. — 20 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Перегрызлись // 1918. — 22 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.
- К вопросу об интеллигенции // 1918. — 25 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Ослепленные // 1918. — 28 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Пустоцвет // 1919. — 10 января. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Всемирный размах // 1919. — 11 января. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Революция растет! // 1919. — 14 января. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Отрадные вести // 1919. — 16 января. — Подп.: Герасим Чудаков.
[Рец. на кн.:] П.Орешин. Красная Русь // 1919. — 19 января. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Захватчики // 1919. — 25 января. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Свободная Ирландия // 1919. — 28 января. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Преступные уловки // 1919. — 30 января. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Предвестия развала // 1919. — 31 января. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Слова и дела // 1919. — 2 февраля. — Подп.: Герасим Чудаков.
[Рец. на кн.:] Скрижалъ. Сборник I // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.
В частности, о М.Горьком, А.Н. Толстом, А.Блоке, В.Брюсове, Вл.Лидине.
- [Рец. на кн.:] Завод огнекрылый // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.
В частности, о М.Герасимове, И.Ерошине.
- Торжество перед пропастью // 1919. — 5 февраля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Черносотенный террор // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Нерадивые учителя // Там же. — Подп.: Г.Чуд.
- Из уездных газет // Там же. — Подп.: Г.Ч.
- Рост революции // 1919. — 7 февраля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Конец Тихона Задонского // 1919. — 8 февраля. — Подп.: Герасим Чудаков.
[Рец. на кн.:] Н.Бердяев. Кризис искусства // 1919. — 9 февраля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Германия в огне // 1919. — 11 февраля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Ледоход // 1919. — 13 февраля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Тайна «мошей»: Стихотв. // 1919. — 14 февраля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Неугомонные // 1919. — 18 февраля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Вредная вражда // 1919. — 20 февраля. — Подп.: Герасим Чудаков.

Красная Армия: Стихотв. // 1919. — 22 февраля. — Подп.: Герасим Чудаков.

Гигантскими шагами // 1919. — 23 февраля. — Подп.: Герасим Чудаков.

[Рец. на кн.:] Армия революции. Орел, 1919 // Там же. — Подп.: Г.Ч.

Обманутые надежды // 1919. — 26 февраля. — Подп.: Герасим Чудаков.

К вопросу о Центральной Библиотеке // 1919. — 7 марта. — Подп.: Герасим Чудаков.

Не выгорело! // 1919. — 8 марта. — Подп.: Герасим Чудаков.

[Рец. на журн.:] Сирена. Воронеж, 1919. №2/3 // 1919. — 9 марта. — Подп.: Герасим Чудаков. *В частности, о Н.Гумилеве, Андрее Белом.*

[Рец. на кн.:] Пролетарский сборник. М., 1918 // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.

[Рец. на кн.:] Программа пролетарской диктатуры // Там же. — Подп.: Г.Ч.

К вопросу о религии // 1919. — 11 марта. — Подп.: Герасим Чудаков.

Годовщина Революции // 1919. — 12 марта. — Подп.: Герасим Чудаков.

[Рец. на кн.:] Г.Зиновьев. Н.Ленин. Пг., 1918 // 1919. — 16 марта. — Подп.: Герасим Чудаков.

Римские лицемеры // 1919. — 20 марта. — Подп.: Герасим Чудаков.

Всероссийское посмешище // 1919. — 22 марта. — Подп.: Герасим Чудаков.

Отрыжка войны // 1919. — 25 марта. — Подп.: Герасим Чудаков.

Во всех концах // 1919. — 27 марта. — Подп.: Герасим Чудаков.

[Рец. на кн.:] Ю.Стеклов. Черная сотня во Франции // 1919. — 30 марта. — Подп.: Герасим Чудаков.

Пропаций святой // 1919. — 17 апреля. — Подп.: Герасим Чудаков.

Первое мая: Стихотв. // 1919. — 1 мая. — Подп.: Герасим Чудаков.

Неосторожность // 1919. — 3 мая. — Подп.: Герасим Чудаков.

Губ<ернская> библиотечная комиссия // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.

О клевете на евреев // 1919. — 10 мая. — Подп.: Герасим Чудаков.

Выпустили // 1919. — 27 мая. — Подп.: Герасим Чудаков.

Зверь // 1919. — 1 июня. — Подп.: Герасим Чудаков.

На старый лад // 1919. — 5 июня. — Подп.: Герасим Чудаков.

В грозные дни: Стихотв. // 1919. — 13 июня. — Подп.: Герасим Чудаков.

[Рец. на кн.:] В.М.Фриче. Поэзия империализма и поэзия демократии // — 1919. — 13 июля. — Подп.: А.Т.

[Рец. на кн.:] В.Керженцев. Газета // Там же. — Подп.: Г.Ч.

[Рец. на кн.:] А.Блок. Катилина // 1919. — 20 июля. — Подп.: Г.Ч.

Dubia

Любовные письма Преосвященнейшего Амвросия, Епископа Елецкого, Распутина Рязанского // 1918. — 12 октября. — Подп.: Безбожный Большевик.

Гибель старого мира // 1918. — 7 ноября. — Подп.: А.И.

Когда кончится война?: (Лекция тов. Зобкова) // 1919. — 17 июня. — Подп.: А.Т.

Еще один! // 1919. — 1 июля. — Подп.: Антип Хлыстов.

Людоеды // 1919. — 11 июля. — Подп.: Антип Хлыстов.

В дебрях обывательщины // 1919. — 16 июля. — Подп.: Антип Хлыстов.

«Мужички за себя постоят» // 1919. — 17 июля. — Подп.: Антип Хлыстов.

«Кооператоры» // 1919. — 19 июля. — Подп.: Антип Хлыстов.

«Специалисты» // 1919. — 23 июля. — Подп.: Антип Хлыстов.

Советские попы // 1919. — 30 июля. — Подп.: Антип Хлыстов.

Теплая компания // 1919. — 7 августа. — Подп.: Антип Хлыстов.

Роковое недоразумение // 1919. — 13 августа. — Подп.: Антип Хлыстов.

Камни вопиют // 1919. — 23 августа. — Подп.: Антип Хлыстов.

Необходимо предвидеть // 1919. — 24 августа. — Подп.: Антип Хлыстов.

Деникинская расправа // 1919. — 28 августа. — Подп.: Антип Хлыстов.

Из народников в прохвосты // 1919. — 4 сентября. — Подп.: Антип Хлыстов.

Долой «середину!» // 1919. — 7 сентября. — Подп.: Антип Хлыстов.

Корни контр-революции // 1919. — 10 сентября. — Подп.: Антип Хлыстов. *Об И.М.Тинякове.*

В недрах христианства // 1919. — 12 сентября. — Подп.: Антип Хлыстов.

Они не ошибаются // 1919. — 13 сентября. — Подп.: Антип Хлыстов.

Корни контр-революции: Статья вторая: (Внимание Ч.К.) // 1919. — 18 сентября. *Об И.М.Тинякове.*

Чего же хотят англичане // 1919. — 20 сентября. — Подп.: Антип Хлыстов.

И гадко, и смешно // 1919. — 23 сентября. — Подп.: Антип Хлыстов.

Известия Казанского губернского совета крестьянских депутатов*

Красному Орлу // 1919. — 17 октября. — Подп.: Г-м Ч.

* Также под названиями: «Знамя революции» (до 30 апреля 1920), «Знамя труда» (до 29 июня 1920), «Известия Ревкома Татарской Соц. Сов. республики, губкома РКП(б) и Казанского горсовета».

Где крестом, а где — штыком // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.

Народный поэт и золотопогонники // 1919. — 18 октября. — Подп.: Герасим Чудаков.

О разрушении памятника Т.Г.Шевченко в Киеве.

Победа зверя // 1919. — 19 октября. — Подп.: Герасим Чудаков.

Друзья с Востока // 1919. — 20 октября. — Подп.: Герасим Чудаков.

Перед взрывом // 1919. — 24 октября. — Подп.: Герасим Чудаков.

Надо бить до конца // 1919. — 26 октября. — Подп.: Герасим Чудаков.

Условия погромщика // 1919. — 28 октября. — Подп.: Герасим Чудаков.

К беспартийной конференции // 1919. — 29 октября. — Подп.: Ал. Орловский.

Куйте победу! // 1919. — 2 ноября. — Подп.: Ал. Орловский.

В дни обороны // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.

В наступление!: Стихотв. // 1919. — 26 октября. — Подп.: Герасим Чудаков.

Женщина-работница: Стихотв. // 1919. — 2 ноября. — Подп.: Герасим Чудаков.

К открытию конференции [беспартийных] // 1919. — 5 ноября. — Подп.: Ал. Орловский.

[Рец. на кн.:] С.Малашкин. Мускулы // 1919. — 16 ноября. — Подп.: Ал. Орловский.

[Рец. на кн.:] Д.Гопс. Правда о Библии // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.

Смерть героя // 1919. — 18 ноября. — Подп.: Ал. Орловский.

Красный флот // 1919. — 19 ноября. — Подп.: А. Орл.

Большевизм в оценке врагов // 1919. — 20 ноября. — Подп.: Александр Орловский.

Отчего погибнет религия? // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.

Одни за другими // 1919. — 21 ноября. — Подп.: Герасим Чудаков.

Женщина-работница и коммунизм // Там же. — Подп.: Ал. Орловский.

«Клич юного коммунара» // 1919. — 27 ноября. — Подп.: Герасим Чудаков.

Контр-революция гибнет // 1919. — 28 ноября. — Подп.: Герасим Чудаков.

Пролетарская клятва: Стихотв. // 1919. — 29 ноября. — Подп.: Герасим Чудаков.

Суд над советской Венгрией // 1919. — 30 ноября. — Подп.: Герасим Чудаков.

Неделя красного пайка // Там же. — Подп.: Александр Орловский.

Раскрепощение молодежи // 1919. — 2 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.

Мелкотравчатые // 1919. — 3 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.

На борьбу! // Там же. — Подп.: Александр Орловский.

Победит молодое!: [Стихотв.] // 1919. — 4 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.

Во все тяжкие // 1919. — 5 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.

Православные «подвижники» // 1919. — 6 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.

Все на помощь семьям красных воинов // 1919. — 7 декабря. — Подп.: Александр Орловский.

[Рец. на кн.:] Я.Бердников. Цветы сердца // Там же. — Подп.: Г.Ч.

«Мы победили прочно» // 1919. — 9 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.

В неделю красного пайка: Стихотв. // Там же. — Подп.: Г.Ч.

Красная неделя // Там же. — Подп.: Александр Орловский.

Под знаком Победы // 1919. — 10 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.

Будем работать настойчиво! // Там же. — Подп.: Александр Орловский.

В ногу с фронтом // 1919. — 11 декабря. — Подп.: А.Орловский.

Боевой клич // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.

Справедливая кара // 1919. — 12 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.

Надо уничтожить дезертирство // 1919. — 13 декабря. — Подп.: Ал. Орловский.

Голос армии // 1919. — 18 декабря. — Подп.: Ал. Орловский.

Памяти Я.П.Полонского: (К столетию со дня его рождения) // 1919. — 19 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.

Новый подход // 1919. — 21 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.

Разруха // 1919. — 23 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.

К губернскому съезду красной молодежи // Там же. — Подп.: Ал. Орловский.

К открытию Казанской драматической студии // 1919. — 24 декабря. — Подп.: Г.Ч.

Победа // 1919. — 26 декабря. — Подп.: Александр Орловский.

Палачи за работой // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.

Завет Марата: Стихотв. // 1919. — 28 декабря. — Подп.: Герасим Чудаков.

«Цвет страны» // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.

О судьбах писателей, связанных с белогвардейским движением.

Боевой зов // 1919. — 31 декабря. — Подп.: Александр Орловский.

К новому году // 1920. — 1 января. — Подп.: Г.Ч.

Художественная литература в 1919 г. // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.

Новогодний обет (1920): Стихотв. // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.

К «Неделе фронта» // Там же. — Подп.: Ал. Орловский.

Кого сегодня чествуют? // 1920. — 7 января. — Подп.: Герасим Чудаков.

Крепче держите винтовку // 1920. — 14 января. — Подп.: Герасим Чудаков.

Крестьяне, помогите рабочим! // Там же. — Подп.: Александр Орловский.

Тыл — фронту: Стихотв. // 1920. — 21 января. — Подп.: Герасим Чудаков.

День рождения русской революции // 1920. — 22 января. — Подп.: Ал. Орловский.

9-е января: (Рассказ старого рабочего): Стихотв. // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.

Колчак добит! // 1920. — 26 января. — Подп.: Ал. Орловский.

Очередь за товарищами железнодорожниками // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.

Привет борцу: [О К.Радеке] // 1920. — 27 января. — Подп.: Ал. Орловский.

Как бы нам не промахнуться! // 1920. — 28 января. — Подп.: Герасим Чудаков.

- С винтовкой и молотом в руках // 1920. — 4 февраля. — Подп.: Александр Орловский.
- Еще о дезертирах // 1920. — 8 февраля. — Подп.: Александр Орловский.
- Лишенные прав // 1920. — 10 февраля. — Подп.: Герасим Чудаков.*
- Большевизм и мировая культура // 1920. — 20 февраля. — Подп.: Герасим Чудаков.
По поводу интервью Д.С.Мережковского газете «Минский курьер».
- Наш север свободен // 1920. — 21 февраля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Большой человек о великом // 1920. — 27 февраля. — Подп.: Герасим Чудаков.
По поводу воспоминаний М.Горького о Льве Толстом.
- Революция. Поэма в картинах // 1920. — 12 марта. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Памяти Парижской Коммуны: Стихотв. // 1920. — 18 марта. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Памяти героев: (18-е марта 1871 г.) // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Несколько слов о верующих // 1920. — 20 марта. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Злокачественная язва // 1920. — 24 марта. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Ответ «евангелисту» // 1920. — 25 марта. — Подп.: Герасим Чудаков.**
- В Германии: Стихотв. // 1920. — 28 марта. — Подп.: Герасим Чудаков.
- [Рец. на кн.:] И.Ходоровский. Партийные и беспартийные // 1920. — 30 марта. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Гений героического класса // 1920. — 22 апреля. — Подп.: Герасим Чудаков.
О Ленине.
- Мы победим // 1920. — 15 мая. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Всеобуч — крепость советской России // 1920. — 20 мая. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Удар по черносотенцам // 1920. — 23 мая. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Новые казанские издания // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Злая воля // 1920. — 25 мая. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Против общего врага // 1920. — 26 мая. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Путь к оправданию // 1920. — 27 мая. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Революционная война: Стихотв. // 1920. — 28 мая. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Искусство и революция // 1920. — 3 июня. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Поляки и Европа // 1920. — 4 июня. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Долговечные поганки: [Рец. на кн.: Плавильня слов] // 1920. — 6 июня. — Подп.: Герасим Чудаков.
[Рец. на кн.:] К.А. Тимирязев. Развитие естествознания в России // Там же. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Деникинцы во дни разгрома // 1920. — 9 июня. — Подп.: Герасим Чудаков.
В частности, о В.П.Свентицком, С.А.Соколове-Кречетове.
- [Рец. на кн.:] Р.Пельше. Нравы и искусство французской революции // 1920. — 13 июня. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Лучше поздно, чем никогда // 1920. — 18 июня. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Отчего погиб Суриков // 1920. — 20 июня. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Польскому пану: Стихотв. // 1920. — 23 июня. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Новый труд по истории Поволжья: [Рец. на кн.: Фирсов Н.Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Казань, 1920] // 1920. — 3 июля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Так им и надо: (По поводу последних расстрелов) // 1920. — 7 июля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- [Рец. на кн.:] Р.Пельман. Ранний христианский коммунизм // 1920. — 8 июля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Никакой пощады // 1920. — 9 июля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- На распутии // 1920. — 13 (в заголовке опечатка: 18) июля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Соломинка // 1920. — 14 июля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- [Рец. на журн.:] Казанский музейный вестник. №3/4 // 1920. — 15 июля. — Подп.: Г.Ч.
- Праздник перед боем // 1920. — 16 июля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Среди журналов и книг: [О журнале «Знание — сила»] // 1920. — 20 июля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Сила фактов // 1920. — 23 июля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- В час победы: Стихотв. // 1920. — 24 июля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Угрозы // 1920. — 29 июля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Без опоры // 1920. — 30 июля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Раненый зверь // 1920. — 31 июля. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Барское тупоумие // 1920. — 3 августа. — Подп.: Герасим Чудаков.
О выступлениях Д.В.Философова.
- Перлы буржуазной клеветы // 1920. — 4 августа. — Подп.: Герасим Чудаков.
- [Рец. на кн.:] С.А.Жебелев. Евангелия канонические и апокрифические // 1920. — 5 августа. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Вокруг мертвечины // 1920. — 6 августа. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Бить до конца // 1920. — 10 августа. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Трезвое слово // 1920. — 11 августа. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Революция: Стихотв. // 1920. — 5 сентября. — Подп.: Герасим Чудаков.
- Попы на фронте // 1920. — 7 сентября. — Подп.: Герасим Чудаков.

* 18 февраля была опубликована статья о журнале «Знание — сила».

** Помечено: «Продолжение следует». Следующий номер в библиотеках отсутствует.

Чехословацкий урок // 1920. — 10 сентября. — Подп.: Герасим Чудаков.

Французские аппетиты // 1920. — 11 сентября. — Подп.: Герасим Чудаков.

[Рец. на кн.:] И.Ходоровский. III Коммунистический Интернационал // 1920. — 14 сентября. — Подп.: Г.Ч.

С панами надо кончать! // 1920. — 15 сентября. — Подп.: Герасим Чудаков.

На Дальнем Востоке светлеет // 1920. — 16 сентября. — Подп.: Герасим Чудаков.

Итальянская буря // 1920. — 17 сентября. — Подп.: Герасим Чудаков.

Виновники разрухи // 1920. — 23 сентября. — Подп.: Герасим Чудаков.

Dubia

К юбилею съезда химиков // 1919. — 24 декабря. — Подп.: А.Т.

К братьям-крестьянам // 1920. — 4 февраля. — Подп.: Крестьянин из города.

На Алафузовском заводе // 1920. — 13 февраля. — Подп.: Ч-ов.

Новости (Пг., 1922)

Письмо в редакцию // 6 июня.

[Рец. на кн.:] Леонардо да Винчи / Ред. А.Л.Волынский. СПб., 1922 // 12 июня. Подп.: А.Т.

[Рец. на кн.:] Ж.Ромен. Донгоо-Тонка // 26 июня.

Судьба веры в бога // 3 июля. — Подп.: А.Т.

[Рец. на кн.:] Э.Т.А. Гофман. Музыкальные новеллы // Там же. — Подп.: А.Т.

Привет: Стихотв. // 10 июля.

Памяти Валемира <так!> Хлебникова // 17 июля. — Подп.: Ал. Т-в.

Последние новости (Пг.-Л., 1922-1924)

[Рец. на кн.:] Ф.Бэкон. Новая Атлантида // 1922. — 7 августа.

Памяти Ал. Блока: В Доме Литераторов // 1922. — 14 августа.

[Рец. на кн.:] Шишков Вяч. Вихрь // 1922. — 21 августа.

[Рец. на кн.:] К.Гольдони. Т. I. Комедии / Пер. И.В. и А.В. Амфитеатровых // 1922. — 29 августа. — Подп.: Т.

[Рец. на кн.:] Е.М.Браудо. Э.Т.А.Гофман // там же. — Подп.: А.Т.

Новые книги об Ал. Блоке: [Бекетова М.А. Александр Блок; Записки мечтателей. 1922. Кн. 6] // 1922. — 11 сентября.

[Рец. на кн.:] Р.Роллан. Театр революции; И.Лукашин. О тебе, моя скорбница Русь // 1922. — 18 сентября. — Подп.: Александр Т.

[Рец. на кн.:] Р.Тагор. Жертвоприношение // Там же. — Подп.: А.Т.

[Рец. на кн.:] Т. Богданович. Биография В.Г.Короленко // Там же.

Вечер в честь М.Горького // 1922. — 2 октября. — Подп.: А.Т.

[Рец. на кн.:] А.Ремизов. Сказки обезьяньего царя Асыки; Е. Тибетский сказ; Ляо Чжай: Лисьи чары // Там же. — Подп.: А.Т.

[Рец. на кн.:] Ф.Ф.Зелинский. Религия эллинизма // 1922. — 9 октября.

Петр и Пьер // 1922. — 15 октября. — Подп.: Аз Твердо.

Новые книги о Востоке: [Рец. на сб.: Новый Восток; Восток] // Там же.

[Рец. на кн.:] М.Г.Флеер. Неизвестный рисунок Агина // Там же. — Подп.: Ал. Т-ков.

[Рец. на кн.:] Р.Фрейман. Ex-libris // Подп.: А.Т.

Критические раздумья. I: [Рец. на журн.: Абракас: Кн. I] // 1922. — 23 октября.

[Рец. на кн.:] О.Вальцель. Импрессионизм и

экспрессионизм в современной Германии // Там же. — Подп.: А.И.Т.

Критические раздумья. II. Двадцатая книга «Былого» // 1922. — 30 октября.

[Рец. на кн.:] М.Слонимский. Шестой Стрелковый; Гете. Страдания юного Вертера // Там же. — Подп.: Александр Т.

[Рец. на кн.:] С.Эрнст. З.Е.Серебрякова // Там же. — Подп.: А.Т.

Литературные новости // Там же. — Подп.: Ал. Т-ков.

Слава работе: Стихотв. // Там же.

Критические раздумья. III. Петербург // 1922. — 8 ноября.

К годовщине Октябрьской революции: [Рец. на журн.: Красная летопись. Кн. 6] // Там же. — Подп.: Ал. Т-ков.

[Рец. на кн.:] Э.По. Золотой жук // Там же. — Подп.: А.Т.

[Рец. на кн.:] А.Е.Пресняков. Лаппо-Данилевский // Там же. — Подп.: Александр Т.

Критические раздумья. IV. «Искусство и народ» // 1922. — 20 ноября.

К литературе о Тургеневе [отзывы о кн. Ю.Г.Оксмана и И.Н.Игнатов] // 1922. — 27 ноября. — Подп.: Т.

Критические раздумья. V. Германия — жива: [Рец. на кн.: Ф.Верфель. Человек из зеркала] // Там же.

Критические раздумья. VI. Поэзия слова или... распутство слов: [Рец. на кн.: Андрей Белый. Поэзия слова] // 1922 — 4 декабря.

[Рец. на кн.:] А.Н.Толстой. Лунная сырость; Воспоминания Гинденбурга // Там же. — Подп.: А.Т.

Критические раздумья. VII. Отголоски юбилея Достоевского // 1922. — 11 декабря.

[Рец. на кн.:] Р.Маран. Батуала // Там же. — Подп.: А.Т.

- Критические раздумья. VIII: [Рец. на журн.: Абрахас. Кн. II] // 1922. — 18 декабря.
- Новые книги о декабристах // 1922. — 25 декабря. — Подп.: А.Т.
- Критические раздумья. IX. : [Рец. на журн.: Литературная мысль. Кн. I] // 1923. — 2 января.
- Критические раздумья. X. Новости исторической литературы // 1922. — 15 января.
- Критические раздумья. X. <Должно быть: XI>. Великий бунт... маленького человека: [Рец. на кн.: Э.Голлербах. «Розанов»] // 1923. — 20 января.
- [Рец. на кн.:] П.Н.Сакулин. Русская литература и социализм // Там же.
- Критические раздумья. XII. К толкам о поэзии: [Рец. на кн.: А.Лейтес. Твоих ночей; Альманахи Петербургского объединения обновленного искусства; Д-р Ев. Из-н. Нумана] // 1923. — 23 января.
- Критические раздумья. XIII. Европа перед судом Востока // 1923. — 29 января.
- Критические раздумья. XIV. Праздник Пушкина: [Рец. на кн.: Пушкин. Медный всадник. Рис. А.Н. Бенуа] // 1923. — 12 февраля.
- А.В.Амфитеатров // 1923. — 26 февраля. — Подп.: Ал. Т-ков. — Ложный некролог.
- Критические раздумья. XV. Новости исторической литературы // 1923. — 10 апреля.
- [Рец. на кн.:] О.Ф.Вальдгауэр. Римская портретная скульптура в Эрмитаже // 1923. — 23 апреля.
- [Рец. на кн.:] Дж.Спарго. Он знал Маркса // Там же. — Подп.: А.Т.
- Книжные новинки // 1923. — 30 апреля. — Подп.: А.Т.
- Критические раздумья. XVI. Новые художественные издания // 1923. — 7 мая.
- [Рец. на кн.:] И.Эренбург. Портреты современных поэтов // 1923. — 18 мая. — Подп.: А.Т.
- [Рец. на кн.:] О.Граутофф. Французская живопись с 1914 г. // Там же. — Подп.: А.Т.
- Критические раздумья. XVII. Оклеветанный богослов: [Рец. на кн.: Н.Н.Розенталь. Юлиан-Отступник] // 1923. — 21 мая.
- [Рец. на кн.:] Город, сб. I. // Там же.
- Критические раздумья. XVIII. «Современники» или «Былое»: [Рец. на кн.: И.Шмелев. Гражданин Уклейкин; К.Тренев. Владыка; К.Тренев. На ярмарке; Н.Никандров. Береговой ветер] // 1923. — 4 июня.
- [Рец. на кн.:] Б.Пильняк. Простые рассказы // 1923. — 11 июня. — Подп.: А.Т.
- Критические раздумья. XIX. Воскресающие миры: [Рец. на кн.: В.П.Бузескул. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира] // 1923. — 18 июня.
- [Рец. на кн.:] Волшебный мертвец // Там же. — Подп.: А.Т.
- [Рец. на кн.:] Г.Мейринк. Летучие мыши // 1923. — 25 июня.
- [Рец. на кн.:] П.П.Вейнер. О бронзе // 1923. — 2 июля. — Подп.: А.Т.
- [Рец. на кн.:] А.Ламандэ. Кастаньоль // 1923. — 9 июля.
- [Рец. на кн.:] С.Цвейг. Амок // Там же. — Подп.: Ал. Т-ков.
- [Рец. на кн.:] А. де Гобино. Кандагарские любовники // Там же. — Подп.: А.Т.
- [Рец. на кн.:] В.Сиповский. Поэзия народа // Там же. — Подп.: Ал. Т-ков.
- Новые литературные сборники: [Рец. на кн.: Недра. Кн. I; Литературная мысль. Кн. II; Абрахас. Кн. III; Литературные вечера] // 1923. — 16 июля.
- [Рец. на кн.:] У.Синклер. Принц Гаген // Там же. — Подп.: Т-в.
- [Рец. на кн.:] М.Салтыков-Щедрин. Сказки // Там же. — Подп.: Т.
- От февраля к Октябрю: (В Москве) // 1923. — 23 июля.
- [Рец. на кн.:] Б.Шоу. Екатерина Великая // Там же. — Подп.: А.Т.
- [Рец. на кн.:] В.Чешихин-Ветринский. Н.Г.Чернышевский // Там же.
- Новые книги для детей // 1923. — 30 июля. — Подп.: А.Т.
- [Рец. на кн.:] Марат. Письма // Там же. — Подп.: Ал. Т-ков.
- Памяти А.А.Блока: Отрывки из воспоминаний // 1923. — 6 августа.
- [Рец. на кн.:] В.Фриче. Очерк по искусству // Там же. — Подп.: А.Т.
- [Рец. на кн.:] Литературные портфели // Там же. — Подп.: Ал. Т-ков.
- [Рец. на кн.:] Т.Л.Сухотина-Толстая. Друзья и гости Ясной Поляны // Там же. — Подп.: А.Т.
- [Рец. на кн.:] Х.Н.Бялик. Рассказы // 1923. — 13 августа. — Подп.: А.Т-ков.
- Критические раздумья. XX. Модники и вечное: [Рец. на кн.: Ю.Райтлер. Вериги; Антология китайской лирики] // 1923. — 27 августа.
- [Рец. на кн.:] Беседы А.Франса // Там же. — Подп.: А.Т.
- [Рец. на кн.:] А.Беро. Страдания Толстяка // Там же. — Подп.: Т-ков.
- [Рец. на кн.:] А.Штернгейм. Четыре новеллы // Там же. — Подп.: Ал. Т-в.
- [Рец. на кн.:] К.Фаррер. Новые люди // Там же.
- [Рец. на кн.:] Анналы. Кн. 3 // Там же. — Подп.: А.Т.
- [Рец. на кн.:] И.Василевский (Не-Буква). Николай II // 1923. — 10 сентября. — Подп.: Т-к-в.
- [Рец. на кн.:] А.Франс. «Иокаста» и «Тощий кот» // Там же. — Подп.: А.Т.
- [Рец. на кн.:] Памяти Александра Блока // Там же.
- Новые книги о Павловске // 1923. — 17 сентября.
- Новые книги // 1923. — 1 октября. Подп.: А.Т.
- [Рец. на кн.:] Г.Уэльс. Билби // 1923. — 15 октября. — Подп.: Ал.Т.
- [Отзыв о новых книгах изд-ва «Атеней»] // 1923. — 22 октября. — Подп.: А.Т.
- [Рец. на кн.:] Вл. Волькенштейн. Драматургия // Там же. — Подп.: Ал. Т-ков.
- [Рец. на кн.:] А.Кугель. Театральные портреты // Там же. — Подп.: Ал.Т.
- [Рец. на кн.:] Р.Эден. Эйнштейнова соната // 1923. — 29 октября. — Подп.: Т-н-к-в.
- [Рец. на кн.:] Б.Перес Гальдос. Очарованный Кавальеро // Там же. — Подп.: А.Т.
- [Рец. на кн.:] Р.Тагор. Пьесы и стихотворения в прозе // 1923. — 12 ноября. — Подп.: А.Т.
- [Рец. на кн.:] Б.И.Горев. История социализма в связи с развитием рабочего движения // Там же. — Подп.: Т.
- Критические раздумья. XXI. Великая поэма: [Рец.

на кн.: В.А.Пыпин. Любовь в жизни Чернышевского // 1923. — 26 ноября.

[Рец. на кн.:] В.Ф.Натали. Естествознание в новой школе // Там же. — Подп.: А.Т.

[Рец. на кн.:] В.Дорошевич. Сказки и легенды // Там же. — Подп.: А.Т.

[Рец. на кн.:] К.Гагеман. Игры народов // Там же. — Подп.: Ал. Т-ков.

[Рец. на кн.:] Ж.Ромен. Одна из смертей // Там же. — Подп.: А.Т.

Критические раздумья. XXII. «Кааран-Тамо»: [Рец. на кн.: Н.Н.Миклухо-Маклай. Путешествия. Т.1] // 1923. — 3 декабря.

[Рец. на кн.:] В.Бузескул. Перикл // Там же. — Подп.: А.Т.

Критические раздумья. XXIII. «Нет дыма без огня»: [О «Необыкновенной истории» И.А.Гончарова] // 1923. — 10 декабря.

[Рец. на кн.:] С.Н.Тройницкий. Английское серебро // Там же. — Подп.: А.Т.

[Рец. на кн.:] О.Вальцель. Проблема формы в поэзии // Там же. — Подп. Ал. Т-ков.

Валерий Яковлевич Брюсов: Отрывки из воспоминаний // 1923. — 17 декабря.

[Рец. на кн.:] Стендаль. Новеллы, хроники и эпизоды // Там же.

[Рец. на кн.:] Э.Борхард. Экономическая история Германии // Там же. — Подп.: А.Т.

[Рец. на кн.:] А.Кугель. Литературные воспоминания // Там же. — Подп.: Ал.Т-ков.

[Рец. на кн.:] А.Пушкин. Цыганы // 1923. — 24 декабря.

[Рец. на кн.:] М.Кузнецова. Гринька и Гранька // 1923. — 31 декабря. — Подп.: А.Т.

[Рец. на кн.:] А.Чапугин. Одинокие // Там же. — Подп.: Ал. Т-ков.

[Рец. на кн.:] Арена: Театральный альманах // 1924. — 14 января. — Подп.: А.Т.

[Рец. на кн.:] А.Вальдгауэр. Античная скульптура // 1924. — 29 января.

[Книжные новинки] // Там же. — Подп.: А.Т.

[Рец. на кн.:] А.Бенуа. Девственница // 1924. — 4 февраля. — Подп.: Ал. Т-ков.

[Рец. на кн.:] И.Ф.Полак. Строение звездного мира // Там же. — Подп.: Ал. Т-в.

[Рец. на кн.:] Ник. Каринцев. Люди сильной воли // Там же. — Подп.: А.Т.

[Книжные новинки] // Там же. — Подп.: А.Т.

[Рец. на кн.:] С.Ф.Платонов. Прошлое русского Севера // 1924. — 11 февраля.

[Рец. на кн.:] А.Альбала. Искусство писателя // Там же. — Подп.: А.Т.

Книжные новинки // Там же. — Подп.: А.Т.

[Рец. на кн.:] Ф.Дюшен. Тамилла // 1924. — 18 февраля.

[Рец. на кн.:] Г.Бертстедт. Праздник Йоргена // 1924. — 10 марта. — Подп.: Ал. Т-ков.

[Рец. на кн.:] О.Мирбо. Рябая корова // Там же. — Подп.: А.Т.

[Книжные новинки] // Там же. — Подп.: А.Т.

Как они гнили: [Рец. на кн.: Т.А. Богданович. Три последних самодержца] // 1924. — 17 марта.

[Рец. на кн.:] В.Дубовской. О пролетарской литературе // 1924. — 19 марта. — Подп.: Ал. Т-в.

[Рец. на кн.:] Э.Бюрнэ. Вдали от России // Там же.

[Рец. на кн.:] Ж.Рони-старший. Хищник-гигант // Там же. — Подп.: А.Т.

Книжные новинки // 1924. — 24 марта. Подп.: А.Т.

[Рец. на кн.:] Ж.Психари. Отшельник Тихого океана // 1924. — 7 апреля. — Подп.: А.Т.

[Рец. на кн.:] Э.Голлербах. Рисунки М.Добужинского // Там же.

[Рец. на кн.:] Я.Вассерман. Мой путь как немца и еврея // 1924. — 14 апреля.

[Книжные новинки] // 1924. — 21 апреля. — Подп.: А.Т.

Критические раздумья. XXIV. Тревога: [Рец. на кн.: Писатели об искусстве и о себе] // 1924. — 28 апреля.

Боевая книга: [Рец. на кн.: Комсомольская Пасха] // Там же. — Подп.: Ал. Т-ков.

[Рец. на кн.:] А.Адес, А.Иозипович. Книга о Гохе-Дураке // Там же. — Подп.: Т-в.

[Рец. на кн.:] В.А.Никольский. В.И.Суриков // Там же. — Подп.: Ал. Т-ков.

[Рец. на кн.:] Э.Синклер. Самуэль-искатель // 1924. — 5 мая. Подп.: Ал. Т-ков.

[Рец. на кн.:] В.А.Никольский. Старая Москва // Там же. — Подп.: Ал. К-ов.

[Рец. на кн.:] Н.Анциферов. Быль и миф Петербурга // Там же. — Подп.: Ал. Т.

Книжные, журнальные и газетные обзоры «DV» информируют о материалах в текущей печати, относящихся к русской литературе 1890-1930-х гг.

Аннотации составляются на основе данных, сообщаемых в обозреваемых изданиях. «DV» не несет ответственности за неточные сведения, ошибки публикаторов и авторов.

КНИГИ

Волошин М. Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка / Сост., подгот. текста, вступит. ст. и коммент. З.Д.Давыдова и В.П.Купченко. — Минск: Мастацкая літаратура, 1993. — 479 с. — Тираж 90000 экз. — (Библиотека отечественной и зарубежной классики).

Очередной сборник М.Волошина составлен из произведений, неоднократно переиздававшихся в 1989-1990 гг. (объяснение, очевидно, — в датах сдачи тома в набор и подписания в печать: 8 августа 1990 г. и 28 мая 1991 г. соответственно). Однако, последний раздел сборника — «Переписка» — кажется, может оправдать присутствие книги на книжной полке. В этом разделе — переписка М.Волошина с А.Бенуа (1903-1924 гг.), Б.Савинковым (1915-1920 гг.), И.Эренбургом (1913-1916 гг.), М.Булгаковым (1925-1926 гг.), письма к М.Волошину К.Бальмонта (1904-1920 гг.), М.Цветаевой (1910-1923 гг.), Е.Замятина (1923-1925 гг.). Многие из этих материалов уже печатались в различных периодических изданиях, но еще не собирались под книжным переплетом.

Поплавский Б. Домой с небес: Романы / Сост., вступ. ст. и примеч. Л.Аллена. — СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. — 352 с. — Тираж 5000 экз. — (Литература русского зарубежья).

В книгу вошли романы «Аполлон Безобразов» и «Домой с небес», известные ранее лишь во фрагментах и впервые печатаемые по авторским рукописям в полном объеме. В предисловии Л.Аллена «Домой с небес: О судьбе и прозе Бориса Поплавского» — биографические сведения о писателе, обзор критических работ о нем, анализ двух романов.

Небесная арка: Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. К.М.Азадовского. — СПб.: Акрополь, 1992. — 383 с. — Тираж 10000 экз.

Книга состоит из трех частей, в разной мере знакомых читателю: первую и вторую составили неоднократно публиковавшиеся переписка Цветаевой и Рильке и некоторые письма Цветаевой Б.Пастернаку, рильковская «Элегия для Марины», цветаевские

произведения, обращенные к Рильке, в третьем разделе — впервые печатаются письма 1930-1933 гг. Цветаевой к Н.Вундерли-Фолькарт (1878-1962), близкой приятельнице Рильке в последний период его жизни. Все документы сопровождаются обстоятельным 150-страничным комментарием; книгу заключает именной указатель.

Особо отметим полиграфическое качество книги, столь редко встречающееся в историко-литературных изданиях.

Рябину рубили...: [Сб.]. — М.: Возвращение, 1992. — 18 с. — Тираж 1000 экз.

Брошюра выпущена к 100-летию со дня рождения М.Цветаевой и представляет собой «фрагменты из подготовленного к печати альманаха «Русский Барбизон», составленного Еленой Климовой и Валентиной Карповой» (из издательской аннотации). Впервые публикуется запись из дневника Т.Паустовской от 3 ноября 1941 г., сделанная под впечатлением от знакомства с Цветаевой в Чистополе (предисловие Г.Арбузовой), а также «фрагменты воспоминаний о Марине Цветаевой» «Предсмертье» Л.Чуковской и стихотворения Цветаевой «Осень в Тарусе», «Ах, золотые деньки...», «Рябину рубили...».

Yav': Reprint of the 1919 Moscow edition / Introduction, notes, corrections by G.McVay. — Oxford: Willem A.Meeuws-Publisher, 1993. — XXII + 69 p.

Сборник «Явь» (М., 1919), в который вошли поэтические произведения А.Белого, Г.Владычиной, С.Есенина, Р.Ивнева, В.Каменского, А.Мариенгофа, А.Оленина, П.Орешина, Б.Пастернака, С.Рексина, С.Спасского, И.Старцева и В.Шершеневича, воспроизводится по экземпляру, 27/III — 66 г. находившемуся в руках Р.Ивнева (как свидетельствует автограф на с.40). Вступительная статья профессора Бристольского университета Г.Маквея состоит из двух разделов. В первом излагается история составления репринтируемого издания и оценивается вклад каждого из его участников, во втором — внимание автора сконцентрировано на восприятии сборника критикой, подвергшей А.Мариенгофа, одного из главных инициаторов издания, сокрушительному огню — за вызывающе откровенное изображение революции. Репринт снабжен списком допущенных в издании 1919 г. опечаток. «Явь» вновь стала явью благодаря

сотрудничеству Г.Маквея с оксфордским книготорговцем и издателем В.Меусом, ранее ими же был подготовлен репринт сборника «Сергей Есенин: Жизнь, личность, творчество» (М., 1926), см.: Sergei Esenin: Zhizn', lichnost', tvorchestvo'. Oxford, 1992.

Терентьев И. Мои похороны: Стихи. Письма. Следственные показания. Документы. — М.: Гилея, 1993. — 64 с. — Тираж 150 экз.

Библиофильское издание, 25 экземпляров которого именные в продажу не поступали, а 125 — нумерованные. Книга составлена С.Кудрявцевым и выпущена в серии, названной его же именем — «Библиотека Сергея Кудрявцева». Составили ее материалы, дополняющие том сочинений И.Терентьева, подготовленный М.Марцадури и Т.Никольской и вышедший в 1988 г. в Болонье. В первом разделе факсимильно воспроизводится рукописная книга стихов Терентьева, написанная 15 апреля 1937 г. (поздние редакции стихотворений 1918-1919 гг., книга сохранилась в Музее В.В.Маяковского в Москве). В разделе «Письма» — 8 из 11 сохранившихся писем Терентьева к М.М.Карповичу и М.Е.Пресняковой и одно письмо М.В.Карпович (1917-1922 гг.) — ценный источник для творческой биографии Терентьева и его соратников той поры И.Зданевича и А.Крученых (печатаются по ксерокопиям с оригиналов, хранящихся у родственников М.М.Карповича в США). В остальных двух разделах — следственные показания Терентьева 1931 г. (в частности, подробности поездки с К.Зданевичем 1921 г. в Константинополь) и документы, касающиеся его арестов в 1931 и 1937 гг. (в частности, ходатайство о смягчении приговора 1931 г., подписанное Н.Асеевым, О.Бриком, Л.Кассилем, П.Незнамовым, В.Катаняном, С.Кирсановым и В.Жемчужным). В заключении — краткая хроника жизни и деятельности Терентьева и перечень его книг. Публикуемые документы даются с купюрами и снабжены только краткими предисловиями, но более чем малый тираж книги примиряет с недостаточной научной подготовкой издания.

Минувшее: Исторический альманах. — М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1993. — [Вып.] 13. — 560 с. — Тираж 3816 экз.

В рекордно короткие сроки осуществив в 1990-1993 гг. репринтное переиздание первых двенадцати выпусков альманаха (который, конечно, не нуждается в представлении читателю «DV»), редакция «Минувшего» приступила к выпуску новых томов. Как и все предыдущие выпуски, тринадцатый радует разнообразием публикуемого материала и высоким уровнем научного аппарата. В разделе «Воспоминания» — мемуары Б.Садовского «“Весы”: (Воспоминания сотрудника)», обстоятельно подготовленные Р.Л.Шербаковым, и П.Н.Зайцева «Первая московская литературная газета “Московский понедельник”»; публикация и предисловие В.П.Абрамова (эти воспоминания, нуждающиеся, конечно, в комментариях, удачно дополнила бы роспись содержания действительно уникальной газеты, вышедшей в 1922 г.) Вполне сенсационную переписку А.Амфитеатрова и Б.Савинкова 1923-1924 гг. (повествующую, в частности, о нереализованном замысле итальянской вооруженной

интервенции в Россию) публикуют Э.Гарэтто, А.И.Добкин и Д.И.Зубарев. Ценнейший историко-литературный материал представлен в письмах Б.Пастернака к К.Г.Локсу 1912-1952 гг. (подготовлено Е.Б. и Е.В. Пастернаками), А.Белого к Н.И.Петровской 1903-1904 гг. (А.В.Лавров), К.Бальмонта к Л.Л.Пименовой-Нобль и Л.Нобль 1925-1934 гг. (Ж.Шерон), А.Е.Адалис к М.М.Шапской 1924-1931 гг. (А.Л.Евстигнеева, Н.К.Пушкарева), переписке А.Белого и П.Н.Зайцева 1918-1928 гг. (Д.Мальмстад). Закрывают том две обширные дневниковые публикации: фрагменты из дневника А.И.Оношквич-Яцыны — переводчицы, ученицы М.Л.Лозинского — за 1919-1927 гг. (Н.К.Телетова) и дневник М.Кузмина за 1921 г. (Н.А.Богомолов, С.В.Шумихин).

Отдельные пропуски в комментарии (письма Адалис, дневник Оношквич-Яцыны) не портят общего впечатления — альманах остается верен своему направлению и выдерживает заявленный с первых выпусков высокий научный уровень.

Минувшее: Исторический альманах. — М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1993. — [Вып.] 14. — 528 с. — Тираж 3816 экз.

В отличие от предыдущего выпуска, в четырнадцатом «Минувшем» меньше историко-литературного материала. Продолжается публикация переписки А.Белого и П.Н.Зайцева, начатая в 13 выпуске и подготовленная Д.Мальмстадом (письма 1928-1930 гг.) Р.Л.Шербаков и Е.А.Муравьева публикуют переписку Н.Петровской 1906-1911 гг. с В.Ходасевичем и ее же письмо Е.В.Выставкиной-Галлоп. Письма Н.Бердяева к Э.Ф.Голлербаху 1915-1919 гг. подготовлены А.Б.Блюмбаумом и Г.А.Моревым, В.Ходасевича к В.Лидину 1917-1924 гг. — И.Андреевой, материалы по истории ВОКСа (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей) 1930-1940-х гг. — А.В.Голубевой и В.А.Невежиным.

Штемпель Н.Е. Мандельштам в Воронеже: Воспоминания / Вступит. ст. Д.П.Заславского; Сост. В.Н.Гыдова, П.М.Нерлера; Подгот. текста и примеч. В.Н.Гыдова. — М., 1992. — 148 с. — Тираж 500 экз.

Книга подготовлена в рамках издательской программы Мандельштамовского общества; все экземпляры тиража пронумерованы. Помимо воспоминаний Н.Е.Штемпель (1908-1988), в книгу включены разнообразные дополнительные материалы: «Автобиография» Н.Штемпель, ее статьи «Мандельштам в Воронеже» и «Памяти Надежды Яковлевны Мандельштам», отрывки из ее писем составителям книги П.Нерлеру и В.Гыдову 1981-1987 гг., а также воспоминания воронежского поэта Д.П.Заславского о Н.Штемпель «Гений дружбы» и М.Ярцевой «О моей дружбе с Натальей Евгеньевной Штемпель» и «Мои встречи с О.Э. и Н.Я. Мандельштам». Все тексты Н.Штемпель, уже появившиеся в печати в 1987-1991 гг., публикуются в расширенных вариантах (за исключением воспоминаний о Н.Мандельштам, публикуемых впервые).

Ло Гатто Э. Мои встречи с Россией. — М.: Круг, МСМХСН. — 160 с. — Тираж 100000 экз.

Впервые на русском языке вышла книга известного итальянского слависта, переводчика Этторе Ло Гатто (1890-1983), бывавшего в СССР в 1928, 1929 и 1931 гг. и поддерживавшего тесные отношения с русскими писателями-эмигрантами. В мемуарных очерках Ло Гатто представлена, кажется, вся русская литература XX века: Б.Зайцев и П.Муратов, М.Осоргин, Вяч. Иванов, М.Горький, Т.Л.Толстая, А.Ахматова, М.Булгаков и Е.Замятин, Б.Пастернак, Н.Клюев, В.Лидин, Л.Сейфуллина, П.Романов, А.Серафимович, А.Яковлев, А.Тверяк, А.Чапыгин, Вс. Иванов, Л.Леонов, Д.Мережковский и В.Ходасевич, А.Ремизов, И.Бунин, М.Алданов, И.Шмелев, К.Мочульский, А.Куприн, Ю.Терралиано, Б.Поглавский, Ю.Фельзен, И.Кнорринг, К.Станиславский и А.Таиров, В.Мейерхольд и Н.Евреинов, И.Грбарь, П.Кончаловский и Ю.Анненков, И.Эренбург и мн. др. В авторском предисловии и послесловии — рассказ о своем творческом пути, издании журнала «Russia» (1920-1926). Книгу заключает «Хронология жизни и деятельности» и впечатляющая «Библиография основных работ» Ло Гатто (составитель — А.д'Амелия), а также именной указатель.

Боровой С. Воспоминания / Вступит. ст. М.Соколянского; Сост. В.Кельнер, Е.Коренева; Примеч. В.Кельнера. — М.; Иерусалим, 1993; 5753. — 384 с. — Тираж 5000 экз. — (Памятники еврейской исторической мысли).

Незавершенные воспоминания историка С.Я.Борового (1903-1989) (брата филолога Л.Борового) охватывают 1910-е — 1950-е гг. На страницах книги — любопытные детали литературно-общественного быта Одессы 1918-1920 гг. (в частности, описание выступления И.Бунина 1918 г. и создания тогда же Лиги защиты русской культуры), рассказ о встречах в начале 1920-х — 1940-х гг. с литературоведами Ю.Г.Оксманом, С.М.Брейтбуртом, М.П.Алексеевым, Л.П.Гроссманом, И.М.Нусиновым, художником Р.Р.Фальком. Несколько странное впечатление производит обширный аннотированный (!) именной указатель, в котором составители забыли (?) проставить номера страниц.

Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении / Коммент. В.Махлина. — М.: Лабиринт, 1993. — 208 с. — Тираж 5000 экз. — (Бахтин под маской. Маска вторая).

Переиздание известной работы, впервые вышедшей в 1927 г. и приписываемой М.М.Бахтину, продолжает серию «Бахтин под маской» (см. аннотацию на первый выпуск в №6 «DV»). Библиографическая справка и комментарии изобилуют ссылками на работы Бахтина и исследования о нем, но мы не нашли в них упоминания о книге П.Медведева «Формализм и формалисты» (1934), соотнесенность которой с работой 1927 г., как нам кажется, следовало бы оговорить.

Беренштейн Е.П. Символизм Иннокентия Анненского: Проблемы художественного метода / Тверской гос. у-т. — Тверь, 1992. — 40 с. — Тираж 250 экз.

Небезынтересное исследование поэтики И.Анненского состоит из двух небольших глав: в первой,

озаглавленной «Характер конфликта в творчестве Анненского», рассматривается инвариантное «противостояние “я” и мира» на примере его лирики и драматургии; в главе «Жанровая специфика творчества Анненского» рассматриваются жанровые и композиционные особенности «Книги отражений» и сборника «Кипарисовый ларец».

Анчиполовский З. Времена Максима Горького: (Судьба драматургии писателя в провинциальных городах России начала XX века). — Воронеж: Логос, 1993. — 208 с. — Тираж 1000 экз.

Добротная монография воронежского исследователя основана на уникальных материалах провинциальной периодической печати: собраны и проанализированы многочисленные отклики на постановки пьес М.Горького в Самаре, Томске, Воронеже, Орле, Казани, Саратове, Киеве, Одессе, Борисоглебске и Ельце и др. в 1901-1905 гг. Книга сопровождается указателями: именным, географическим, периодических изданий (почти 60 названий).

Издание осуществлено при поддержке Комитета по культуре администрации Воронежской области.

Время Дягилева: Универсалии серебряного века: Материалы Третьих Дягилевских чтений / Сост. В.В.Абашев. — Пермь: Арабеск, 1993. — Вып. 1. — 264 с. — Тираж 1000 экз.

В сборнике представлены работы, лишь малая часть которых прозвучала на Дягилевских чтениях (см. отчет в №9 «DV»): Абашев В.В. «Танец как универсалия культуры серебряного века» (с.7-19); Агеносов В.В. «Идеалы серебряного и фантомы железного XX века в прозе русского зарубежья: (М.Осоргин и Н.Нароков)» (с.19-26); Альбинский В.А. «О традициях древнерусской гудьбы в фольклоре уральской родины С.П.Дягилева и творчестве композиторов — его современников» (с.26-35); Васильева Г.М. «Образ И.В.Гете в культуре серебряного века» (с.35-44); Гаврикова И.Ю. «Проблема вечности в прозе писателей конца XIX — начала XX века: (А.Белый, М.Горький, Ф.Ницше)» (с.44-51); Иваницкая Е.Н. «Парадокс о мешанстве: (К проблеме этико-эстетических исканий серебряного века русской литературы)» (с.52-58); Кайгородова В.Е. «Серебряный век в художественном сознании русских писателей конца 1920 — 30-х годов» (с.58-64); Кондаков Б.В. «“Эпоха Дягилева” и народная культура» (с.64-70); Коняхина И.В. «Русская художественная культура рубежа веков и мир человеческой повседневности» (с.70-78); Лазаренко О.В. «Категория будущего в литературе и философии начала XX века» (с.78-88); Ляпина Л.Е. «Лирические циклы К.Д.Бальмонта и циклические формы в искусстве серебряного века» (с.88-97); Минакова А.М. «Поэтический космос как универсалия в русской культуре начала XX века: А.Блок, М.Горький» (с.97-106); Орлицкий Ю.Б. «Стих и проза в культуре серебряного века» (с.106-114); Савельева В.В. «Метаморфозы фантастического и фантастические метаморфозы в культуре серебряного века» (с.114-120); Титаренко С.Д. «Серебряный век и проблема литературного модерна: (К постановке вопроса)» (с.120-129); Абашева М.П. «Между словом и изображением: (Визуальная поэзия в начале и конце XX века)» (с.133-140); Балашова И.А.

«А.С.Пушкин в эстетическом сознании С.П.Дягилева» (с.140-148); Барковская Н.В. «Образ Кармен в культурном контексте: (А.Блок, М.Цветаева, В.Набоков)» (с.148-155); Власова О.М. «Мифологические образы в майолике Врубеля: (Панно "Морской царь")» (с.155-159); Грачева А.М. «К вопросу о неомифологизме в литературе начала XX века: ("Петербургские апокрифы" С.Ауслендера)» (с.159-167); Дефье О.В. «Д.Мережковский и новое эстетическое сознание серебряного века русской культуры» (с.167-176); Захарова Л.В. «Н.Клюев и А.Блок: К проблеме идейно-творческих взаимосвязей» (с.177-183); Кормилов С.И. «Издания российских некрополей рубежа XIX-XX веков и их роль как источников по истории стиха» (с.184-194); Лекманов О.А. «К интерпретации стихотворения О.Э.Мандельштама "Валкирии"» (с.194-197); Михайлова М.В. «"Я женщина с головы до ног...": (Творческий портрет писательницы А.Мирэ)» (с.197-208); Пенкина Е.О. «Чеховская "Чайка" в культурном контексте эпохи» (с.208-217); Петрова Н.А. «"Камень" — обертоны смысла» (с.217-221); Саськова Т.В. «Киммерия в творчестве Волошина» (с.221-231); Спивак Р.С. «"Русское" как предмет изображения в творчестве Бунина и Блока 1910-х гг.» (с.231-240); Турган О.Д. «Античные мотивы в русской и украинской литературе конца XIX — начала XX века» (с.241-251); Фоминых Т.Н. «Миф в структуре романа С.Клычкова "Сахарный немец"» (с.251-260).

Не без тайной зависти к организаторским способностям инициаторов III Дягилевских чтений приведем и внушительный список спонсоров: Администрация г.Перми, фирма «Прана», ИЦ «Технология», Уральский филиал АСО «Надежда», БК «Санта», фирма «Календарь», фирма «Галл-2», АО «Пермская пивоваренная компания», фирма «Камтэкс», Торгово-производственное предприятие рабочего снабжения, Финансовая группа «Тоника», Пермский банк Сберегательного банка России, Почтобанк, банк «Каури», «Пермькомбанк».

Степанов С.А. Черная сотня в России. (1905-1914 гг.). — М.: Изд-во ВЗПИ, АО «Росвузнаука», 1992. — 320 с. — Тираж 5000 экз.

В монографии рассматривается структура и социальный состав черносотенных союзов России, история организации погромов, создания монархических рабочих союзов и т.п. Из материалов, приведенных в книге, выясняются, в частности, некоторые подробности участия в деятельности этих союзов литераторов Б.В.Никольского, М.О.Меньшикова и др. Отдельная глава посвящена «делу Бейлиса» (в частности, реакции на него В.Розанова).

ГУЛАГ в Карелии: Сборник документов и материалов. 1930-1941. — Петрозаводск, 1992. — 226 с. — Тираж 500 экз.

Сборник, подготовленный Институтом языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и Центральным государственным архивом Республики Карелия, составлен из документов по истории Беломорско-Балтийского канала (1930-1933) и Беломорско-Балтийского комбината (1933-1941); кроме документов, выявленных в исторических ар-

хивах Карелии, публикуются материалы местной и центральной периодической печати. Воспроизводятся, в частности, «Учетно-регистрационная карточка на заключенного А.Ф.Лосева», фрагменты писем из заключения П.Флоренского и А.Лосева, статья «Новые россыпи материла: (Писатели на Беломорско-Балтийском канале)» из журнала «Карело-Мурманский край» (1933. 37/8), отрывки из очерка М.Горького «Правда социализма» (1934), «Архипелага ГУЛАГ» А.Солженицына, воспоминаний Н.П.Анциферова, повести Д.П.Витковского «Полжизни». Сборник включает именной указатель.

Расстрельные списки. — М., 1993. — Вып.1: Донское кладбище. 1934-1940. — 208 с. — Тираж 5000 экз.

«Настоящим изданием начинается публикация списков лиц, расстрелянных в Москве по политическим обвинениям. В первом выпуске помещены ставшие известными к 1 января 1993 года имена и краткие биографические сведения о тех из них, чей прах захоронен на кладбище Московского (Донского) крематория в период 1934-40 гг.» (из издательской аннотации). Книга подготовлена Научно-информационным и просветительским центром «Мемориал» при участии издательства «Текст», в работе над настоящим выпуском принимали участие В.Тиханова, И.Орлова, Н.Петровская, Я.Рачинский, А.Рогинский.

Краткие биографические справки даны, в частности, о литераторах И.И.Трусове (1885 — после 1936), М.Е.Кольцове-Фридлянде (1898-1940), В.Э.Мейерхольде-Райхе (1874-1940), Б.А.Майском (1905 — после 1936), И.Г.Филиппенко (1887-1937), Ю.Г.Островском (1906 — после 1936), Б.А.Кушнере (1888-1937), Н.В.Устрялове (1890-1937), Д.К.Шамарине (1912-1937).

Аналогичные издания последнее время появились в С.-Петербурге, Ярославле, Новгороде, Калуге. «DV» предполагает рассказать и о них в ближайших номерах.

Московский книгоиздатель В.М.Антик: Каталог изданий. 1906-1918 / Сост. Л.В.Антик; Ред., вступит. ст. Л.И.Юниверга. — М.: Изд-во «Мир книги», 1993. — 270 с. — Тираж 1500 экз.

Составителем описано 905 изданий, выпущенных В.М.Антиком за годы его самостоятельной деятельности под марками издательств «Польза» (1906-1907), «Польза» В.Антик и К^о (1907-1915) и Акционерное общество «Универсальная библиотека» (1915-1918). Указатель открывает обстоятельная вступительная статья Л.Юниверга «Московский книгоиздатель В.М.Антик», раскрывающая культурное значение многолетней деятельности В.Антика, и «листки из воспоминаний» Л.В.Антик «Слово об отце» (в частности, о встречах В.Антика с А.Куприным). В Приложении дается перечень трех советских серийных изданий 1919-1930 гг., в разработке которых В.Антик принимал непосредственное участие («Общая библиотека», «Всеобщая библиотека», «Дешевая библиотека Госиздата»), далее — указатели авторов, редакторов и художников, переводчиков, типографий.

Журналы «Искусство и печатное дело», «Искусство. Живопись. Графика. Художественная печать», «Искусство в Южной России»: Указатель содержания / Сост. А.И.Рудзицкий; Вступит. ст. С.И.Белоконы. — Киев, 1991. — 58 с. — Тираж 300 экз.

Выход указателя содержания журнала — сегодня, как и прежде, крайне редкое в нашем книгоиздании событие. Тем более — выход в Киеве начала 1992 г. на русском языке указателя по журналам, выходящим на русском языке до революции. Хотя, если быть точным, речь идет об одном журнале, организованном и издававшемся В.С.Кульженко и С.П.Яремичем в 1909-1914 гг. в Киеве под разными названиями. На его страницах мы встречаем имена В.Брюсова, А.Бенуа, Е.Лундберга, Г.Лукомского и др., регулярные обзоры художественной жизни Киева, Москвы, С.-Петербурга и др., рецензии на московские и петербургские издания. Список иллюстраций составляет вторую часть указателя, не уступающую по объему первой. В заключении, конечно, — именной указатель.

Указатель содержания подготовлен студентом полиграфического факультета КПИ, на обложке же проставлено: Академия наук Украины, Институт истории Украины, Киевское научное общество им. Петра Могилы, Секция книги и графики Петербургского Дома ученых АН СССР.

Науковий часопис українознавства «Україна». (1907-1932): Показчик змісту / Упорядники Р.В.Майборода, В.Г.Врублевський. — Київ, 1993. — 142 с. — Тираж 600 экз.

Указатель содержания журнала «Украина» за 1907-1918 и 1924-1932 гг., изданный Археографической комиссией и Институтом украинской археографии АН Украины, описывает публикации как на украинском, так и на русском языке. Учтены, в частности, рецензии на литературоведческие работы Н.Ф.Сумцова, П.Н.Сакулина, В.Ф.Миллера, Ю.М.Соколова, Н.К.Пиксанова, В.Гиппиуса и др., журналы «Былое», «Образование», «Русское богатство», «Русская мысль», «Журнал Министерства народного просвещения» и др.

ЖУРНАЛЫ

Журналы, просмотренные «De Visu» (июнь 1993 г.): Аврора, Байкал, Вестник МУ: Серия 7. Философия, Вильнюс, Военно-исторический журнал, Волга, Вопросы истории, Вопросы философии, Вопросы языкознания, Дальний Восток, Даугава, Детская литература, Дон, Дружба народов, Журналист, Звезда, Знамя, Известия СО РАН: История, филология и философия, Иностранная литература, Искусство кино, Кентавр, Кинорецензии, Кодры, Кубань, Литературная учеба, Литературное обозрение, Москва, Московский вестник, Московский журнал, Музыкальная академия, Музыкальная жизнь, Наука и жизнь, Наука и религия, Наш современник, Неман, Новое время, Новый мир, Огонек, Октябрь, Простор, Работница, Россияне, Свободная мысль, Север, Смена, Согласие, Социологические исследования, Столица, Театр, Театральная жизнь, Филологические науки, Юность

В обзоре описаны и отдельные публикации в изданиях, не просмотренных комплектами.

Библиотека:

В №6 — статья Л.Егоршилова «С особым чувством вспоминаю...» к 140-летию В.Короленко.

Вестник Еврейского университета в Москве:

В №3 — статья Л.Аннинского «Еврейское кино-несчастье» (в частности, об экранизациях произведений И.Бабеля).

Там же — окончание «Воспоминаний» Г.Ландау (начало в №2); публикация В.Кельнера и Е.Голлербаха, предисловие и комментарии В.Кельнера.

Там же — автобиография В.Жаботинского (1913); предисловие и публикация Х.Фирина.

Вестник МУ: Серия 7. Философия:

В №2 — статья С.И.Шитова «Философия трагедии Льва Шестова».

Волга:

В №6 — «Фрагменты о Шекспире» С.Кржижановского (написаны в конце 1930-х гг.); предисловие, публикация и подготовка текста В.Перельмутера.

Там же — рецензия С.Орленко на книгу: Флоренский П. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М., 1992.

Вопросы истории:

В №6 — статья И.В.Чуркиной «В.С.Соловьев и И.Ю.Штротсмайер об объединении церквей».

Вопросы философии:

В №6 — статья «Евразийство» (дается краткая история евразийства), перевод с немецкого; автор — Л.Люкс.

Там же — под заглавием «Петербургское Религиозно-философское общество (1907-1917)» стенограммы заседаний общества, которые можно отнести к теме «Н.А.Бердяев и РФО» (в том числе доклад А.А.Мейера на заседании 17 октября 1916 г. «Новое религиозное сознание и творчество Н.А.Бердяева»); предисловие, публикация и примечания Е.В.Бронниковой.

Там же — статья Е.В.Ивановой «Флоренский и Христианское Братство Борьбы» (об участии П.Флоренского в деятельности Братства в 1905-1906 гг.)

Там же — под заглавием «Из архива В.С.Соловьева» «Программа публичных чтений о ходе русского просвещения в настоящем столетии», составленная В.Соловьевым в 1881 г.; публикация и комментарии С.В.Дремовой и А.А.Гапоненкова.

Дон:

В №5/6 — стихотворения поэта первой эмиграции А.Стоянова «Бродяга», «Безумие», «Верую, ро-

дина, верую...», «Родина»; послесловие К.Хохульникова.

Там же — под заглавием «Был Бог... Был царь... Была Россия» подборка произведений П.Н.Краснова: «Венок на могилу неизвестного солдата Российской Императорской армии» (1923), «В поход, на Азов!», «Конная атака», «Всевеликое Войско Донское»; публикация А.Брежнева.

Там же — подборка стихотворений поэта первой эмиграции В.Смоленского «Ангел», «У нас оледенела кровь...», «Широкий, легкий бег коня...», «Живу, как все, живу со всеми...», «Все глубже стон, все тише голос...», «Иногда, из далекой страны...», «О Соловках»; послесловие К.Никольцева.

Дружба народов:

В №6 — под заглавием «“Векселя, по которым когда-то придется расплачиваться...”»: Михаил Пришвин о Максиме Горьком» дневниковые записи М.Пришвина о Горьком 1928-1936 гг.; вступительная заметка, примечания и публикация Л.Рязановой.

Там же — продолжение воспоминаний Н.М.Любимова «Неувядаемый цвет» (начало в №7 за 1992 г.).

Журналист:

В №6 — с некоторыми сокращениями исторический очерк Марка Алданова «Графиня Ламотт» (впервые — в парижской газете «Последние новости», осень 1936 г.); вступление и публикация А.Чернышева.

Звезда:

В №6 — стихотворения Н.Гумилева «Рабочий», «Мои читатели» и «Заблудившийся трамвай» (на 2-й и 4-й с. обл.)

Там же — рецензия Д.Бобышева «Возвращение эмигрантского ковчега» (в содержании — «Ковчег, или Укладка с грамотами») на книгу: Ковчег: Поэзия первой эмиграции. М., 1991. (Ранее рецензия была опубликована под названием «Ковчег, или Укладка с грамотами»: Новое русское слово. Нью-Йорк, 1993. 8 января).

Киноведческие записки:

В №16 за 1992 г. (вышел летом 1993 г.) — воспоминания И.Н.Игнатов (1858-1921) «Кинематограф в России: Прошлое и будущее» (в частности, о работе в дореволюционном кинематографе Л.Андреева и Е.Чирикова); публикация, предисловие и комментарии А.А.Чернышева.

Кодры:

В №5,6 — продолжение книги Д.Мережковского «Тайна трех» (начало — в №4).

Литературное обозрение:

В №6 — статья В.В.Радищевского «Живопись?.. Музыка?.. Цирк!»: Неизвестные заметки В.Маяковского в «Утреннем Телефоне газеты «Новь»» (о сотрудничестве поэта в газете «Утренний Телефон газеты «Новь»» в 1914 г.)

Там же — под заглавием «Маяковский и его современники» фрагменты из воспоминаний Д.Д. и М.Н.Бурлюков; подготовка текста и комментарии А.Е.Парниса, публикация В.В.Катаняна.

Там же — статья А.Е.Парниса «“...лез, обезумев, Бурлюк”: Неюбилейные заметки» (о Д.Бурлюке).

Там же — воспоминания Н.Д.Бурлюка «Маяковский в 1925 году» (Colour and Rhyme. 1967-1970. Harpton Bays).

Там же — под рубрикой «Маяковский в 1913-ом» фрагменты из воспоминаний о В.Маяковском В.О.Роскина («Наша молодость»), И.А.Бродского («Маяковский в доме И.И.Бродского») и А.А.Радакова («Сатирик и сатириконцы»); вступительная статья «Маяковский и художники», публикация и комментарии В.Н.Терехиной.

Там же — воспоминания В.Ф.Шехтель «Моя встреча с Влад<имиром> Маяковским» и фрагменты ее дневника за 1913 г.; предисловие, публикация, примечания А.П.Зименкова, Е.И.Погорельской, А.П.Сердитовой.

Там же — статья Б.Янгфельдта «О Маяковском и двух Элли» (об отношениях Маяковского и Элли Джонс); перевод с английского.

Там же — под заглавием «“... Здесь нет людей его масштаба...”»: Письма Т.А.Яковлевой в Россию» впервые полностью публикуются в письмах Т.Яковлевой к матери, Л.Н.Орловой (1925-1930); публикация, предисловие и примечания О.К.Земляковой.

Там же — под заглавием «Шкловский о Маяковском: Из переписки» отрывки из 11 писем В.Шкловского 1930-х — 1970-х гг., в том числе, Ю.Н.Тынянову, В.А.Каверину, М.П.Левину, И.Л.Андроникову; публикация и примечания И.И.Аброскиной.

Там же — под заглавием «“Мы, как слепые щенки...”»: В.В.Ермилова о Маяковском в 1935-м» письмо Ермилова к А.А.Фадееву от 20 апреля 1935 г. (в сокращении); публикация и примечания И.И.Аброскиной.

Там же — «Из материалов о В.В.Маяковском»: отрывки из заметок Л.Ю.Брик о 1-м томе книги В.О.Перцова «Маяковский. Жизнь и творчество» (1951); подготовка текста и публикация Л.Ф.Кациса.

Там же — «Протокол заседания рабочей группы по ознакомлению с проектом экспозиции нового Музея В.Маяковского 23 января 1973 года» (речь идет о музее в проезде Серова в Москве; присутствовали в том числе А.Сурков, Р.Рождественский, В.Перцов, К.Симонов); публикация С.Р.Богуславского из фондов школы №79 г.Москвы.

Там же — статья С.Богуславского «Верность поэту» о музее В.Маяковского в школе №79 г.Москвы.

Там же — статья Ю.А.Арпишкина «Маяковский и Евреинов в 1913 году: Об одном аспекте постсимволитской литературно-театральной полемики».

Там же — статья Л.Ф.Кациса «“Маякоша.. Любимейший враг...”»: Маяковский в поэтической полемике конца 20-х — начала 30-х годов» (об отношении конструктивистов к Маяковскому).

Там же — эссе Л.Рудневой «Маяковский — “Про это”»: Пространство поэмы».

Там же — заметка О.Земляковой «Я люблю зверье...» о рисунках животных, выполненных В.Маяковским; впервые воспроизводятся рисунки 1913 г.

Номер посвящен 100-летию со дня рождения В.Маяковского.

Москва:

В №6 — стихотворения Г.Иванова «Надежды не обманут нас...», «Из белого олонецкого камня...», «Россия — счастье. Россия — свет...», «Друг друга отражают зеркала...», «Что-то сбудется, что-то не сбудется...», «Скользит машина возле сада...», «Час от часу. Год от году...», «Несколько поэтов. Достоевский...», «Построили и разорили Трою...», «За столько лет такого маянья...», «Ликование вечной, блаженной весны...», «Я не хочу быть куклой восковой...»; составление и вступительная заметка С.Пинаева.

Там же — продолжение романа А.Лосева «Женщина — мыслитель» (начало — №4,5).

Там же — под общим заглавием «Завещаю своему потомству» статьи М.О.Меньшикова «Проповедано ли Евангелие?» (1905), «Пятое завоевание» (1906), «Распутица в церкви» (1912), публикация М.Б.Поспелова, вступительная статья «Голубь выше сокола» С.Гончарова.

Московский вестник:

В №2 — статья К.Латышева «Скрытая мистификация: Набоков и Достоевский» (попытка доказать, что Набоков скрывал влияние на свое творчество Достоевского).

Московский журнал:

В №6 — под заглавием «Прилетай, золотая пчела» стихотворения С.В.Шервинского (1892-1991) «Постный рынок», «Иконописец прежний облачался...», «Память», «Великий пост», «Благовещенье», «Оливковое дерево», «А можно, глядя на скворешню...», «Ребенок кашляет в постели...», «Мы строим домики скворцу...», «Лишь ставни раскроют и ночь вдруг рухнет...», «Уж нынче, кажется, серо...», «Сегодня у Тримальхиона...», «Не пламенным архангела мечом...», «Сказала жизнь: “Молчать не смеешь, пой!”...»

Музыкальная жизнь:

В №11/12 — продолжение публикации воспоминаний Д.Житомирского «Фантом “классового искусства”» (начало — в №6) о культурной жизни в СССР в 1920-е гг.

Там же — эссе-воспоминание А.Ремизова «Дягилевские вечера в Париже» (журнал «Опыт», Нью-Йорк, 1953, №1); предисловие Л.Корабельниковой.

Наука и религия:

В №6 — продолжение работы А.Никитина «Тамплиеры в Москве» (начало в №4-12 за 1992; №1-4 за 1993).

Новый журнал (Нью-Йорк):

В №189 за 1992 г. (вышел в первой половине 1993 г.) — окончание романа Б.Поплавского «Аполлон Безобразов» (начало в №187 и 188).

Там же — стихотворение Е.Герцык «Рождество Богородицы» (1911).

Там же — стихотворения И.Чиннова (1990-е гг.)

Там же — продолжение публикации романа А.Лосева «Трио Чайковского» (начало в №188).

Там же — статья З.Юрьевой «Космизация пейзажа у Андрея Белого» (глава из готовящейся к печати книги «Творимый космос у Андрея Белого»).

Там же — статья Ю.Линника «Валерий Перелешин».

Там же — «Воспоминания о кн. С.Н.Трубецком» Ю.Дубницкой.

Там же — под заглавием «Мысли и заметки» окончание публикации дневника Р.Куллэ 1924-1932 гг. и его письма из заключения 1934 г. (советская литературная жизнь начала 1930-х гг., записи о М.Горьком, Е.Замятине и др.); публикация И. и В. Куллэ (начало в №184-188).

Там же — начало публикации второй книги воспоминаний А.В.Бахраха «По памяти, по записям...», писавшейся в начале 1980-х гг. (о Д.Мережковском, Н.Бердяеве, А.Ремизове, А.Бенуа, В.Ходасевиче, Г.Иванове, Ф.Степуне, И.Зданевиче, С.Есенине, А.Кусикове, В.Шершеневиче, Д.Святополке-Мирском, В.Шкловском, В.Вейдле, Н.Оцупе); предисловие Г.Поляка.

Там же — рецензия М.Раева на книгу: Tables de la revue russe «Le Messager socialiste» (1921-1963), «Le Messager socialiste: Recueil» (1964-1965) / Указатели журнала «Социалистический вестник» (1921-1963), «Социалистический вестник: Сборник» (1964-1965). Paris, 1992.

Там же — рецензия Т.Осипович «Неизвестный Платонов» на роман А.Платонова «Счастливая Москва» (Новый мир. 1991. №9).

Новый мир:

В №6 — окончание статьи А.Г.Макарова и С.Э.Макаровой «К истокам “Тихого Дона”»: Структура и характер заимствований в “Тихом Доне”» (начало — в №5 и в книге: Макаров А.Г., Макарова С.Э. Цветок-татарник: К истокам «Тихого Дона». М., 1991. Тираж 300 экз.)

Там же — под общим заглавием «Три поэта» стихотворения Е.Николаевой (1902-1949?) (в том числе — и из ее книги «Разговор с читателем», М., 1927; публикация и послесловие В.Глоцера), А.Горнунг (1897-1956) 1937-1939 гг. (публикация и послесловие Л.Горнунга), А.Гладкова (1912-1976) 1949-1952 гг. (публикация и послесловие И.Соломонника).

Там же — «глава из книги» В.Непомнящего «Пушкин через двести лет» (в частности, о переключках «Пира во время чумы» и поэмы А.Блока «Двенадцать»).

Там же — рецензия Б.Дубина на книги: Якобсон А. Конец трагедии. Вильнюс; М., 1992; Якобсон А. Почва и судьба. Вильнюс; М., 1992.

Там же — аннотация А.Н. на книгу: Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки. В 2 т. Paris, 1992.

Огонек:

В №23/24 — рецензия В.Воздвиженского «Ты стоишь лавров Герострата...» на книгу: Булгаков М. Великий канцлер. М., 1992.

Октябрь:

В №6 — продолжение книги Д.Мережковского «Иисус Неизвестный» (начало — в №11-12 за 1992 г. и №1-5 за 1993 г.)

Там же — «О “творчестве” или о “товаре”?: Письма И.А.Бунина к Е.А.Ляцкому. 1920-1938»

(включены 12 писем); публикация, вступление и примечания Э.Олоновой (Прага).

Проблемы Дальнего Востока:

В №3 — статья Е.Кирилловой и В.Слободчикова «Архив В.Перелешина будет передан в Россию» о судьбе архива писателя В.Перелешина (В.Ф.Салатко-Петрище, 1913 — 7 ноября 1992, Рио-де-Жанейро) и пять стихотворений из его сборника «Жертва» (Харбин, 1944).

Простор:

В №6 — подборка произведений В.А.Комаровского (1881-1914): стихотворения «В душе земля, с подземным, злым огнем...» (1910), «Где лики медные Тиверия и Суллы...» (1912), «Самонадеянно возникли города...» (1912), «Устало солнце, жегшее спокойно...» (1913), «Искушение» (1913), «Закат» (1912), «Ракша» (1913), «В Царском Селе» (1912), повесть «Сабинула» (по первой публикации в «Аполлоне», 1913), а также некролог В.Комаровскому, написанный Н.Пуниным (Аполлон. 1914. №6/7); вступительная статья «Странник "сиреновой ночи"», публикация и примечания В.Э.Молодякова.

Там же — продолжение романа Р.Гуля «Азеф» (начало — в №5).

Русская словесность:

В №2 — статья А.С.Курилова «Семен Афанасьевич Венгеров. (1855-1920)».

Там же — статья С.Венгерова «В чем очарование русской литературы XIX века?» (1911).

Там же — краткие анонимные аннотации на книги, в частности, на: Струве Н. Осип Манделштам. Томск, 1992; Козлова Л. Одинокий дух: Марина Цветаева. Душа и ее Путь. М., 1992; Она же. Вода родниковая: К истокам личности Марины Цветаевой. Ульяновск, 1992; Она же. Танцующая душа: По поэтическим следам Марины Цветаевой. Ульяновск, 1992; Уайл И. Максим Горький: Взгляд из Америки. М., 1993; Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста. М., 1993.

Север:

В №6 — повесть С.М.Рафальского (1896-1981) «Искушение отца Афанасия» (впервые в журнале «Возрождение», Париж. 1956. №59); предисловие Ю.В.Линника.

Слог (Иерусалим):

В №2 (время выхода не обозначено) — «Драматическая сказка» Ф.Сологуба «Страж великого царя» (впервые — Записки мечтателей. 1922. №5).

Согласие:

В №6 — впервые в России публикуется очерк Г.Иванова «По Европе на автомобиле»; подготовка текста, примечания, публикация Е.Витковского и Г.Мосешвили. (Очерк публикуется к 100-летию со дня рождения Г.Иванова, которое будет отмечаться в 1994 г.)

Столица:

В №24 — статья Н.Малинина «Баллада о верном супруге» (об отношениях М.Светлова с советской властью, к 90-летию со дня рождения поэта).

В №25 — заметка Д.Савельева «Возвращение» о выставке в С.-Петербурге, посвященной В.Набокову.

Там же — заметка Н.Малинина «Маяковский заканчивается» о конференции «Маяковский на рубеже XXI века», организованной ИМЛИ РАН.

Страницы (Иерусалим):

В №2 (лето) — статья М.Каганской «О.М.Фрейд-денберг: Штрихи к портрету» и работы О.М.Фрейд-денберга «Слепец над обрывом» и «Миф об Иосифе Прекрасном».

Там же — под заглавием «Максимилиан Волошин: "... Подвиг Иуды — в его позоре и поругании"» впервые публикуемая статья М.Волошина «Евангелие от Иуды» и стихотворение «Иуда апостол» (1919); предисловие, публикация и комментарий Э.Давыдова.

Там же — анонимный «Пост-скрипtum к публикации М.А.Волошина».

Там же — под заглавием «"Сказка" С.Фруга» поэма из «Цикла "Паны и холопы"» (1915); предисловие Н.Портновой.

Театр:

В №5 — статья А.Парниса и М.Юнгтрен «Териокский спектакль Мейерхольда: Заметки к теме "Блок и Мейерхольд"» (о постановке В.Мейерхольдом в 1912 г. пьесы А.Стриндберга «Винновны — невинновны» и участия в ней А.Блока).

Там же — «Из воспоминаний» К.Смирновой (о поездке В.Пяста в Стокгольм и о знакомстве К.Смирновой с А.Блоком в Териоках в 1912 г.); публикация и комментарий А.Парниса и М.Юнгтрен.

Там же — статья Л.Сенелика «Борис Гейер и драматургия кабаре» (о пьесах Б.Гейера для кабаре «Кривое зеркало» в Петербурге 1908-1916 гг.)

Там же — статья Вл. Иванова «Николай Евреинов: Между будуаром и эшафотом» (о театральной теории и практике Н.Евреинова).

Там же — полный текст пьесы Л.Зиновьевой-Аннибал «Певучий осел» (1907); вступительная статья «На грани быта и бытия» и публикация Н.Богомолова.

Филологические науки:

В №3 — рецензия Л.П.Егоровой на книгу: Голубков М.М. Утраченные альтернативы: Формирование монистической концепции советской литературы. 20 — 30-е годы. М., 1992.

Форум:

В №3 — стихотворения Д.Л.Андреева «Чтоб лететь к невозможной отчизне...» (1933), «Ночь снизошла, всю ложь опровергая...» (1936), «Заходящему солнцу» (1936); предисловие Б.Романова.

Там же — статья В.С.Вилинского «Корни единства русской культуры» (впервые издана в 1928 г. в Ужгороде в качестве приложения к журналу «Карпатский свет»); предисловие А.Панкова.

Там же — воспоминания А.Тер-Маркаряна «В гостях у Шолохова» (встреча в 1967 г. в Вешенской).

Там же — статья В.Сахарова «Вернется ли наследие?: Штрихи к портрету русской эмиграции, документы из ее архива» (о феномене русской эмиграции).

Человек и закон:

В №6 — мемуарный очерк А.Ф.Кони «Игорный дом Колемина».

Юность:

В №5,6 — окончание публикации глав из книги А.Лаврина и П.Периконе «Отец и сын» об Арсении и Андрее Тарковских (начало — в №1,2,4; в частности, об истории знакомства Арсения Тарковского с М.Цветаевой).

* * *

В июне вышел первый номер журнала «Бестселлер / Bestseller» («Независимый литературно-художественный журнал издательского центра «АЯКС» Александра Ярмолинского»; на обложке, украшенной портретом Б.Окуджавы, значится также: «Свободный журнал для интеллигенции. Литература. Искусство. История»). Тираж не указан. Главный редактор — К.Ляско. Редакционная коллегия: Л.Аннинский, Ю.Борев, Ф.Искандер, Л.Лиходеев, Ф.Медведев. Тираж не указан.

В «Слове к читателю» главный редактор «Бестселлера» пишет о намерении нового журнала предлагать «просвещенной аудитории» только «высококалорийную духовную пищу»: «Открыв журнал, вы найдете все жанры, кроме скучного: прозу и поэзию, публицистику и мемуары, красочные снимки и иллюстрации. Авторы все сплошь именитые, тексты все сплошь читабельные. Никто не забыт: ни любители истории, ни поклонники юмора, ни даже те, кто не прочь поломать голову над кроссвордом. Стремясь потрафить разным интересам и запросам, мы отказывались угодить только дурному вкусу. Удалось ли? Судить не нам. А чтобы она, эта пища, не показалась пресной, мы позаботились об острой приправе и пикантных добавках. Вы не возражаете? Вот и прекрасно!».

Судя по всему, редакции с успехом удалось выполнить поставленную перед собой задачу. В первом номере (так живо напоминавшем нам «Огонек» эпохи «перестройки») соседствуют публицистика Л.Лиходеева, проза С.Довлатова (с предисловием В.Войновича), статья И.Беленького о Мэрилин Монро, воспоминания дочери П.Столыпина (имя которой почему-то не указано ни в содержании, ни в тексте публикации) об отце, фрагменты из книги 1975 г. Х.Смита «Русские» и информационная подборка «Калейдоскоп», содержащая сведения об А.Делоне, К.М.Брандаузере, М.Тетчер, Р.Нуриеве и мн. др. Заключает «Бестселлер» подборка политических анекдотов, подготовленная, конечно, Ю.Боревым, и, как и обещал в предисловии главный редактор, кроссворд на литературные темы и криптограмма «Из творчества А.Ахматовой».

Роль «пикантных добавок», очевидно, должны исполнить пять стихотворений из «Антологии эротической поэзии»: И.Бунина «О, не томи, не трать мелькающих мгновений!..» (публикуется по автографу на книге, подаренной автором Е.Н.Хренниковой, 1879-1941), Е.Стырской (1898-1947) «Душит вновь горячая петля...» (из ее книги «Мутное вино», М., 1922), А.Эфроса «Неопытным решением небес...» и «Мне б опускать перед тобою очи...» (из его книги

«Эротические сонеты», М., 1922) и Н.Минаева (1885-1969) «Напоследок хмельной опьяненные губы прильнут...» (из его сборника «Прохлада», М., 1926). Составитель и публикатор не указан (см. редколлегия журнала).

«Огоньковский» характер издания подчеркивает и большое количество высококачественных цветных иллюстраций и рекламы («Аэрофлот», «Konica», «Токо-Банк», компания «Voloknog», журнал «Твой стиль» и др.)

Адрес редакции: 125190, Москва, ул. Академика Ильюшина, 16. Для писем: Москва, 125047, а/я 15. Тел.: 212-14-62.

* * *

Вышедший также в июне первый номер журнала «Фаворит» издан полиграфически не так богато, как «Бестселлер», да и авторы его не так «имениты». Но различия между двумя новыми изданиями не показались нам значительными.

«Российский независимый журнал» издается при содействии фирмы «ИнтерРОКС». Главный редактор — А.Малюгин. Редакционная коллегия: М.Миронов, С.Муравьев, А.Романченко, В.Сипачев, Е.Ямпольская. Тираж не указан.

Номер открывается публицистическими заметками Э.Казаковой «Россия, которую нельзя потерять» (в частности, о необходимости восстановления храма Христа Спасителя). Несколько материалов из раздела «Дело» посвящены деятельности новых российских коммерческих организаций. Далее следуют материалы по литературе и искусству. В рубриках «Генофонд» (так!), «Некруглая дата», «Мансарда» — статьи о «Виртуозах Москвы», А.Миронове, С.Воронове (руководителе группы «Кроссрудз» — кто не знает!), а также о Л.Климовой, экстрасенсе и художнике (иллюстрации прилагаются). Литературный раздел представлен статьями Ю.Кублановского «Золотые рыбки Василия Розанова» (без указания, конечно, места первой публикации), Ю.Крохина «Пытка безвременьем долгой была...» (о В.Алейникове, поэте) и стихами Г.Комичевой. (К литературе, очевидно, следует отнести и лирико-публицистические заметки Е.Алениной «Почем опиум для народа?» и В.Романова «Нет, вы не еретик»). История представлена генеалогическими изысканиями А.Арутюнова «Мещанин во дворянстве, или Мифы новейшего времени», посвятившего 20 лет своей жизни исследованию рода В.И.Ленина, и воспоминаниями Г.А.Римского-Корсакова «Контрибуция» о Февральской и Октябрьской революциях и послереволюционном быте.

«DV» особо привлекла анонимная публикация «Шут у трона революции; Внутренний сюжет жизни и творчества Владимира Маяковского». В редакционном предисловии к публикации мы прочитали: «Что, казалось бы, нового можно поведать о жизни и особенно творчестве поэта, если в течение полувека паровой каток агитпропа утюжил мозговые извилины бесполой «товарищей» в одном направлении: Маяковский — певец социалистического Отечества?»

Считаем, что монография «Шут у трона революции: Внутренний сюжет жизни и творчества поэта Владимира Маяковского» не только широко раскроет в восторге и недоумении наши литературоведческие

глаза, но и заставит пересмотреть многие работы о поэте, написанные после 1935 года. <...> Автор не оспаривает того, что поэт Владимир Маяковский достоин своих памятников, но — и это главное — не по тем причинам, по которым они поставлены прежней властью... Небывалый за всю историю случай!

Только за право публикации этой рукописи редакция журнала выплатила немалый гонорар, который, кстати, автор перечислил на восстановление церкви Св. Варвары в деревне, где родился. При этом оговорено, что имя автора станет известно читателям после выхода в свет последней главы, поскольку тот опасается, что преждевременная оглушка закроет ему доступ к архивным документам, с которыми он сейчас работает.

Книга создавалась в глубоком литературном подполье и в стране, разумеется, не нашлось ни одного учреждения, которое приняло бы ее на соискание докторской диссертации. Автору, как водится, пришлось предложить монографию в один из университетов США. Им нужнее...»

Ознакомившись с этим предисловием, мы решили воздержаться от оценки, до опубликования последней главы нового труда о Маяковском. Приведем пока лишь некоторые цитаты, проясняющие суть концепции анонимного автора: «Бесспорно, очевидно, одно: ни красный террор, ни пролитые большевиками реки

крови, часто исключительно в целях устрашения, не испугали поэта: Маяковский бросил вызов своим соратникам по партии и подполью. Прозревший одним из первых, он вышел из РСДРП(б) еще до революции. Вызов поэта, не понятый и не оцененный до сих пор — шутовство, сатира — был самым страшным для сил зла и насилия»; «Кем же он был — поэт Владимир Маяковский? После блестящих работ В.Скоряткина убийство поэта, продуманное почти гениально, сомнений не вызывает. Но тогда возникает новый загадочный вопрос: не убийцы ли стали и первыми подлинными литературоведами, осознавшими то, до чего не дозрел ни один критик: великий поэт (и актер!) Серебряного века попросту дурачил окружающих, изображая “советский завод, вырабатывающий счастье”?»

Так же, как «Бестселлер», «Фаворит» богато иллюстрирован (в том числе — и рекламой радиостанции «Радио-РОКС», консалтинговой фирмы «Виласс», агрохимической фирмы «Монсанто», предприятий «Хорда», «Siemens» и мн. др.)

Адрес редакции: 121019, Москва, ул. Новый Арбат, 15. Тел.: 140-52-82.

Роспись публикаций последующих номеров журналов «Бестселлер» и «Фаворит» будет включаться в журнальные обзоры «DV».

ГАЗЕТЫ

Газеты, просмотренные «De Visu» (июнь 1993 г.): Аргументы и факты, Арт-фонарь, Век, Ветеран, Вечерний клуб, Вечерний Петербург, Вечерняя Москва, Гласность, Голос, Голос Родины, Гудок, 24, Деловой мир, День, Домашнее чтение, Домострой, Еврейская газета, Известия, Книжное обозрение, Коммерсантъ-Daily, Комсомольская правда, Крестьянская Россия, Крестьянские ведомости, Криминальная хроника, Культура, Куранты, ЛГ-Досье, Литературная газета, Литературная Россия, Литературные новости, Московская правда, Московские ведомости, Московские новости, Московский комсомолец, Народная газета, Новая ежедневная газета, Невское время, Неделя, Независимая газета, Общая газета, Панорама (Лос-Анджелес), Патриот, Подмосковные известия, Подмосковье, Политика, Правда, Рабочая трибуна, Российская газета, Российские вести, Россия, Русская мысль, Русский вестник, Санкт-Петербургские ведомости, Сегодня, Семь с плюсом, Семья, Смена, Совершенно секретно, Советская Россия, Сын Отечества, Труд, Учительская газета, Федерация, Час пик, Экран и сцена, Эмиграция.

В обзоре описаны и отдельные публикации в изданиях, не просмотренных комплектами.

Аргументы и факты:

В №26 — под заглавием «Кочующий Пьеро» рассказ А.Вертинской о своем отце, А.Вертинском; записал О.Горячев.

Арт-фонарь:

В №6 — под заглавием «Русская классика на итальянские деньги» интервью В.Мартынова с С.Бондарчуком о его фильме «Тихий Дон» по роману М.Шолохова.

Там же — статья В.Мартынова «Мессир не выносит экранизаций» в связи с постановками и экранизациями «Мастера и Маргариты» М.Булгакова.

Век:

В №23 — рецензия Н.Старосельской «Оттерпевшие свою муку» на спектакль театра «На Юго-Западе» «Мастер и Маргарита» по М.Булгакову (режиссер В.Белякович).

Там же — статья М.Озерова «Добрый гигант Надеждин: История о забытом поэте» (о поэте-эмигранте Н.Надеждине, 1886-1959).

Вечерний клуб:

В №121/122 — рецензия К.Мухина «Погоня за человеком» на премьеру пьесы Ю.Кима «Страсти по Бумбарашу» по мотивам ранних произведений А.Гайдара в Театре-студии О.Табакова (режиссер В.Машков).

В №131/132 — заметка К.Мухина «Юрий Любимов поставил “Доктора Живаго”» о премьере спектакля по роману Б.Пастернака в Театре на Таганке.

В №133/134 — статья Ю.Безелянского «Любовные страсти Андрея Белого».

Вечерний Петербург:

В №128 — анонимная рецензия на книгу: Сорокин П. Долгий путь. Сыктывкар, 1991.

В №131 — под заглавием «Поднимите мне веки веков...» письмо В.Шкловского к И.И. и С.М. Слонимским от 11 октября 1972 г. (с сокращениями); предисловие и публикация Е.Белодубровского.

В №127 — под заглавием «Афоризмы, как бешеные собаки» афоризмы М.А.Светлова, собранные С.Осовцовым (к 90-летию со дня рождения поэта).

В №141 — под заглавием «Никто не допоет другой» стихотворения С.К.Маковского «Земля», «Певца», «Крест», «Спеша, душа! Уж близок перелет...», «Нищий»; вступительная статья С.Ивановой.

Вечерняя Москва:

В №107 — под заглавием «Вы оскорбили память писателя» отклик на статью С.Земляного «Булгаков и Сталин» (Вечерняя Москва. 1993. 20 мая), подписанный О.Ефремовым, С.Рихтером, Н.Дорлиак и др.

В №116 — заметка Ю.К. «Ах, как он улыбался!» к 90-летию со дня рождения М.Светлова.

В №124 — заметка Ю.К. «Нести свой крест» к 104-й годовщине со дня рождения А.Ахматовой.

Гудок:

В №115 — рецензия В.Карповой «Свет и тени в липовых аллеях» на фильм «Темные аллеи» по мотивам рассказа И.Бунина «Руся» (режиссер В.Богачев).

Деловой мир:

В №111 — рассказ М.Булгакова «Похождения Чичикова».

День:

В №25 — под заглавием «Дай соблести мне смиренное сердце...» подборка стихотворений матери Марии (Е.Б.Скобцовой): «Люди» (1931), «К каждому сердцу мне ключ подобрать...» (1931), «Города» (1931), «Помазанность, христовость наша...», «В начале», «Мать» (1929), «Покаяние» (1928), «В тысяча девятьсот тридцать первом...», «Идет устрашающий гнев...» (1929), «Смерть», «Мир», «Вечера мои перекликаются...» (1930), «Может, ничего я не узнала...», «Ночью камни не согреешь телом...» (1931); предисловие редакции.

Там же — под заглавием «За себя надо стоять» беседа В.Бондаренко с З.Шаховской.

Домашнее чтение:

В №16 — статья А.Яблоновского «Национальный праздник», написанная к празднованию Дня русской культуры (впервые — Заря. Харбин, 1930. 8 июня); предисловие редакции.

Там же — статьи И.П.Демидова, внука В.Даля. «Перстень и сюртук Пушкина» и С.Волконского «Три перстня Пушкина», а также письма в редакцию И.Гальперина-Каминского и А.Рубца — отклики на статью С.Волконского (все материалы публиковались в газете «Последние новости», июнь 1931 г.); предисловие редакции.

Известия:

В №105 — под заглавием «Литературный сценарий, оскорбительный для памяти Горького» заявление В.Барахова, Л.Быковцевой, С.Заики, Ф.Кузнецова, Л.Леорова и др., обвиняющих в клевете на Горького создателей телесериала «Под знаком Скорпиона» (снимающегося на Киностудии им. М.Горького и посвященного последним годам жизни писателя; автор сценария — А.Лапшин, режиссер Ю.Сорокин).

Там же — статья К.Кедрова «Бессмертие по Велимиру» об исследованиях В.Хлебникова, посвященных проблеме времени.

В №120 — заметка С.Краюхина «Владимир Набоков на экране» о съемках на киностудии «Ленфильм» фильма по рассказу В.Набокова «Мадемуазель О.»

Книжное обозрение:

В №22 — «Открытое письмо президенту России» Ю.Линника, главного редактора петрозаводского издательства «Святой остров» о судьбе книги: Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Избранное. Петрозаводск, 1992.

Там же — статья Э.Штейна «“Белое пятно” пушкиноведения» о библиографическом указателе «Русскоязычная зарубежная Пушкиниана. 1920-1989» (составитель — Е.Белодубровский).

Там же — рецензия В.Мулярчика «Ангел с небес в Москве» на книгу: Катаев В. Святой колодец. Алмазный мой венец. «Уже написан Вертер...». М., 1992.

Там же — полемический ответ В.Глоцера «“Как знать...”, “а может быть...” и “возможно, что...”», или Правда библиографии» рецензенту книги Н.Олейникова «Пучина страстей» (Л., 1991) А.А.Александрову (Русская литература. 1992. №2).

В №23 — информация о подготовленном В.Сажиним к изданию каталоге рукописного наследия Д.Хармса.

В №24 — под заглавием «Маяковский — не поэт революции, а революционный поэт!..» беседа А.Шуплова с Б.Янгфельдом к 100-летию В.Маяковского.

В №25 — статья А.Палея «Научно-фантастический роман о Пушкине: Из воспоминаний старого библиофила» о книге Б.Е.Иванова «Даль свободного романа» (М., 1939).

Коммерсантъ-Daily:

В №105 — заметки Е.Даниловой «С китайского эроса сняли гриф “секретно”» о новых книгах, в частности, о книге стихов Микеланджело в переводах А.М.Эфроса (М., 1993).

В №112 — рецензия Р.Должанского «Герои Пастернака запели на сцене Таганки» на премьеру спектакля по «Доктору Живаго» в Театре на Таганке (режиссер Ю.Любимов).

В №114 — заметки Е.Даниловой «Умом Израиль не понять» о новых книгах, в частности, о книге: Тайна Израиля. СПб., 1992 (сборник текстов Д.Мерзжовского, В.Розанова и др.)

В №119 — заметки Е.Даниловой «“Возвращение” дилетантов» о новых книгах, в частности, о книге: Флоренский П. Имя Судьба. М., 1993.

Комсомольская правда:

В №107 — статья Д.Шеварова «Доброволец» о С.Эфроне и М.Цветаевой.

В №144 — заметка А.Монахова «Живым изменницей была и верной — только тени» к 104-й годовщине со дня рождения А.Ахматовой.

В №117 — заметка С.Шутникова «“Мастеру и Маргарите” — 55» (о романе М.Булгакова).

Крестьянские ведомости:

В №21 — рассказ А.Платонова «Усомнившийся Макар».

Культура:

В №22 — обзор М.Гаевской «Марина Цветаева: Двойная реальность» спектаклей последнего времени о М.Цветаевой и по ее произведениям.

Там же — рецензия И.Апатовой «Жестокие игры» на спектакль Московского драматического театра им. А.С.Пушкина «Па-де-труа» по пьесе Н.Берберовой «Маленькая девочка» (режиссер Е.Долгина).

Там же — статья Ю.Шугрина «Слово мое — о Пушкине» о праздновании в 1920-х — 1930-х гг. пушкинского дня в Чехословакии (приводятся фрагменты доклада И.С.Шмелева «Заветная встреча. Пушкин. 1837-1937», прочитанного в Праге в 1937 г.)

В №23 — заметка И.Илюшина «Восход начинается с “Заката”» о премьере мюзикла «Закат» по мотивам пьесы И.Бабеля в Русском музыкальном театре в Америке (автор и режиссер — А.Журбин).

В №25 — под общим заглавием «Мечты идиота» рецензии В.Ивановой, Г.Капралова, Л.Павлючика на одноименный фильм по мотивам романа И.Ильфа и Е.Петрова «Золотой теленок» (режиссер — В.Пичул).

Куранты:

В №114 — под заглавием «Они прошли через обман» фрагменты неопубликованных дневников М.Пришвина 1919 г.; предисловие Я.Гришиной и В.Гришина.

ЛГ-Досье:

В №6 (весь номер посвящен Арбату) — под заглавием «Старый Арбат» отрывок из книги Андрея Белого «Начало века».

Там же — главы из романа Б.Зайцева «Древо жизни».

Там же — статья О.Ростовой «Свет голубой Веги» о Б.Зайцеве и его жизни и трудах в Париже.

Там же — статья Я.Леонтьева «Здесь родился “Дедушка русской революции”»: Письмо Петра Кропоткина, включающая в себя фрагменты письма Кропоткина редактору газеты «Русское слово» от 3 июня 1914 г. с воспоминаниями о своей арбатской жизни.

Литературная газета:

В №22 — рецензия А.Вознесенского «Гом — дом» на книгу: Пастернак Б. Второе рождение. Письма к З.Н.Пастернак. — З.Н.Пастернак. Воспоминания. М., 1992.

В №23 — под заглавием «Владислав Ходасевич: “Все это таинственно в высшей степени и, если угодно, напоминает уголовный роман”» фрагмент рецензии В.Ходасевича на пушкинский том «Литературного наследства» (1934), касающийся пропав-

ших писем Н.Н.Пушкиной (Возрождение. 1935. 13 и 20 июня); вступительная заметка и публикация М.Долинского и И.Шайтанова.

Там же — статья В.Корнилова «Неюбилейное» к 100-летию со дня рождения В.Маяковского.

В №24 — статья Е.Рейна «Неотменяемые строки» к 100-летию со дня рождения В.Маяковского.

Там же — под заглавием «Алексей Крученых и его удивительная комната» воспоминания Ю.С.Тутуовой, дочери художника С.Сенькина, о встречах с А.Крученых в 1960-х гг.; подготовлено Н.Бровко.

Там же — рецензия А.Самойленко «Долгая дорога домой» на книгу: Кнорринг И. После всего. Алма-Ата, 1993.

Там же — рецензия В.Турбина «Ночь перед Рождеством Михаила Булгакова» на спектакль Театра им. Моссовета «Белая гвардия» по пьесе М.Булгакова «Дни Турбиных».

В №25 — статья Е.Бершина «Нагорные песни у Понта Эвксинского: Заметки с Первого Всемирного конгресса по русской литературе, приуроченного к 100-летию волошинского Коктебеля».

Там же — ответ А.Рубашкина «Школа сталинизма» на оценку Л.Наврозовым романа И.Эренбурга «Хулио Хуренито» (Литературная газета. 1993. 12 мая).

В №26 — под заглавием «Этот человек был абсолютно не приспособлен для жизни...» отрывки из воспоминаний Р.Якобсона о В.Маяковском, записанные в 1977 г. Б.Янгфельдом; предисловие Б.Янгфельда.

Литературная Россия:

В №22 — статья Е.Рыка «Булгаков в Испании» (испанская тема в жизни и творчестве М.Булгакова).

В №24/25 — статья Л.Колесниковой «“И, пожалуй, не сплетничайте...”»: По страницам уголовного дела о гибели В.Маяковского».

Литературные новости:

В №36/37 — реплика А.Саакянц «Ах, месье» — ответ на реплику Ю.Айхенвальда «Пардон, мадам» (Литературные новости. 1993. №28). См.: DV. 1993. №4. С.93; №7. С.76.

Московская правда:

В №107 — статья Е.Субботиной «Еще меня любите за то, что я умру» о Н.Загайновой и ее деятельности по увековечению памяти М.Цветаевой в Тарусе.

В №116 — статья Л.Колодного «Каких людей нам мало» (полемика с публикациями журнала «Огонек» о «Тихом Доне», посвященными проблеме авторства романа).

Московские ведомости:

В №10 — под заглавием «Саша Красный и в 110 лет красный» интервью Н.Леонтьева с поэтом А.Д.Брянским (Сашей Красным).

Там же — рассказ А.Аверченко «Приглашение на обед».

Московские новости:

В №23 — рецензия Е.Веселой «Сеанс столоверчения» на премьеру пьесы Ю.Кима «Страсти по Бумбарашу» по мотивам ранних произведений А.Гай-

дара в Театре-студии О.Табакова (режиссер В.Машков).

В №26 — рецензия О.Мартыненко «Стихи из романа» на спектакль Театра на Таганке «Живаго (Доктор)» по роману Б.Пастернака (режиссер Ю.Любимов).

Народная газета:

В №106 — статья А.Лонгинова «Письма Шолохова Павлу Посвянскому», включающая в себя отрывки из писем 1920-х гг. М.Шолохова к редактору издательства «Новая Москва».

В №115 — под заглавием «У автора “Тихого Дона”» воспоминания А.Лонгинова о встрече с М.Шолоховым в 1954 г. в Вешенской.

Невское время:

В №108 — статья И.Гостева «Муза зодчего Мандельштама» (речь идет в том числе об архитектурности поэтического мышления О.Мандельштама в стихотворении «Адмиралтейство», 1913).

В №115 — статья О.Коротцева «Планета по имени Светлов» (о звездах, названных в честь М.Шолохова, А.Твардовского, М.Светлова).

Неделя:

В №22 — под заглавием «Измышления» критический отклик В.Виленина на статью С.Земляного «Булгаков и Сталин» (Вечерняя Москва. 1993. 20 мая).

В №25 — статья С.Смирнова «Меркурий во втором доме» (взгляд на роман М.Булгакова «Мастер и Маргарита» глазами парапсихолога).

Независимая газета:

В №106 — статья С.Федякина «“Страшно в бездне...”: К 90-летию со дня рождения Б.Поплавского»; как приложение — стихотворения Б.Поплавского «Смерть детей» (1927), «Вспомнить — воскреснуть», «Il neige sur la ville» (1931).

В №107 — под заглавием «Пастернак да Пастернак, а о РАППе ни полслова...» интервью Н.Александрова с редакторами «DV» А.Галушкиным и А.Розенштромом.

В №110 — статья В.Сербина «Кризис нашей цивилизации по Питириму Сорокину» (в основном изложение идей книги П.Сорокина «Кризис нашего века»).

В №111 — статья М.Астиной «Авторитет бессмыслицы: К выходу в свет двухтомника А.Введенского».

В №112 — афоризмы А.А.Голенищева-Кутузова (1848-1913) из его книги «На летучих листьях» (1912); предисловие С.Ф.

В №114 — рецензия В.Денисова «Дойти до самой сути» на спектакль Театра на Таганке «Живаго (Доктор)» по роману Б.Пастернака (режиссер Ю.Любимов).

В №115 — «Большевизм и человечество: Посмертная статья Д.С.Мережковского» (Парижский вестник. 1944. №81); предисловие и публикация О.Королева.

В №166 — рецензия В.Журавлева «Достать чернил и плакат» на спектакль Театра на Таганке «Живаго (Доктор)».

В №117 — рецензия О.Егошиной «Снова Бумбараш...» на премьеру пьесы Ю.Кима «Страсти по

Бумбарашу» по произведениям А.Гайдара в Театре-студии под руководством О.Табакова (режиссер В.Машков).

В №118 — мемуарный очерк Н.Кожевниковой «Рояль из дома Пастернаков: Поэт и гонимый» о З.Н.Пастернак.

Нива России:

В №13 — под заглавием «Какая разница?» беседа Е.Аверина с А.Зиновьевым, в частности, об отношении последнего к творчеству В.Маяковского, М.Горького, М.Шолохова.

Общая газета:

В №3 — рецензия Г.Демина «Я прислал бутафорскую розу...» на премьеру спектакля «Живаго» по роману Б.Пастернака в Театре на Таганке (режиссер Ю.Любимов).

Там же — письмо в редакцию О.Румянцеву, Р.Рыбакову и Н.Сазанова «Наследие Рерихов действительно в опасности!» о судьбе коллекции картин Рерихов в собрании Государственного музея Востока.

Панорама (Лос-Анджелес):

В №636 — эссе Б.Носика «На ночном перекрестке Монпарнаса» о кафе «Ротонда», «Куполь», «Селект» и ресторане «Доминик» — излюбленных местах времяпровождения «русского Монпарнаса».

В №637 — эссе Б.Носика «Воспоминания в “Пассах”», посвященное литературной географии этого района Парижа (в частности, об адресах русских литераторов-эмигрантов: А.О. и И.И. Фондаминских, А.Толстого, З.Гиппиус и Д.Мережковского).

Там же — в рубрике «Из архивов» (так!) 16 «Афоризмов Льва Шестова» (из его книг «Апофеоз беспочвенности» и «На весах Иова»); предисловие и публикация Я.Симкина.

Патриот:

В №23 — статья Ю.Тюрина «И — “выгрызли волком”?» о переименовании площади Маяковского в Триумфальную.

В №24 — подборка из трех стихотворений М.А.Светлова к 90-летию со дня его рождения.

Там же — статья Ю.Тюрина «Судьба человека» о фильме режиссера С.Бондарчука по рассказу М.Шолохова.

Подмосковные известия:

В №112 — заметка А.Гайдамака-Пархоменко «Чествовали Бальмонта» об открытии мемориальной доски в усадьбе Знаменское-Губайлово в память о посещении этой усадьбы русскими поэтами-символистами.

Политика:

В №5 — статья И.А.Ильина «Самобытность или оригинальничанье?» (из журнала «Начала», 1992, №4); публикация А.А.Королькова.

Правда:

В №109 — под заглавием «Сергей Бондарчук: “Закончен труд...”» А.Высторобец беседует с С.Бондарчуком о съемках фильма «Тихий Дон» по роману М.Шолохова.

Российская газета:

В №119 — статья Г.Митина «Век Серебряный, лишь сейчас понимаем, что посеял ты...» (о русской литературе начала XX века как о кризисной).

Российские вести:

В №107 — под заглавием «Иван Шмелев: “Помни свое...”» статья И.Шмелева о Пушкине (1937).

Русская мысль (Париж):

В №3982 — воспоминания о. Михаила Ардова «Легендарная Ордынка» (преимущественно об А.Ахматовой и Б.Пастернаке; начало в №3980).

Там же — под заглавием «Некий еврей Мандельштам...» отрывки из документов Департамента полиции о наблюдении за О.Мандельштамом в 1911-1912 гг.; публикация и « пояснения » Д.Зубарева и П.Нерлера.

Там же — рецензия А.Шишкина на книгу: Florenski P.A. An den Wasserscheiden des Denkens. Ein Lesebuch. [Berlin, 1991].

Там же — под заглавием «Размышления о Блоке» письма Г.Адамовича М.Алданову от 20 октября 1956 г. и М.Алданова Г.Адамовичу от 24 ноября 1956 г.; публикация, комментарии и вступительная заметка Л.Мнухина.

В №3983 — продолжение воспоминаний о. Михаила Ардова «Легендарная Ордынка» (начало в №3980).

Там же — окончание публикации Д.Зубарева и П.Нерлера «Некий еврей Мандельштам...» (начало в №3982).

В №3984 — продолжение воспоминаний о. Михаила Ардова «Легендарная Ордынка» (в частности, об А.Ахматовой и М.Зощенко; начало в №3980).

Там же — под заглавием «Тарусский закат: Ариадна Эфрон» монтаж из писем А.Эфрон к А.Саакянц 1961 г.

Там же — рецензия Н.Горбаневской «Хочет душа прославить...» на книгу: Шергин Б. Жизнь живая. М., 1992.

Там же — статья В.Потресова «Холомки: Прошлое и будущее одной российской усадьбы» (об усадьбе в Бельском Устье под Петроградом, в которой в начале 1920-х гг. существовал дом отдыха петроградских литераторов и художников).

В №3985 — продолжение воспоминаний о. Михаила Ардова «Легендарная Ордынка» (в частности, об А.Ахматовой и Л.Гумилеве; начало в №3980).

Там же — продолжение публикации «Тарусский закат: Ариадна Эфрон» (письма А.Эфрон к А.Саакянц за 1962-1965 гг.; начало в №3985).

Там же — статья М.Швыдкого «Но кто мы и откуда?» по поводу премьеры спектакля «Живаго» («Доктор»)» по роману и стихам разных лет Б.Пастернака, стихам А.Пушкина, А.Блока, О.Мандельштама в Театре на Таганке (режиссер Ю.Любимов).

Русский вестник:

В №16 — с сокращениями статья В.Розанова «Загадки русской провокации» (Новое слово. 1910. №3).

Русский собор:

В №6 — стихотворение Н.Гумилева «Наступление».

Санкт-Петербургские ведомости:

В №131/132 — статья В.Старка «Дом с колоннами. Одежда» о имении В.Набокова в Рождествене.

В №142 — статья В.Старка «Дом сожжен и вырублены рощи...» о доме Набоковых в Выре.

Сегодня:

В №25 — рецензия М.Колерова «Ревность либерала» на книгу: Думова Н.Г. Либерал в России: Трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н.Миллюкова. М., 1992.

Там же — рецензия М.Хемлин «Болото для свободного человека» на гастрольную премьеру спектакля «На дне» по М.Горькому Владивостокского камерного театра драмы (режиссер Л.Анисимов).

В №26 — рецензия М.Хемлин «Всего живитель и виновник» на премьеру спектакля «Живаго (Доктор)» по роману и стихам Б.Пастернака, стихам А.Блока, О.Мандельштама и др. в Театре на Таганке (режиссер Ю.Любимов).

Семь с плюсом:

В №8 — рассказ Тэффи «Гильотина».

В №9 — рассказ И.Ильфа «Повелитель евреев» (в сокращении).

В №10 — рассказ А.Аверченко «Фокус великого кино».

Семья:

В №25 — статья В.Баранова «“Советский принц” Максим» (версия гибели сына А.М.Горького).

В №26 — стихотворение Н.Гумилева «Всадник».

Советская Россия:

В №67 — статья В.Бушина «Над бандой рвачей» (полемика со статьей Ал.Михайлова о В.Маяковском «Есть в России утес»).

Труд:

В №147/148 — три стихотворения С.Есенина.

Час пик:

В №22 — статья Е.Калмановского «...Он был казнен — и вот он жив, жив, как никто из вас» к 95-летию со дня рождения Н.М.Олейникова.

Экран и сцена:

В №22/23 — рецензия О.Шумяцкой «Не лав стори» на фильм «Мечты идиота» по роману И.Ильфа и Е.Петрова «Золотой теленок» (режиссер В.Пичул).

«Культурное наследие русской эмиграции. 1917-1940-е годы»

8-12 сентября 1993 г., Москва

Пятидневная Международная научная конференция замышлялась ее организаторами — Российской Академией наук и «Конгрессом соотечественников» — как «первый представительный форум отечественных и зарубежных ученых для обсуждения широкого круга вопросов, связанных с культурным наследием русской эмиграции». И, конечно, она не имела аналогов среди конференций последних лет — хотя бы только по количеству прочитанных докладов и учреждений, участвовавших в ее подготовке (полный перечень последних см. в сборнике материалов, выпущенном к открытию). Доклады и дискуссии проводились по нескольким секциям: «Российская эмиграция: Судьбы, политика, историческая мысль» (разработка научной концепции — А.Н.Сахаров, М.Г.Вандалковская), «Русская литература в эмиграции» (Н.А.Богомолов, О.Н.Михайлов, А.С.Мулярчик, А.Н.Николюкин), «Культурное наследие российской эмиграции: Философия и религия» (С.С.Хоружий), «Культурное наследие российской эмиграции: Искусство» (Ю.С.Рыбаков), «Российская наука и техника за рубежом» (Б.И.Козлов, В.П.Борисов) и «Российское наследие: Разделенные архивы» (Э.В.Переслегина, М.А.Айвазян).

Словосочетание «Русское Зарубежье» — сегодня, как и на заре «перестройки», — обладает какой-то магической притягательностью для российских ученых. За последние шесть-семь лет взоры многих из них обратились «на Запад» и вряд ли уже осталось какое-нибудь научное учреждение, в котором не работал бы сегодня отдел (сектор) «Русского Зарубежья». В результате этой переориентации фланги на других направлениях оказались оголенными. Прошедшая конференция стала своеобразным итогом этой работы, ярко продемонстрировав нынешнее состояние дел в исследовании отечественной наукой русской зарубежной культуры. Был представлен практически весь арсенал, используемый в затянутаемся штурме «Русского Зарубежья» (в том числе — и беллетризованные очерки жизни и творчества, лирико-философские эссе, «озвученные» указатели содержания эмигрантских изданий, пересказы хрестоматийных — считающихся все еще «недоступными» читателю — работ западных ученых). Но конференция показала и другое. Кажется, процесс «первичного накопления» и популяризации заканчивается, и, не разобравшись еще толком с фигурами первого ряда, российские ученые устремляются к ряду третьему и четвертому (где, конечно, несравнимо безопаснее, а художественные качества обеспечиваются «благородством происхождения»). Результаты этой деятельности иногда неожиданны и расходятся

с целями самих исследователей. Помещая ниже отчеты о работе литературной и архивной секций, мы предлагаем читателю самому судить об уровне и интересности прозвучавших на них докладов.

К открытию конференции был выпущен тиражом 350 экз. сборник: Международная научная конференция «Культурное наследие российской эмиграции: 1917-1940-е годы»: Сборник материалов. М., 1993; цифры после названия доклада в нашем отчете указывают номера страниц, на которых напечатаны тезисы.

DV

Секция

«Русская литература в эмиграции»

Работа этой секции была разбита на две подсекции. Заседания первой, проходившей под председательством О.Н.Михайлова, открыл доклад А.Н.Николюкина (Москва) «К проблеме целостности русской литературы. (1920-1930-е годы)». К концу нашего столетия, по утверждению докладчика, закончилось длительное противостояние двух литератур, русской советской и русской зарубежной, и они стали осознаваться как одно целое; связанные общим языком и общей традицией, лишь вместе они могут дать ответ на вопрос, что такое русская литература.

Тему этого выступления продолжил А.И.Чагин (Москва), предложивший свой ответ (хотя и названный им «публицистическим» и «приблизительным») на этот вопрос: «одна литература и два литературных процесса». Анализируя «Звезды» В.Ходасевича и «Я по лесенке приставной...» О.Мандельштама, докладчик попытался выявить в них как «родовые» черты, так и черты этих двух потоков литературы («В.Ходасевич и О.Мандельштам: К проблеме целостности русской литературы XX в.»).

Отношениям литературы русского зарубежья с русской классикой были посвящены доклады А.И.Рейтבלата, В.Е.Хализева и Т.В.Марченко.

А.И.Рейтблат (Москва) говорил об изменившемся после эмиграции у Ю.Айхенвальда отношении к классике; критик был убежден в том, что для эмиграции классическая традиция губительна, препятствует новым веяниям («Эмиграция и классика: Случай Ю.Айхенвальда»).

В.Е.Хализев (Москва) рассмотрел сформулированную в работах Н.С.Арсеньева конца 1920 — 1970-х гг. концепцию: в русской классике XIX века он выделял литературу, отмеченную религиозным осознанием, «мажорной» тональностью, воспеванием русского уклада жизни, и — «городскую», интеллигентскую, ставшую «материнским лоном и духовной почвой большевизма». Эти взгляды, по наблюдению докладчика, были близки Г.П.Федотову и В.Вейдле. Возможно, именно то, что Н.Арсеньев противостоял

«элитарно-интеллектуалистскому пониманию культуры», и обрекло его на безвестность, — заключил свой доклад В.Е.Хализев («Русская литература XIX века в интерпретации Н.С.Арсеньева», с.86-88).

Т.В.Марченко (Москва) говорила о том, что характерные для русской литературы черты — духовность, пророческий пафос, гражданственность — присутствуют у Гоголя. Но Гоголь не развил «нравственную мысль в живых образах и лицах», а у Шмелева «разделения между мыслью и образом не было» («Традиции Гоголя в творчестве И.Шмелева»).

Доклад С.Р.Федякина (Москва) «К.В.Мочульский о неоклассицизме» был посвящен литературно-критической деятельности К.Мочульского: его интересы, чувство слова и языка оказались, по наблюдению докладчика, близки к поисками нового, постсимволистского направления в литературе.

С.Д.Селиванова (Москва) в докладе, озаглавленном «Борис Филиппов как писатель и критик», особо остановилась на критических работах Б.Филиппова. Круг интересов Филиппова-критика составляла русская классика, литература и философия начала века и творчество первого и второго поколений эмиграции; в основу своего метода Филиппов, по утверждению докладчика, положил идеи Н.Федорова. Воплощение в отечественной культуре «русской идеи», «русскости» как сущностного начала С.Д.Селиванова считает одной из главных тем Б.Филиппова-критика.

Ю.Н.Караулов (Москва) в докладе «О русском языке зарубежья» наметил основные подходы к изучению этого феномена, выделив, в частности, одну из главных его особенностей — сохранение черт языка начала XX века.

Л.А.Спиридонова (Москва, «Сатира русского зарубежья») говорила о политизации текстов, созданных в эмиграции, и нарисовала образ сатирика «с остро отточенным ножом политического памфлета». По мнению докладчика, первое поколение сатириков почти не оставило в эмиграции преемников, способных продолжить традиции.

В докладе А.Н.Сенкевича (Москва) «Жанры оккультного романа, повести и рассказа в творчестве писателей русского зарубежья: (Духовные традиции русской культуры и масонство)» речь шла о преломлении теософских и антропософских идей в творчестве писателей-эмигрантов. Докладчик, впрочем, отметил принадлежность сочинений этого рода ко второму и даже третьему сорту литературы с художественной точки зрения.

В.Лосская (Париж) рассказала о создании книги «Марина Цветаева в жизни» и проблемах, возникших в процессе работы («Методологические проблемы, связанные с собиранием воспоминаний современников», с.73).

«Дарственные надписи на книгах из парижской библиотеки И.А.Бунина» (с.81-82) — тема выступления С.Н.Морозова (Москва); знакомство с инскриптами на книгах, подаренных И.Бунину, обогащает наши представления об отношениях с современниками патриарха русского литературного зарубежья.

Взаимодействию культуры русского зарубежья с культурами других стран были посвящены сообщения М.Каназирской (Велико Тырново, «Журнал “Русская мысль” в Болгарии»), рассказавшей об авторах и основных темах этого журнала и влиянии его на

болгарскую интеллигенцию, и Кавасаки Тару (Япония, «Философское наследие русского зарубежья и японская литература»), говорившего о значении идей Л.Шестова для японской интеллигенции, находившей в его работах отражение собственного духовного состояния после Второй мировой войны.

В докладе «Наследие литературы русского зарубежья и новые нравственные силы России» В.А.Чалмаев (Москва) дал свою оценку нынешней духовной ситуации в России («тотальный распад» и «господство релятивизма»), не показавшуюся нам, впрочем, оригинальной; к «литературе русского зарубежья» эти соображения отношения не имели.

Большая часть докладов была посвящена проблемам жизни и творчества отдельных писателей.

С.П.Трушинский (США) рассказал о своем знакомстве и переписке с Б.К.Зайцевым. Затем участникам конференции была предложена запись продолжительной беседы, состоявшейся между докладчиком и Зайцевым в 1970 г. Голос писателя, по словам О.Михайлова, внес в атмосферу зала «ноту мира, успокоения и добра».

Б.А.Ланнин (Москва, «Е.Замятин и развитие русской антиутопии») говорил о характерном для антиутопии образе «псевдокарнавала». В атмосфере страха возникает «инородный элемент» — герой антиутопии, эксцентрическая личность, вступающая в конфликт с тоталитарной властью.

Е.А.Осьминина (Москва), анализируя в докладе «“Солнце мертвых” — реальность, миф, символ» роман И.Шмелева, обнаружила в нем сосуществование черт традиционализма и модернизма.

Е.М.Трубилова (Москва, «Творчество Бориса Пантелеймонова в эмиграции») и Л.А.Еськина (Москва, «Из истории русской литературы в Финляндии: Мотивы и настроения Веры Булич», с.68-70) рассказали о жизни и творчестве ценимых современниками, но до сих пор еще мало известных на родине литераторов.

Э.Вагеманс (Левен, «Малоизвестный роман П.Н.Краснова», с.61-62) рассказал об утопическом романе «За чертополохом», отметив, что представления Краснова о постбольшевистской России можно назвать «пророческими».

Выступившая в свободной дискуссии Ф.Гринберг (Болгария) утверждала, что российские эмигранты, в значительной части — носители имперской идеи, основанной на панславянской доктрине, не смогли вписаться в сложную картину болгарской культуры. Она выступила также против идеализации русского зарубежья, проявившейся, по ее мнению, в выступлениях на конференции. Ф.Гринберг возражали ее соотечественница М.Каназирска, рассказавшая о деятельности «Славянского общества» в Болгарии, и А.М.Шахмайкин (Москва), отметивший, в частности, что для русских эмигрантов Болгария была скорее промежуточной инстанцией и намерения нарушать культурную ситуацию в Болгарии они не имели. С репликами и замечаниями выступили также Е.Осьминина, О.Михайлов, В.Петелин, А.Николюкин.

Н.К.

Заседания первого дня работы второй подсекции проходили под председательством Н.А. Богомолова. За некоторыми исключениями общей чертой выступлений на этой подсекции стала сосредоточенность исследователей на конкретном фактографическом материале.

Значительная часть выступлений была посвящена творчеству целого ряда писателей, прозаиков и поэтов: от В.В. Набокова до А.Гейнцельмана и М.Лопатто, чьи имена до сих пор, пожалуй, привлекали внимание исключительно специалистов.

Сообщение С.Гардзонио (Пиза) «Два русских поэта во Флоренции: (А.Гейнцельман и М.Лопатто)» (с.65), посвященное судьбам и творческому наследию малоизвестных русских литераторов-эмигрантов, прозвучало в самом начале работы подсекции и тем самым как бы предопределило имевший место впоследствии отказ от традиционного набора имен, стремление выступавших ввести в сферу исследования еще недостаточно изученный материал.

К числу подобных примеров можно отнести доклады И.Уайла (Эванстон) о творчестве Аргуса (псевдоним М.К.Айзенштадта-Железнова), довольно популярного в среде русской эмиграции писателя-сатирика, успешно сотрудничавшего в американских изданиях и оказавшего некоторое влияние на американскую культуру; К.Рехо (Москва, «Николай Байков: Судьба и книги», с.84-85), в котором на основе анализа творчества Байкова (главным образом, романа «Великий Ван») докладчик попытался опровергнуть идущее от Г.Струве мнение о том, что русская эмиграция на Востоке не дала крупных писательских имен; М.А.Васильевой (Москва) — о творчестве М.А.Каллаш (псевдоним — М.Курдюмов) и, в частности, о ее посвященной А.Чехову книге «Сердце смятенное», получившей в свое время одобрительный отклик И.Бунина.

Вслед за С.Гардзонио тему «Русские в Италии» продолжил в докладе «Вяч. Иванов и Вс. Мейерхольд в Риме. 1925» Ф.Мальковатти (Италия). В своем выступлении, основанном на документальном материале (письма З.Райх к Вяч.Иванову), он коснулся краткого, но довольно интересного эпизода в биографиях поэта и режиссера: лишь в малой степени реализованного плана их сотрудничества в области издательской деятельности в Советской России.

Три доклада было посвящено творчеству В.В.Набокова. О.Ю.Сконечная (Москва) выявила пародийный слой романа «Соглядатай», связанный с произведениями старших современников Набокова («Набоковский Смуров в зеркале “Крыльев” и “Шагов Командора”: Реминисценции из М.Кузмина и А.Блока в “Соглядатае”», с.85-86).

Г.Мондри (Йоханнесбург) в докладе «Образ Чернышевского и его восприятие русской эмиграцией 1930-х годов: (По роману В.Набокова “Дар”» (с.80-81) проанализировала не только литературные источники образа Чернышевского (Ф.Достоевский, К.Леонтьев, В.Розанов), но и содержащуюся в романе скрытую полемику с Ю.Тыняновым, отметив, однако, что, не принимая теоретико-литературных взглядов русского формалиста, Набоков «сам строит свою пародию на Чернышевского по принципам теоретических работ Тынянова».

М.А.Вострикова (Москва) сосредоточила свое внимание на ранней прозе Набокова («В.Набоков в

миниатюре — “Возвращение Чорба”, с.64-65), в которой, по ее наблюдению, отразились некоторые характерные для молодого поколения эмигрантов черты («острое ощущение одиночества и беспочвенности» и др.)

Имя И.А.Бунина прозвучало на заседаниях подсекции в связи с информацией о межрегиональной Ассоциации «Бунинское наследие», созданной в прошлом году в Москве по инициативе родственников писателя (сообщение Г.И. и В.А.Пречиских «Бунинское наследие: От искажения к истине» было прочитано С.Н.Морозовым, с.83-84). Собравшиеся были ознакомлены с целями и задачами организации: научное изучение и пропаганда творчества, координация деятельности существующих на территории России музеев И.А.Бунина и др.

Доклад Б.Хеллмана (Хельсинки) «А.И.Куприн в Хельсинки. 1919-1920» (с.88) касался еще недостаточно изученных, а порой и сознательно искажавшихся фактов литературной деятельности писателя первых лет эмиграции. В частности, докладчик рассказал о сотрудничестве Куприна в ряде белоэмигрантских изданий (в первую очередь — в гельсингфорской газете «Русская жизнь») и охарактеризовал его общественную позицию тех лет и истинные причины отъезда из России.

Позициям двух эмигрантских изданий, газеты «За свободу!» и ежесемейника «Звено», посвятил свой доклад Н.А.Богомолов (Москва) «Об одной литературно-политической полемике 1927 г.» (с.60-61). Полемика, в которой приняли участие Д.Философов, И.Северянин и др., с одной стороны, и З.Гиппиус (Антон Крайний) — с другой, была рассмотрена в связи со «старинным спором» о судьбах и задачах русской интеллигенции и ролью печатных изданий в русской эмиграции.

В близких по тематике докладах Е.П.Кирилловой (Москва, «Поэтическое творчество дальневосточного русского зарубежья как явление общественной жизни», с.71-72) и С.Г.Исакова (Тарту, «Русские литературные организации в Эстонии») речь шла о двух регионах русского зарубежья. Исследователи особенно отмечали роль специфических местных условий в формировании культурной жизни русской диаспоры. А С.Г.Исаков предложил использовать в исследовании русского зарубежья термины «система» (для обозначения всего явления в целом) и «подсистема» (для выделения отдельных территориальных регионов). Так же близки по тематике были доклады Л.М.Грановской (Баку) «Русский язык в “рассеянии”» (с.65-66) и Н.А.Кожевниковой (Москва) «О языке писателей-эмигрантов первой волны» (с.72-73). Независимо друг от друга докладчики отметили процесс «консервации языкового материала» у представителей старшего поколения эмиграции: «Язык был осознан как национальное достояние, которое нужно сохранить» (Н.А.Кожевникова). Связь художественного языка таких писателей, как И.Бунин, Б.Зайцев, М.Осоргин, с русской классической литературной традицией проследила Н.А.Кожевникова. При этом было отмечено, что язык русской эмиграции не избежал, конечно, влияний извне: французской литературы и языка (Н.А.Кожевникова), «советских» языковых новшеств (Л.М.Грановская).

Тема неразрывной связи эмиграции с русским классическим наследием была затронута и в сообще-

нии Ф.А.Молока (Москва) «Пушкинский юбилей 1937 г. в русском зарубежье (Чехословакия, Югославия) и в странах Западной Европы» (с.78-79), основанном на уникальном архивном и библиографическом материале.

Выступления второго дня работы подсекции проходили в рамках Круглого стола «Взаимосвязи русской зарубежной литературы». Заседание открыл А.С.Мулярчик (Москва) докладом «Межвоенная литература русского зарубежья во взаимодействии с культурой стран Запада» (с.82-83). Он призвал к внимательному изучению влияния западной литературы на русскую эмигрантскую (в особенности — на литературную «молодежь»); для решения этой проблемы необходимо, в частности, пристальное изучение переводческой и литературно-критической деятельности русской эмиграции.

В последовавших за докладом А.Мулярчика выступлениях тема «Писатель и среда» вышла на первый план обсуждения. Л.Н.Белошевская (Прага) рассказала об особенностях литературной жизни «русской Праги», участии русских эмигрантов в культурной жизни Чехословакии и о правительственной программе помощи российской диаспоре — т.н. «Русской Акции» («Литературная деятельность русской эмиграции в Чехословакии и межкультурные связи», с.59).

В докладе Ю.И.Архипова (Москва) «Федор Степун и Дмитрий Чижевский: Два типа взаимодействия с немецкой литературной средой» (с.58-59) трудности вхождения в научную и литературную среду Запада, вставшие перед этими учеными, были проанализированы в связи с особенностями русского национально-культурного менталитета.

Х.Виллих (Тюбинген, «Жизнь и творчество Л.Л.Кобылинского-Эллиса (1879-1947) в эмиграции: Эллис как посредник между русской литературой и немецкоязычными читателями», с.62-63) познакомила собравшихся с малоизвестными работами Эллиса на немецком языке, созданными после отъезда из России (переводы и издания избранных произведений Вл. Соловьева, монографии о Жуковском и Пушкине). А.Н.Зубарев (Москва) рассмотрел прозаический цикл «Биянкурские праздники и другие рассказы» на фоне французской новеллистики первой трети XX в., выявив целый ряд «переключек» и «параллелей» («Нина Берберова и мир французской литературы», с.70-71).

Прозвучал также доклад В.Кудениса (Левен) «Иван Наживин в Бельгии» (с.63-64), посвященный последним 16 годам жизни писателя; основываясь на неизвестных архивных материалах, докладчик рассказал о «бельгийском» периоде его творчества и его общественной позиции (в частности, о намерении перед смертью вернуться в Россию).

В ходе работы подсекции неоднократно возникала дискуссия по различным обсуждавшимся вопросам, что способствовало более глубокому прояснению целого ряда проблем.

Г.Н.Воронцова

Секция «Российское наследие: Разделенные архивы»

Заседания этой секции проходили под председательством М.А.Айвазяна.

Заседания открылись докладом Т.Ф.Павловой (Москва) «Судьбы архивов российской эмиграции» (с.157-158), посвященным истории создания и комплектования крупнейших русских зарубежных архивов: Русского заграничного исторического архива, Донского казачьего архива и др., их судьбе после 1945-1946 гг. Т.Ф.Павлова говорила о необходимости издания справочника по РЗИА и продолжения поиска новых документов русской эмиграции, а также о правовых аспектах получения этих документов или копий с них.

М.А.Айвазян (Москва) рассказал о «новых подходах» в архивной работе, используемых в Отделе рукописей ИМЛИ РАН («К вопросу о формировании фондов русской эмиграции 1917-1940 гг.», с.145-146).

Н.А.Барсуковой (Красноярск) был поставлен вопрос о целесообразности возвращения архивов в Россию. В качестве примера докладчик рассказала о судьбе библиотеки Г.В.Юдина: известный bibliофил передал в дар народу США 80 тыс. книг — и все они сохранились, а 20 тыс. книг, оставшихся в нашей стране, почти полностью утрачены, архив Г.В.Юдина — миллионы единиц хранения — был уничтожен практически целиком. На это сообщение М.А.Айвазян заметил, что сохранение и изучение архивов — «обязанность России».

Результаты масштабных исследований П.Гримстед (Москва/Кембридж, США) были представлены в докладе «Зарубежная архивная Россия и Советика» (с.149-151), носившем подзаголовок «Международные юридические проблемы и археографические усилия». В кратком выступлении докладчик указала, что происшедшая «десоветизация» архивов позволяет, наконец, надеяться на возвращение некоторых фондов, находящихся за рубежом. Выявление и профессиональное их описание — только первый необходимый шаг. Чрезвычайно важным является признание международной юридической практики, согласно которой соблюдается принцип уважения целостности архивов; необходимо разграничивать архивные материалы, созданные в России и затем вывезенные (принцип провинции), и те, которые имеют отношение к России, независимо от места их создания (принцип пертиненции). В настоящее время в России возникают трудности юридического характера, прежде всего потому, что в мировой практике в отношении государственных и частных архивов действуют разные законы, а в «Законе об Архивном фонде РСФСР и архивах» понятие «частная собственность» не вводится. Опубликованные за рубежом каталоги дают представление о составе российских архивов за рубежом, но сегодня — в свете изменений в бывшем Советском Союзе и увеличения во всем мире количества публикаций — справочник или серию справочников о фондах зарубежной архивной России целесообразно создать в виде компьютерной базы данных.

Н.В.Котрелев (Москва) отметил уникальную значимость работы П.Гримстед. В его выступлении освещались проблемы, связанные с новыми условиями работы исследователей, говорилось о юридических и

экономических сложностях, возникших в современном архивопользовании. Как и следовало ожидать, вопросы коммерческой деятельности архивов и профессионального уровня его сотрудников вызвали более чем оживленную реакцию аудитории, значительную часть которой составляли архивисты.

И.П.Сиротинская (Москва, «Материалы русской эмиграции, полученные из-за рубежа РГАЛИ») информировала о поступлении архивов Н.Бердяева, А.Ремизова, Тэффи, И.Мозжухина, А.Бенуа, К.Коровина, рукописей С.Есенина и др. (всего около 200 фондов, в которых содержится более 40 тыс. документов). Наиболее крупный архив, поступивший в РГАЛИ из-за рубежа, — архив М.Чехова; Н.Лобанов-Ростовский передал архив С.Судейкина с рисунками, письмами, воспоминаниями. Также было сообщено, что в РГАЛИ наконец откроются для исследователей фонды, прежде закрытые «Литературным наследием».

Доклад Э.Гаретто (Варезе) «Архив А.В.Амфитеатрова» (с.148) содержал большой фактический материал по проблемам изучения биографии писателя и систематизации его архива, разбросанного по архивам России, США, Италии. До сих пор не существует подробной описи этих материалов — хотя среди корреспондентов писателя были М.Алданов, М.Арцыбашев, К.Бальмонт, И.Бунин, Д.Мережковский, Б.Зайцев, П.Краснов, А.Куприн, Вас. Немирович-Данченко, А.Ремизов, Б.Савинков, Саша Черный, К.Чуковский.

Второй день заседания секции был открыт докладом Ю.П.Глушаковой (Москва) «Потомки друзей А.С.Пушкина в Италии и их роль в сохранении российских памятников в Италии» (с.148-149).

Затем выступил О.Р.Бородин (Москва), говоривший о концепции формирования национального фонда экстерииорики в России. Комплектованием экстерииорики (с некоторыми оговорками, понятия «экстерииорика» и «Россика» были признаны синонимами) занимаются в РГБ и РНБ. Докладчик предложил разделить по «сферам влияния» РГБ и РНБ и национальные республиканские библиотеки и высказал пожелание об издании межбиблиотечного ежегодника по русскому зарубежью.

Э.В.Переслегина (Москва) отметила, что к концу века «мы не можем написать полной истории русской культуры, поскольку целый пласт культурного наследия у нас, в России, еще не изучен». Этот «пласт» — русская эмиграция. В ИМЛИ РАН идет работа над серией монографий по историко-культурным центрам российской диаспоры (Прага, София, Берлин и др.) Сегодня крайне необходим компьютерный банк данных «Кто есть кто в русской эмиграции», — заключила свое выступление Э.В.Переслегина и обратилась к присутствующим с просьбой об участии в составлении этого словаря («Русское наследие: Проблемы источниковедческого анализа», с.159-160).

Сообщение Э.А.Шулеповой (Москва) было посвящено социальным и культурным проблемам русской эмиграции: «как сохранялась культура, кто помогал ей выжить». Докладчик проанализировала отношение к культурным ценностям у эмигрантов разных поколений и предложила создать Золотую книгу русской эмиграции («Русские вне границ России: Правовой статус, профессиональная занятость, проблемы образования», с.166).

А.С.Кручинин (Москва) рассказал о коллекции историка Я.М.Лисового в фондах ГПИБ, содержащей материалы о Белом движении, переписку П.Врангеля и А.Слащева, документы, собранные во время Второй мировой войны.

Г.А.Кисловская (Москва) информировала о комплектовании фондов ВГБИЛ литературой издательства «ИМКА-пресс» и «Жизнь с Богом» (Брюссель), а также сообщила о предстоящих поступлениях из издательства «Ардис».

Обзорный характер носил и доклад И.В.Балдиной (Москва) «Собрание Отдела литературы русского зарубежья Российской Государственной библиотеки» (с.146-147).

В выступлении Ю.Г.Фридштейна (Москва) прозвучала критика в адрес подготовленных научно-библиографическим отделом ВГБИЛ указателей «Русская литература возвращается на родину. (1986-1990 гг.)» и «Литература русского зарубежья в фондах библиотеки Москвы». Ю.Г.Фридштейн рассказал о работе над новым указателем. Возражая докладчику, редактор упомянутых изданий И.В.Балдина отметила важность и необходимость первых опытов составлении библиографических справочников такого рода и дала высокую оценку указателю «Регистрация литературы: Словесность и философия русской эмиграции в отечественных изданиях 1986-1990 гг.», подготовленному Томской научной библиотекой.

В.И.Харламов (Москва) говорил о необходимости создания сводного каталога книг русской эмиграции и о трудностях, встающих перед его составителями: неразработанность понятий «книга русского зарубежья», «эмигрантская печать» и др., отсутствие библиографий второго порядка, удаленность книгохранилищ и др. («Проблемы выбора и решения: К созданию сводного каталога книг русского зарубежья», с.162-164).

Заметным событием второго дня работы секции было появление в зале заседаний Р.Гера (Париж). Встреченный с большим энтузиазмом, известный коллекционер, исследователь и издатель оставил, однако, присутствующих без своего выступления.

Третий день работы секции начался с доклада О.К.Парчевского (Москва), в котором рассказывалось о жизни и деятельности К.К.Парчевского (1891-1945), — одного из ранних исследователей русской революционной эмиграции, автора многочисленных публикаций по этой проблеме в эмигрантской периодике 1920-1930-х гг. («О первой волне русской эмиграции в период между Первой и Второй мировой войнами по материалам К.К.Парчевского», с.158-159).

«Арбат в культуре русского зарубежья» (с.164-165) был темой выступления С.О.Шмидта (Москва). Обращая внимание слушателей на особое место Арбата в произведениях И.Бунина, М.Цветаевой, Б.Зайцева и М.Осоргина, докладчик охарактеризовал этот район Москвы как «особое биополе нашей культуры».

Е.С.Докашева (Москва, «Русский культурно-исторический музей в Праге: К постановке проблемы формирования музейных коллекций в эмиграции», с.152) рассказала о судьбе музея, созданного в 1935 г. В.Ф.Булгаковым. В настоящее время коллекция (в которую входили, в частности, материалы Ф.Степуна,

Н.Рубакина, М.Цветаевой, Б.Зайцева, И.Бунина и др.) рассеяна по музеям России.

В.Ю.Кудрявцева (Москва) в докладе «Деятельность Дома Искусств в Берлине» (с.156) осветила основные факты деятельности этой организации, относящиеся к началу 1920-х гг.

В выступлении В.В.Леонидова (Москва) «Архив-библиотека Российского Фонда культуры — новый центр по изучению истории и культуры русской эмиграции» (с.156-157) содержалась практически исчерпывающая информация о содержании фондов Библиотеки РФК — одной из первых негосударственных библиотек, созданной усилиями дарителей.

В заключительном докладе «Издания сибиряков-эмигрантов в Праге в 1920-30 гг.» Н.А.Барсукова рассказала об альманахе «Вольная Сибирь», издававшемся в Чехии Сибирским землячеством.

О.И.Яркова

* * *

Не имея возможности поместить отчеты о работе других секций и зная о подготовке двухтомного сборника материалов по конференции, мы печатаем ниже перечень докладов, тезисы которых были опубликованы в двухтомнике: Аксенова Е.П. «Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А.В.Флоровского» (с.17-18); Бойко Ю.В. «Российская эмиграция и французская историография» (с.18); Бонгард-Левин Г.М. «Академик М.И.Ростовцев (1870-1952) и русская эмиграция: (Новые архивные материалы)» (с.19-20); Борисов Ю.С. «Изменение образа послереволюционной российской эмиграции на родине» (с.20); Бородин А.П. «Кадетская партия в эмиграции 1920-23 гг.: (По материалам газеты "Последние известия")» (с.21); Вандаковская М.Г. «Историческая наука эмиграции: Основные направления и проблемы. (1920-30-е гг.)» (с.22); Владимирская Т.Л. «Диаспора русских в Парагвае: Загадки и открытия» (с.23); Горяинов А.Н. «Одесский славист М.Г.Погруженко в годы болгарской эмиграции» (с.23-24); Данилова Л.В. «Г.В.Вернадский — выдающийся историк XX в.» (с.24-25); Джурич О. «Шестьдесят лет Русскому Дому им. Императора Николая II в Белграде. (1933-1993)» (с.25-26); Домнин И.В. «Военная культура Русского Зарубежья: Феномен и историческое значение» (с.27-28); Дурновцев В.И. «П.Н.Савицкий, его жизнь и судьба» (с.28-29); Емельянов Ю.Н. «Издательские центры русской эмиграции 1920-30-х гг.: Берлин» (с.29); Ершов В.Ф. «Военно-политические доктрины белой эмиграции 1920-30-х гг.» (с.30-31); Иогансон Е.Н. «Русская эмиграция и украинский вопрос: К историографии проблемы» (с.31-32); Игнатова А.С. «Российская эмиграция в Китае: Штрихи к портрету» (с.32-33); Квакин А.В. «Интеллигенция российской эмиграции в поисках "третьего пути": "Смена веков"» (с.34); Козлов С.А. «История России в представлениях российского масонства в эмиграции. (1920-30-е гг.)» (с.34-35); Комолова Н.П. «Русская эмиграция первой волны в Италии в годы Второй мировой войны. (1935-1945)» (с.35-36); Кудрякова Е.Б. «Е.В.Саблин и Русский Дом в Лондоне» (с.36-38); Кулагина Г.М., Бочарова З.С. «Идейно-политические аспекты возвращения в российской эмиграции. (1920-е гг.)» (с.39); Макаренко Е.М. «Творчество Петра Лаврова — часть культурно-исторического наследия русской

эмиграции» (с.40); Мелихов Г.В. «Б.В.Остроумов и "остроумовский" период на КВЖД. (1921-1924 гг.)» (с.41); Мухачев Ю.В. «Идейно-политическая эволюция российской эмиграции» (с.42); Мясников В.С. «Русская эмиграция в Китае: (Деловая активность как форма самосохранения)» (с.43); Овсянников А.А. «Коммунистическая эмиграция: Большевистский пласт российского зарубежья» (с.44-45); Осипов В.А. «Газета "Накануне" (Берлин)» (с.45-46); Пархоменко Т.А. «Исход русской культуры: Первые шаги эмиграции» (с.46); Перхавко В.Б. «Российские ученые-эмигранты о месте феодальной России в славянском мире» (с.46-47); Пономарева Л.В. «Опыт сопоставления идей русских эмигрантов-евразийцев с одновременно развивавшимися вариантами "Испанской идеи": (Доктрина "Испанидад" Рамиро де Маэсту и др.)» (с.47-48); Сафронов Р.Ю. «Эмигрантский журнал "Новый град"» (с.48-49); Степанов Н.Ю. «К вопросу о деятельности евразийских организаций в Европе в 1920-1940 гг.: (Идеология, практика)» (с.49-50); Тарле Г.Я. «История российского зарубежья: Термины. Принципы периодизации» (с.50-51); Терпиловская М.Д. «Парижский Земгор и развитие русской культуры» (с.51); Хачатурян В.М. «Истоки русской революции в оценке эмиграции 1920-30 гг.» (с.52-53); Шаховской Д.М. «Сподвижник Л.М.Савелова: Николай Флегонтович Иконников и его труды» (с.53-55); Он же. «Источниковедческие вопросы изучения Российского зарубежья» (с.55-56); Шкаренков Л.К. «Новый взгляд на российское зарубежье: (Из опыта исторического поиска)» (с.56-57); Грачева А.М. «А.Ремизов и Е.Ляцкий: (К проблеме "Писатель и критик русского зарубежья")» (с.66-67); Дэвис Д. «Переписка редакторов "Современных записок": [И.И.Фондаминского-Бунакова и В.В.Руднева, 1923-1934 гг.]» (с.68); Лукшич И. «Поэзия русских эмигрантов в Хорватии: [М.Залесский, 1905-1979]» (с.74); Лупырев А.В. «"И образы прежней России Рисуются снова в мечтах...": (Два русских поэта в Финляндии: Иван Савин и Вадим Гарднер)» (с.74-76); Медарич М. «Проза русских эмигрантов в Хорватии: [И.Александр, В.Марков]» (с.77); Михайлов О.Н. «История одной дружбы: И.Бунин и Б.Зайцев» (с.77-78); Ефимова Н.А. «Религиозно-философская концепция Николая Бердяева в контексте произведений Василия Аксенова» (с.89-90); Кузьмина Л.П. «Труды русского эмигранта, апологета и писателя Ф.Е.Мельникова [1874-1960]» (с.90-91); Лисовой Н.Н. «В.В.Шульгин: Человек, политик и мыслитель: (Аксиомы и парадоксы национальной этики)» (с.92); Никифоров И.А. «Перспективы изучения православной литературы русского зарубежья» (с.93); Панина И.Я. «Философские и религиозные работы Дмитрия Панина» (с.94); Стахорский С.В. «Концепция творчества и эстетической мысли русского зарубежья: (По материалам статей Вяч. Иванова 1930-40-х гг.)» (с.95); Стернин Г.Ю. «Взгляд русской эмиграции (первой волны) на культурную традицию России как опыт самосознания» (с.95-96); Автономова Н.Б. «Годы эмиграции в жизни и творчестве В.В.Кандинского» (с.97-98); Бартошевич А.В. «Режиссер Федор Комиссаржевский в Английском театре» (с.98-99); Володарский В.М. «Марк Шагал о картинах Третьяковской галереи» (с.99-100); Горячкина-Полякова Е.И. «Н.Рерих и М.Добужинский: Воздействие художников на искусство России 1920-

40-х гг.» (с.100-101); Дмитриев Ю.А. «Цирк из России в странах Западной Европы в начале 1920-х гг.» (с.101-102); Зелюкина Т.С. «Русские художники в Латвии: К вопросу о художественном наследии русского зарубежья. (1917-1940)» (с.102-103); Коваленко Г.Ф. «Парижское творчество Александры Экстер» (с.103-104); Корабельникова Л.З. «К изучению музыкальной культуры русского зарубежья» (с.104-105); Лисовский В.Г. «Национальный стиль в архитектуре русского зарубежья» (с.105-106); Литаврина М.Г. «"Американская мечта" русского актера: (По письмам, дневникам и мемуарам русских актеров 1910-1920 гг.)» (с.106-107); Муромцева Л.П., Перхавко В.Б. «Общественные музейные собрания российской диаспоры в Чехословакии» (с.108-109); Парамонова Н.Б. «Юрий Анненков и судьба его альбома "Семнадцать портретов"» (с.109-111); Поспелов Г.Г. «Портреты артистов МХТ Бориса Григорьева» (с.111-112); Рябушинская-Пакаван А. «Верра Сергеевна Рябушинская» (с.113); Она же. «Художница Марья Дмитриевна Рябушинская (1910-1939)» (с.113-114); Сенкевич А. «Творческий путь русского архитектора В.К.Олтаржевского в свете его пребывания в Америке в 1924-1935 гг.» (с.114-116); Смелянский А.М. «Гастроли МХТ в Америке и судьба театра» (с.116-117); Соколов М.Н. «Неэстетическая теория искусства Владимира Вейдле» (с.117-118); Суриц Е.Я. «Дягилев и мировой балет» (с.118-119); Толстой А.В. «Участие русских художников в творческих группировках Парижа» (с.119-120); Федотов А.С. «Древнерусская культура и Русское Зарубежье. (1920-1930-е гг.)» (с.120-121); Хайт В.Л. «Состояние,

задачи и проблемы исследования архитектурного творчества российской диаспоры» (с.121-122); Чернова Н.Ю. «Русская "Жизель": Сценическая история балета как пример взаимовлияния европейских культур» (с.123-124); Шатских А.С. «"Парижская школа" как зарубежный филиал русского искусства» (с.124-125); Шевцова Т.И. «Русское храмовое зодчество в Китае 1900-1930-х гг.: (К вопросу об истории русско-китайских культурных связей)» (с.125-126); Капустина Е.Г. «Берлинские журналы А.С.Яценко — летопись культуры Русского Зарубежья начала 1920-х гг.» (с.152-153); Карпий В.М. «Об архиве Смитсониевского института в США» (с.153-154); Киселева Л.И. «Русские зарубежные издания в собрании библиофила А.В.Савина в Париже» (с.154-155); Пронина И.А. «Художественное наследие и архив Андрэ Ланского» (с.160-161); Селезнева Т.В. «Д.Д.Бурлюк как редактор и издатель: (По материалам русскоязычной печати Нью-Йорка 1922-1967)» (с.161-162).

Из материалов секции «Российская наука и техника за рубежом» укажем только некоторые (полный отчет о ее работе будет напечатан в журнале «Вопросы истории естествознания и техники»): Волков В.А. «Российская профессура глазами жандармов и чекистов» (с.128-129); Сухарев Ю.Н. «Общая археография и источниковедение Русского Научного Зарубежья» (с.140-141); Цветнов Н.Н. «Социологические и культурные особенности русской эмиграции в Норвегии» (с.143).

DV

«Творческий путь Марины Цветаевой»

9-10 сентября 1993 г., Москва

Международная научно-тематическая конференция по творчеству М.Цветаевой — первая из конференций, которые московский Дом Марины Цветаевой планирует проводить ежегодно. К началу ее работы тиражом 150 экз. был выпущен сборник тезисов: Творческий путь Марины Цветаевой: Первая международная научно-тематическая конференция. (7-10 сентября 1993 г.): Тезисы докладов. М.: Дом Марины Цветаевой, 1993; цифры после названия доклада в нашем отчете указывают номера страниц, на которых напечатаны тезисы.

Конференцию открыл С.О.Шмидт (Москва), рассказавший о значении Арбата в жизни и творчестве Цветаевой; по наблюдению докладчика, изменение его облика и обитателей после 1917 г. было для поэтессы равносильно изменению облика «ее России» («Два Арбата Марины Цветаевой», с.7-8).

Образам Италии в творчестве М.Цветаевой был посвящен доклад Н.П.Комоловой (Москва) «"Италийские сполохи" Марины Цветаевой» (с.9-12). Одной из «многих душ» М.Цветаевой, по утверждению докладчика, была душа «итальянская»: «италийские» образы пронизывают не только ее творчество, но и судьбу — в карман своего передника перед смертью поэтесса положила книжечку явно «флорентийского», по наблюдению Н.П.Комоловой, «происхождения».

В.Лосская (Париж) поделилась своими размышлениями о самоубийстве Цветаевой. Приведя пространные цитаты из статьи Н.А.Бердяева «О самоубийстве» (1931), она отметила, что «вопрос смерти в цветаевском творчестве — это самый серьезный философский вопрос» и призвала собравшихся сочувственно и терпимо отнестись к последней воле великой поэтессы.

М.И.Фейнберг (Москва), посетовав на немногочисленность специальных работ по теме своего доклада «Марина Цветаева о Пушкине» (с.16-18), сделала краткий обзор цветаевской пушкинистики, общим итогом которого стало утверждение, что в «цветаевских работах содержится цельная система взглядов, необычайно важная для понимания нами Пушкина».

В докладе О.В.Шурляковой (Киев) была принята попытка определить «основной», по мнению докладчика, поэтический миф Цветаевой — «миф о поэте»; в частности, были вскрыты элементы архетипических представлений в этом мифе и рассмотрено его влияние на цветаевские оценки поэтов-современников («Авторский миф о себе — поэте Марины Цветаевой»).

А.Смит (Бристоль) продемонстрировала на примере поэмы «Чародей», как уже в раннем творчестве Цветаевой складывалась определенная «мифология

детства», связанная с темой «запретного», «искуса», «искушения». «Архетип» этой мифологии, по мнению докладчика, кроется в произведениях Платона, а само понимание детства в период работы над «Чародеем» несет на себе явный отпечаток антропософских учений Р.Штейнера (доклад А.Смит «Мифопоэтическая модель детства в творчестве Марины Цветаевой» был зачитан И.Ю.Беляковой).

О.Г.Ревзина (Москва) посвятила свой доклад цветаевскому «Крысолову» — поэме, в самой структуре которой воплотились «принципы художественного мышления XX века». Подробно рассмотрев один из этих принципов — «принцип введения и наложения разных неязыковых пространств», докладчик задалась вопросом: «Какой тип социально-политической структуры стоит за Крысоловом?». Поэма звучит как предостережение — пусть и тщетное. Однако, по определению докладчика, «социальным структурам» Гаммельна находится альтернатива — язык поэмы, который живет и развивается по своим законам и воплощает категорию Жизни («Художественная структура и художественный смысл поэмы М.Цветаевой “Крысолов”», с.35-38).

М.Л.Гаспаров (Москва, «Русский “Молодец” и французский “Молодец”: Два стиховых эксперимента», с.33-34), сравнив ритмические варианты поэмы (на русском и французском языке), пришел к интереснейшему заключению: русская силлабо-тоника у Цветаевой эволюционирует в сторону силлабики, а французская силлабика — в сторону силлабо-тоники, что, по мнению докладчика, «очень перспективно для дальнейших путей развития европейского стиха». Характеристика «французского» «Молодца» и системы французского стихосложения в целом вызвала критические замечания В.Лосской. Докладчик, поблагодарив оппонента за высказанные наблюдения, сказал, что они чрезвычайно интересны как иллюстрация «разницы между фактом языка и психологическим его восприятием».

Выявлению «подспудного смысла» стихотворения М.Цветаевой «Существования котловиною...» посвятил свое выступление Г.Н.Горчаков (Москва). Не найдя биографического объяснения «трагической безысходности» этого стихотворения, докладчик пришел к выводу, что оно связано с новым творческим этапом поэтессы: «Это стихотворение — не отпевание “последней жизни”, а отпевание последней лирики» («Тайна стиха», с.20-23).

В докладе В.И.Фатюшенко (Москва) была предпринята попытка раскрыть композиционные принципы лирических циклов поэтессы, основанных, по мысли докладчика, на «фазах (приливах и отливах) жизненного цикла: любовь и разлука, сон и пробуждение, экстаз и тишина». «Творчество Цветаевой», — заключил докладчик, — представляет собой блестящий образец лирического актуализма: все цельно и нерасторжимо, все живет и не стареет, все создано раз и навсегда» («Проблемы циклизации в лирике Марины Цветаевой», с.24-26).

Несколько докладов было объединено темой «Поэтический язык и поэтический мир Марины Цветаевой».

Л.В.Зубова (С.-Петербург) проанализировала семантику слова «окоем» в поэме «Крысолов», продемонстрировав на примере данного словоупотребления важнейшие черты поэтического языка М.Цветаевой («“Окоем” в поэме М.Цветаевой “Крысолов”», с.49-52).

И.Ю.Белякова (Москва, «Исследования по поэтическому языку М.Цветаевой в семинаре МГУ», с.41-45) познакомила участников конференции с некоторыми студенческими работами 1980-1993 гг., посвященными анализу поэтического идиолекта Марины Цветаевой в русле «системно-функционального подхода», разработанного О.Г.Ревзиной.

О.И.Северская (Москва) проследила эволюцию взаимоотношения звука и смысла в цветаевских текстах на разных этапах творчества поэтессы (традиционно выделяемых цветаеводами): 1910-е гг., когда звук, как правило, «вводит представление о внеязыковой реальности»; 1920-е, период наибольшей «аналогии звука и смысла»; 1930-е, когда созвучия используются скупер («“Есть рифмы — в мире том подобранные...”»: О звуко-смысловых связях в поэзии М.Цветаевой», с.46-48).

На материале творчества поэтессы разных лет был построен интересный доклад О.В.Платоновой (Москва) «Особенности употребления метафоры в поэтическом языке Марины Цветаевой» (с.62-65).

Два доклада были посвящены несколько неожиданной теме «Цветаева и Восток». «Восточные реминисценции в цикле “Даниил”» — название доклада Е.В.Кухтиной (Москва). Отталкиваясь от нетрадиционности толкования поэтессой евангельских текстов, докладчик определила Цветаеву как наследницу дохристианских, магических традиций (египетская, семитская и др. мифология).

Н.Б.Заболотная (Москва) представила свой опыт «танатологической» интерпретации стихотворения «Сивилла — младенцу» из цикла «Сивилла», в результате которого было высказано предположение о знакомстве Цветаевой — прямом или опосредованном — с «буддистской психотехникой». Но этот вопрос, заключила докладчик, еще нуждается в более детальных исследованиях («Буддистские интерпретации поэзии Цветаевой: Опыт структурного анализа»).

* * *

В сборнике материалов опубликованы тезисы докладов, не прозвучавших на конференции: Брейт-барт Е.А. «Поэт и эмиграция» (с.13-15); Боонстра-Лудден Г. «М.Цветаева и М.Кузмин: (“Нездешний вечер”» (с.19); Нерознак В.П. «Лингвистика поэтического текста Марины Цветаевой» (с.39-40); Коркина Е.Б. «Заметки о цветописии М.Цветаевой» (с.53-57); Горбаневский М.В. «Ономастический аспект анализа поэтических текстов Марины Цветаевой» (с.58-61); Татарченко А.П. «Субстантивированные прилагательные как часть поэтического словаря М.Цветаевой» (с.65-67); Жильцова В.В. «Некоторые системно-функциональные характеристики тире в поэтическом идиолекте Цветаевой» (с.68-70). О.В.Шурлякова зачитала доклад на иную, чем было объявлено в сборнике, тему; тезисы ее работы «Миф о безгрешном поэте» см. на с.27-32.

**К «Материалам» Л.М.Турчинского
(De Visu. 1993. №8)**

Затяг известному книгознатца Льва Михайловича Турчинского по дополнению тарасенковской библиографии русской поэзии первой половины XX века (роскошный подарок, поднесенный Львом Турчинским к своему шестидесятилетию и себе, и любителям отечественной словесности) сразу же выплеснула сотни новых титулов, имен, псевдонимов, мест. Новое средство к удалению сомнений от названий книг, как встарь именовали каталоги в арабской традиции, ставит своим чередом новые вопросы историкам культуры. Мне представляется, что есть смысл навстречу этим вопросам предлагать вскладчину всевозможные материалы к аннотированию нового указателя.

В указателе есть:

— В.Агатов (В.И.Гуревич) — автор песни «Темная ночь» и текстов песен из репертуара А.Вертинского;

— Эльза Аренс (она же киевская певица Эльга Эриковна Аренс? См., напр.: Синев Н. В жизни и на эстраде. Киев, 1983. С.95);

— ростовский поэт Борис Васильевич Ерофеев (см.: Литвин Н. Поэт-гусар // Таврический голос. Симферополь, 1920. 14/27 октября);

— граф Николай Георгиевич Зубов, корнет 7-го гусарского Белорусского полка (ум. в 1925 г.);

— наркоман Ф.Камышнюк (см.: Онвей. Путиами неведомыми // Эхо. Владивосток, 1919. 12 июля);

— организатор «Ордена дерзо-поэтов» Федор Нестерович Кашинцев (см. о нем: РГАЛИ, ф.341, оп.1, ед.хр.274, л.49);

— жена генерал-лейтенанта Н.А.Клюева Зинаида Андреевна Клюева (1880 — ?), ушедшая в монастырь в Финляндии;

— доктор Ицхак Цетлин (Аркадин; 1901-1988) — основатель Союза русскоязычных писателей Израиля (1973).

Обнаружился след и К.Тальявина, сборник которого «Безурность: Прелюдии» (1908) в числе прочих рецензировал Александр Блок, — под именем И.Корпацкого К.Тальявин издал в 1923 г. в Стамбуле книгу «Лунное венчание», а А.И.Булдеев, автор «Потерян-

ного Эдема» (1910) под именем А.Булдевича выпустил поэму о Серафиме Саровском в Свято-Троицком монастыре под Нью-Йорком в 1949 г.

— Вера Грэт, издавшая в Ростове в 1918 г. сборник «Грань» — Вера Мелентьевна Гадзятская (Романович), оставившая воспоминания о встречах с Гумилевым, который надписал ей на своей книге в 1915 г.:

Этот путь конквистадоров,
Скопище стихов нестройных
Недостойн Ваших взоров,
Слишком смелых и спокойных.

— Эмилия Кальма — Эмилия Самуиловна Кальманович, дочь видного деятеля петроградской, а затем таллиннской еврейской общины, жена расквашенного белогвардейца И.С.Коноплина. Судьба ее после 1920-х гг. мне не известна.

Что же касается несколько загадочной «русской поэмы» В.Веселовского «Спрут» (1903), то в библиотеке Еврейского университета в Иерусалиме хранится экземпляр этой книги с пометой «Полный» и многочисленными рукописными вставками цензурных изъятий.

И особо хочется сказать еще о двух поэтах.

— «Петр Гладищев», выпустивший в 1933-1935 гг. две книги в берлинском издательстве «Парабола»;

— Михаил Сергеевич Новаков (1902, Воронеж — 1938, Каир); сведения о нем находятся в личном архиве А.П.Дехтерева (Библиотека АН Латвии).

Книжка П.Гомзякова «Стихотворения» (Владивосток, 1904; имя автора воспроизведено, по-видимому, с опечаткой) дополняет те три позиции, которые есть у А.Н.Тарасенкова. О ранней биографии морского врача Павла Ивановича Гомзякова (1867 — ?) см.: Путник. Русские поэты Дальнего Востока: П.И.Гомзяков // Эхо. Владивосток, 1919. 15 июня. Последние из его известных мне публикаций — в архангельской газете «Северное утро» в 1918 г.

Содержание предыдущих номеров:

№0 за 1992 год:

- И.Г.Эренбург. Статьи 1919 года
- Е.И.Замятин. Письмо А.К.Воронскому
- «Сборник контрреволюционных произведений» Д.Хармса, А.Введенского, И.Бахтерева и др. (из их следственного дела)
- А.Е.Парнис. Вячеслав Иванов и Хлебников
- Н.А.Богомолов. Окультизм в творчестве Гумилева
- К.М.Поливанов. Марина Цветаева в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»
- А.Т.Никитаев. Ничевоки: материалы к истории и библиографии

№1 за 1993 год:

- Ранние опыты Г.О.Винокура
- Р.О.Якобсон. Письмо Г.Г.Шпету
- Б.М.Эйхенбаум. Дневник 1917-1918 гг.
- В.Б.Шкловский. Письма М.Горькому 1917-1923 гг.
- И.Ю.Подгаецкая. Пастернак и Верлен
- А.Ю.Галушкин. Новые материалы к библиографии В.Б.Шкловского

№2 за 1993 год:

- Вокруг гибели Надежды Львовой: неизданные материалы
- Н.А.Бердяев. Письма Андрею Белому
- Инна Андреева. К истории отношений В.Ф.Ходасевича и Муни (С.В.Кисина)
- А.Л.Соболев. «Грядущее» Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус
- О.С.Фигурнова. Игорь Северянин в Эстонии: материалы к библиографии

№3 за 1993 год:

- Александр Ширяевец. Из переписки 1912-1917 гг. с Н.А.Клюевым, С.М.Городецким, В.Ф.Ходасевичем, М.Горьким и др.
- М.Горький и Ф.А.Степун. Переписка
- Ю.М.Каган. О еврейской теме и библейских мотивах у Марины Цветаевой
- В.Г.Сукач. Материалы к библиографии В.В.Розанова

№4 за 1993 год:

- В.Я.Брюсов. Стихотворения 1918-1921 гг.
- Борис Садовской. Кровавая звезда
- Леонид Андреев. Письма Н.К.Рериху
- М.П.Арцыбашев. Письма Борису Савинкову
- К.М.Поливанов. Заметки и материалы к «политической» биографии Бориса Пастернака
- А.Ю.Галушкин. В защиту свободы печати

№5 за 1993 год:

- М.Ф.Ликиардопуло. Письма М.А.Кузмину
- Переписка В.Ф.Ходасевича и М.О.Гершензона
- М.А.Волошин. Письма С.Ф.Платонову
- М.Л.Гаспаров. Стих и смысл
- В.В.Попов, Б.Я.Фрезинский. Материалы к библиографии И.Г.Эренбурга

№6 за 1993 год:

- В.И.Лурье. Воспоминания о Гумилеве
- К.К.Вагинов. Поэма. Рецензии
- Неизвестное стихотворение М.А.Кузмина
- Леонид Липавский. Сны
- Л.Ф.Кацис. Словарь «Стихов о неизвестном солдате»
- С.Н.Доценко. Об одном примере анаграмматического построения текста: Вяч. Иванов.
- К.М.Поливанов. Машинописные альманахи «Гиперборей» и «Мнемозина»

№7 за 1993 год:

- Беседа о пролетарской культуре в Вольфиле
- А.А.Богданов. Пять недель в ГПУ
- Б.Янгфельдт. «Крикотубый Заратустра»: Маяковский и Ницше
- А.В.Валуженич. О.М.Брик: Материалы к библиографии

№8 за 1993 год:

- К истории одной дружбы: В.С.Соловьев и кн. С.Н.Трубецкой. Новые материалы
- Из ранней верленианы Валерия Брюсова
- Е.Толстая. «Вдохновенный дидакт» и «симпатичный талант»: Аким Вольтинский о Чехове
- Л.М.Турчинский. Русские поэты XX века. 1900-1955: Новые материалы к библиографии А.К.Тарасенкова

№9 за 1993 год:

- М.И.Цветаева. Письма М.С.Фельдштейну и Е.А.Фельдштейн
- Вяч. И. Иванов. Предисловие к повести Л.Д.Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три урода»
- М.М.Павлова. Из творческой предыстории «Мелкого беса»: Алголагнический роман Федора Сологуба
- Т.Л.Никольская. С.М.Городецкий в Грузии (1917-1919): Материалы к библиографии
- С.Г.Исаков. Игорь Северянин в Эстонии: Материалы к библиографии

В каждом номере —
текущая библиография по тематике «DV»,
хроника научной жизни

По вопросам подписки за рубежом
просим обращаться к нашему представителю:

Tatiana Tchernova,
P.O. BOX 1641, New-York, NY 10159-1641 USA

В 1994 г. "De Visu"

предполагает опубликовать:

Неизвестные стихотворения Ф.Коган, С.Укше; дневники, письма и статьи Эллиса; письма А.Кондратьева Б.Садовскому, Б.Лавренева К.Федину; переписку М.Волошина и Б.Савинкова; письма Г.Адамовича, Л.Андреева, К.Бальмонта, Б.Божнева, Г.Газданова, М.Горького, М.Гершензона, Е.Замятина, Ю.Никольского, С.Парнок, И.Сельвинского, Ю.Тынянова, К.Чуковского, И.Шмелева, И.Эренбурга, Б.Эйхенбаума, В.Яновского; воспоминания А.Кондратьева, С.Нельди-хена; дневники Б.Поплавского, М.Пришвина; статьи и выступления И.Анненского, К.Бальмонта, С.Клычкова, А.Куприна, М.Осоргина, А.Скалдина, Ф.Сологуба, А.Толстого, Р.Якобсона; стенограммы заседаний «Вольфилы».

Статьи о творчестве И.Аксенова, А.Ахматовой, М.Булгакова, К.Вагинова, Н.Гумилева, Л.Добычина, Г.Иванова, Н.Клюева, Д.Кнута, А.Крученых, О.Мандельштама, В.Маяковского, Д.Мережковского, В.Набокова, Ю.Олеши, Б.Пастернака, А.Платонова, А.Ремизова, В.Розанова, Ф.Сологуба, Д.Хармса, В.Хлебникова, В.Ходасевича, М.Цветаевой, К.Чуковского, Эллиса.

Материалы к биографии Б.Пильняка.

Новые материалы к библиографии О.Мандельштама; материалы к библиографии М.Арцыбашева, Г.Газданова, Е.Замятина, М.Кузмина, Л.Лунца, В.Розанова; указатели содержания журналов и однодневных газет 1920-х гг.; «Свободный стих в критике 1900-1930-х гг.»; «Русские поэты XX века: Дополнения к библиографии А.Тарасенкова»; материалы к архивографии А.Гейнцельмана.

Материалы к истории и библиографии литературных групп «Серрапионовы братья», «акоитисты», «люминисты», «презантисты».

Материалы к истории советской цензуры.

Летопись литературной жизни Москвы и Петрограда 1918 года.

В каждом номере — тематическая текущая библиография (книги, журналы, газеты), хроника научной жизни (в ближайших номерах отчеты о конференциях в Алуште, Бахчисарае, Будапеште, Варшаве, Владимире, Гарньяно, Гродно, Ельце, Иванове, Касселе, Лионе, Москве, Таллинне, Тарту, Одессе, Орле, Саратове, Смоленске, С.-Петербурге, Фрайбурге и др.)